



ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 2 (59) 2018

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 17,3 усл. п.л. Заказ № 683.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История модернизации

- 7 Черникова Т.В. Формирование нового мировоззрения в России в ходе вестернизации при Петре I

Национальная и международная безопасность

- 26 Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие
- 43 Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации

Европейское измерение мировой политики

- 63 Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Грошева Г.В., Кочев И.А. Открытые границы ЕС в контексте национальной и общеевропейской идентичности на примере отдельных стран Евросоюза
- 99 Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход

Парадипломатия

- 125 Гиматдинов Р.Р., Насыров И.Р. К вопросу оценки и повышения эффективности деятельности зарубежных представительств субъектов Российской Федерации

- 145 Артеев С.П. Международные связи субгосударственных акторов в контексте эволюции федерализма (на примере сотрудничества республики Коми и Венгрии в первой половине 1990-х гг.)
- 165 Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А., Сушенцов А.А. Влияние этнонациональных лобби на внешнюю политику США: исторический опыт украинской диаспоры
- 185 Данненберг А.Н., Касаткин П.И. Святой Престол на Святой земле: история и современность

РЕЦЕНЗИИ

- 201 Соков И.А. Раскрывая секреты: о противоборстве Германии и США в Мексике в 1914-1918 гг.
- 205 Федорченко А.В. Современная оценка наследия Гамалы Абдель Насера

Table of Contents 2 • 2018

RESEARCH ARTICLES

History of Westernization

- 7 Chernikova T.V. New World Outlook in the Light of The Westernization of Peter I

National and International Security

- 26 Timofeev I.N. Economic Sanctions as a Concept of Power Politics
- 43 Kravchenko S.A., Podberezkin A.I. Trust in Scientific Knowledge under the Conditions of New Threats for National Security of Russian Federation

European Dimension of World Politics

- 63 Khakhalkina E.V., Andreev K.P., Groshcheva G.V., Kochev I.A. Open Borders of the European Union: National and European Identity on the Example of Certain EU Member-States
- 99 Ponomareva E.G. The Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans: Scenario Approach

Paradiplomacy

- 125 Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. On the Question of Evaluation and Improvement Activities of Foreign Representations of the Russian Federation Subordinate Entities

- 145 Arteev S.P. Sub-State Actors in International Relations and the Evolution of Federalism (Cooperation between the Komi Republic and Hungary in the First Half of the 1990s.)
- 165 Loshkariov I.D., Parenkov D.A., Sushentsov A.A. The Influence of Ethno-National Lobbies on the Us Foreign Policy: History of the Ukrainian Diaspora
- 185 Dannenberg A.N., Kasatkin P.I. The Holy See in the Holy Land: History and the Present

BOOK REVIEWS

- 201 Sokov I.A. Opening the Secrets: About the Confrontation between Germany and the United States in Mexico in 1914-1918
- 205 Fedorchenko A.V. Assessing the Heritage of Gamal Abdel Nasser

NEW WORLD OUTLOOK IN THE LIGHT OF THE WESTERNIZATION OF PETER I

T.V. Chernikova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The reign of Peter I paradoxically combined both the apogee of the might of the old patrimonial state and the accelerated westernization of the country. The article briefly analyzes some of the factors that strengthened the state patrimonial system: the consequences of the decree on the Unified Heritage of 1714 and the expansion of serfdom due to the appearance of new categories of serfs.

To a greater extent, the article is devoted to the study of accelerated Westernization in Russia under Peter the Great. It resulted in the curtailment of the patrimonial way of life in Russia.

The article focuses on the emergence of a new worldview doctrine. It considers various forms through which the formation of new understandings of social structures, culture, system of power and life in general took place. Such new practices as uttering panegyrics in honor of the monarch and his policies, public celebration of military victories (the organization of the so-called «Triumphs») and the church reforms greatly contributed to the formation of the new worldview. One of the vivid figures exemplifying it was Theophan Prokopovich.

In the first quarter of the 18th century westernization came to Russia directly from Western Europe. It removed all barriers to direct communication between Russians and foreigners, discredited the old ecclesiastical postulate that all Western Christians were “heretics”, paved the way for the beginning of internal modernization as well as for the tragic fate of the socio-cultural split in Russia between the upper educated social strata and the bulk of the Russian population that remained in the Middle Ages.

Key words: Reforms of Peter the Great, state patrimonial structure, Westernization, the decree on the choice of one heir, the expansion of serfdom, panegyrics, «Triumphs», church reform, Theophan Prokopovich, the beginning of the socio-cultural split.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 05.03.2018 г.

Принята к публикации 15.04.2018 г.

The epoch of Peter I left its imprint on the Russian history as a time of rapid westernization. However, in terms of the essence of this process, not all of the reforms implemented by the first Russian Emperor led to the destruction of the old Moscow foundations. The paradoxical combination of the old Moscow heritage and the new stage of Westernization made the essence of the reign of Peter I. The aim of this article is analyzing the legacy of the state patrimonial system during the early westernization and providing the evidence of emergence of a new worldview in Russia in the late 1690s and 1720s.

The evolution of Russian ideology and world outlook has been studied quite well by Russian and foreign scholars. The curious point about it, that the most devoted Peter's apologists – such as S.M. Soloviev, the founder of the Statist School in history studies, and N.I. Pavlenko, the modern historian who developed perfectly his concept, and V.O. Klyuchevsky, P.N. Milyukov, who were more critical in the Peter's reforms assessment, as well as Richard Pipes [18] and Helene Carrere d'Encausse [20], tough skeptics and critics of Peter's reorganization, – all of them agree that it was Peter I who initiated the real modernization of Russian social and political system. This viewpoint is concurred by nearly all authors who wrote about the Peter's era.

In contrast to the majority of historians studying the epoch of Peter I, we suggest the reign of Peter the summit of old patrimonial way of life in Russia. In late XVII – first quarter XVIII the object of true modernization was elite's thinking, not the mentality of the most of the Russian population. Moreover, the army and official institutions with their rules and regulations were also put under modernizing. Richard S. Wortman presents the most appealing understanding of novelties in public thinking in Russia in the times of Peter I [19].

The legacy of the epoch of the patrimonial structure in the time of Peter I

The social policy that was pursued by Peter I did not undermine the patrimonial structure («вотчинный уклад»)¹ of the Russian state at all. On the contrary, the control of the tsarist power over all social strata became tougher with the simultaneous restriction of the rights of movement, occupation and disposal of real estate. That is why it is no coincidence that historians and jurists of the 19th century characterized the social policy of Peter I as «the enslavement of all estates».

Indeed, according to the decree of 1714 [9, p. 91] about property inheritance both the owners of the *pomest' es* (conditional land tenures) and owners of the *votchinas* (unconditional land tenures) lost their right to divide their estates among heirs, being obliged to transfer them only to one of them. The interchange, sale, donation

¹ The peculiarity of the internal structure of patrimonial states is not only the existence of the highest political power of the monarch, but also the concentration in his hands of the right of supreme ownership over the entire land fund of the country and its other economic resources. Wartime way of life in the Middle Ages and early Modern times was characteristic of many Asian countries, the Ottoman Empire and Russia since the formation of a single Moscow state in the second half of the 15th century and until the early 1730's.

and the pledge of estates were forbidden. Young representatives of *szlachta* (legally privileged noble class) who went to the service as well as those common people who served in the noble rank no longer received estates (conditional land tenures). That took place against the background of an abrupt intensification of the regular service, that was still lifelong. Young people at service had no opportunity to choose the kind and place of service, because that was the prerogative of the authorities. The control of the noble children was established through the inspections and all of them according to the tsar's decree, were recruited. So they started a career with the lowest military ranks.

It should be noted that in spite of the tide in the reign of Peter I in the nobility of a large number of natives of the lower strata of the nobility and the formation of a new nobility of the Tsar's favorites, the most of the generals and the upper layer of the bureaucracy both during the time of Peter I and in the middle of the 18th century by calculations, Ivanov was 93% composed of old noble families [17, с. 33-34].

The merchants turned out to be responsible tax collectors in 1699-1708 and distributors of the monopoly state goods during the reign of Peter I. As a result, from 30 to 50% of merchants of two higher guilds (*gostinaya sotnya* and *sukonnaya sotnya*) went broke. Merchants were forced to unite in *kumpanstva* (partnerships) in order to construct military ships on their own funds. They lost the right to have estates with serf people. At the same time management or ownership of state-owned factories was often imposed upon merchants on unfavorable conditions.

Tens of thousands of *posad* people (towns people) had to leave their business because they were involved in the construction of shipyards, fortresses and St. Petersburg.

Even more pronounced was the state pressure in relation to rural residents. They accounted for more than 90% of the Russian population. Their obligations to the state included both the payment of taxes and work in favor of the state. At the same time, serfdom expanded in depth and breadth. New categories of serf people emerged. Among them were so called *posessionny`e* and ascribed peasants, serving manufacturing industry. *Chernososhny`e* peasants (personally free peasants), landowners supporting the border guard service, including those from Siberia, and several other rural social groups that had carried duties in favor of the state, turned into serfs of the state. According to the tax reform of 1724, there were no more free people who do not have a permanent place of residence or not registered in census books (вольные гулящие люди – *vol`ny`e gulyashhie lyudi*) as well as slaves. Both were obliged to pay head taxes (подушная подать – *podushnaya podat`*). The first census and its revision took place in 1718-1724. By a special decree of 1722, members of the clergy families who were not involved in the church service as well as priests out of service, sextons, deacons living in churches also became serfs. All of them were assigned to the owners of the villages where the church was located or to the landowners-parishioners of the temple, if it was not located in the owner's land. At the same time, government tax burden of privately owned and monastery peasants was almost 2 times stronger than a tax burden in favor of landowners (74 kopecks per year - against 40 kopecks per year).

The old Moscow connection of the Russian monarch with his subjects, built along the lines of «the tsar - the slaves», did not change, but took only new forms by 1725. Virtually all the means extracted through taxes were spent under Peter I on the army and the highest state authorities. However, in the middle and in the second half of the XVIII century the same thing was observed [16, c. 80].

However, the fact that the fundamental socio-political foundations of the patriarchal structure were not eliminated by Peter I did not mean that there were no innovations introduced during his epoch.

Radical innovations of the westernization

Russia entered a new era since the time of Peter the Great. A scheme of superficial Westernization that had been used since the second half of the 15th century till the middle of the 17th century and had been aimed at using of western military, technical, administrative and cultural experience, stayed during the reign of Peter the Great, but several significant changes appeared. In addition to the explosive growth in the number of borrowings, there was a transition from the Polish-Lithuanian «reading German innovations» to the direct receipt of them from Western Europe. At the end of the reign of Peter I the influence of the Polish-Lithuanian Commonwealth resulted only in the preservation of the estate term *szlachta* (nobility). Discovered and more cardinal novelties:

1. The Supreme Power removed almost all obstacles on the way of direct communication between Russians and foreigners, both in Russia and abroad. In former times, the tsarist power had initiated Westernization, but at the same time it had created a socio-cultural barrier between Russians and foreigners.

2. The unequivocal religious and ideological postulate concerning «heretical» Western non-Orthodox Christians as well as their states deprived of divine grace disappeared. On the contrary, the tsar set an example of admiration for the achievements of the Western Europe. The adherents of an old Moscow piety became victims of rude mockery both from the monarch and successful part of the society, especially the youth.

3. The reforms of Peter I laid the preconditions for the further transition to deep Westernization and organic modernization. The term «western influence» that V.O. Klyuchevsky used to describe process that took place in the 17th century (in other words the superiority of various Western European achievements over the native antiquity) described not only the desire to obtain the achievements, but to understand which social foundations allowed these achievements to emerge.

4. However, such sentiments influenced only the minds of the nobility and the urban population. The main part of the Russian population, especially peasantry, was not ready for modernization that was needed to bridge the gap between Russia and the most developed countries of Europe.

Taxable strata of society remained in the Russian Middle Ages. This concerned their cultural and socio-economic situation, where even more than before, the people

were being crushed by the state and by its service class – *szlachta* (nobility). At the same time the Russian social elite (old and new nobility, bureaucracy, prosperous merchants) started to represent a new Russian culture that was a part of the European culture of the 18th century. A huge split between the culture of the elite and popular culture was formed, and that led to chronic incompleteness and inconsistency of the modernization process in Russia.

This new social and cultural split of Russia was deeper than the church schism of the 17th century. The church schism was one of so-called innovations of that century. It reflected the spiritual awakening of society that was still medieval, but not ready to remain silent. Thus they declared the position using the only possible way - the language of faith. It was a clear sign of progress. In some way this process was similar to the European renaissance of the Reformation. However, unlike the European Protestantism and the following reforms of Catholicism, which were generated by the spiritual demands of the emerging bourgeoisie, the Russian religious movement, including both adherents of Patriarch Nikon and the Old Believers, was totally medieval phenomenon. Florovsky writes «that Kostomarov was right when noted that the split had been deeply connected with the old days but it had been a phenomenon of a new life. According to Kostomarov, that was the paradox of the church Split. The schism was a dream about the old Russia, a kind of a sadness about the unrealized and already unrealizable dream» [10, p. 94]. The growing state and serf-owning oppression plunged most of the traditional peasant Russia of the 18th century into a «Lethargy». Rare attempts of people to implement the dreams of freedom resulted in the Cossacks robbery and, according to A.S. Pushkin, «senseless and merciless» rebellion of Pugachev. All these phenomena were dominated by a desire to destruct. There was no constructive program. In the economy and life traditional patriarchal-archaic forms with sacralization of extensive technologies of «grandfathers», which did not change fundamentally from the 10th-13th centuries, stiffened. This was done unlike what was happening in the life of the common people in the West of Europe in the earlier New Times.

Above this medieval foundation similar to the underwater iceberg, there was a small but clearly visible part of westernized absolute monarchy and emerging educated elite society that was represented by aristocracy, nobility, bureaucracy and rarely people of art and science.

«Triumphs» of Peter I as a symbol of a new world outlook

We will focus on a new world view concept, which was initiated by the state and produced by service class people. It entered the 18th century with a large number of medieval habits, one of which was to get the truth not from books or school, but to perceive it with eyes and ears. Therefore, during the time of Peter the Great, praise and panegyrics and especially public theatrical performances which were organized by the authorities on the occasion of their victories played a huge role.

Most of these performances called «Triumphs» presented to the public entirely new stories, allegories and symbols, taken from European literature, architecture and painting. As a result, all the intellectual-mental, ethical-esthetic, religious-philosophical and political developments of the Renaissance, the Baroque and the Enlightenment came to Russia simultaneously.

In the public space of the cities there was a place for the Sabbath of the All-Drunk Council (a mixture of Western farce and indecent anti-clerical satire of Russian buffoons), and carnival processions in the spirit of ancient Rome with fireworks and triumphal arches.

Familiar to Europe images of ancient Greek and Roman Gods, ancient heroes became a part of state offensive propaganda with important ideological overtones. Such things changed the mentality of nobility and townspeople.

For example, let's look at the first Triumph of Peter the Great. It was organized in Moscow on September 30, 1696 in honor of the seizure of Azov. From 9am till the darkness troops were marching through the capital's streets. Soldiers were moving among captive Turks. «The feats of the commanders, General and Admiral Lefort and General Shein, the feats of «the great captain» Peter I were celebrated. ... The Colonel Chambers was at the head of the Semyonov regiment, General Patrick Gordon was at the head of his troops. Behind them the regiment of archers were marching. Austrian and Brandenburg engineers, as well as Franz Timmerman with his shipbuilders and carpenters participated the procession» [1, p. 348].

American historian Richard S. Wortman underlines the importance of allegorical images and inscriptions that decorated the Arc de Triomphe. Strong baroque figures of Hercules and Mars with the inscriptions «With the Hercules' bravery» and «With the Mars' bravery» stroke the eye. Thus Hercules and Mars symbolized Western metaphors of monarch-hero, monarch-God ... [12, p. 68-69]». A quote from the Gospel of Luke «A doer deserves the reward», placed on the pediment of the Arch, was written not under the icon, but under the image of ancient winged Victory with a laurel wreath. There were also inscriptions about Roman emperor Constantine, but he was presented not as a defender of Christianity, as Russian monks-scribes liked to present the previous Moscow monarchs. On the golden tapestries Constantine became an allegory of Tsar Peter I, glorifying him as a monarch-warrior, who returned like a Roman emperor with a victory and celebrated his triumph over unholy Tsar Maxentius of Rome (allegorical embodiment of the Ottoman sultan) [12, p. 69].

On the roof of Triumphal Arch there was a figure of Andrei Andreevich Vinius, the son of the Dutchman Andrew Vinius, the creator of the first iron-making European manufacture in Russia (Tula) in 1632, who ultimately joined the Orthodox church and Russian citizenship. Vinius Junior was a Duma (Council of the boyars) clerk and chief postmaster of Russia. At Triumph, he delivered his own panegyric.

Генерал, адмирал! Морских всех сил глава,
Пришёл, узрел, победил прегордого врага,

Мужеством командора турок вскоре поражён,
Премногих же орудий и запасов си лишён,
Сражением жестоким бусурманы побеждены,
Корысти их отбиты, корабли запалены [12, р. 68].

Semantic translation:

General, Admiral! Marine all the forces of the head,
He came, saw, conquered the enemy enemy,
The courage of the commander defeated the Turks,
They are deprived of many tools and stocks
The battle of the cruel Busurmanas was defeated,
Their greed is repulsed, the ships are sunk

As we can see, Peter I was indirectly compared to Julius Caesar in the panegyric of Vinius through the words «Veni, vidi, vici». The words “I came, I saw, I conquered” were also placed on the Arch in three places.

In honor of the capture of Azov there were huge fireworks. Russian and foreign Musicians were playing on drums, European military music was heard.

In the future such Triumphs, but even more magnificent and long-lasting, became a common thing. But that was different from the old bell-rings and the procession of the clergy with icons. However, the sound of bells did not disappear, but in the Orthodox churches like in Europe in honor of the king and his merits panegyrics were also delivered. They had the same meaning as the verses of Andrew Vinius, but they were much more instructive and perfect. In terms of panegyrics there were no equal to Theophan Prokopovich, a rare in the spiritual environment supporter of all innovations of Peter I. However, other church bishops (the so-called «Latinists»), who supported the renewal and some development of the Russian Orthodox Church in the European style, did not fall behind Prokopovich in the number of panegyrics. Their ideological opponents, the conservatives of the «Grecophiles», were removed from the church management after 1700.

With the introduction of years from the birth of Christ on a Julian calendar (1700), the beginning of the new year was moved from September, 1 to January, 1. And according to the royal decree, New Year had to be celebrated cheerfully with Christmas trees, fireworks, treats. So, New year became as important as Christmas day.

Western European fashion for clothing and hairstyle played a great role in the process of Westernization of Russia. Since Peter I made decisions alone, perhaps, his spontaneous act could lead to new changes. In August 1698, he returned from the Great embassy to Europe and personally cut off the beard of Alexei Semyonovich Shein who suppressed the archers rebellion of 1698. This last representative of the ancient boyar family got the highest and unknown in Russia military rank generalissimo for the seizure of Azov in 1696. Later, according to the tsar's decree, all service class people as

well as townspeople were forced to shave the beard, despite the fact that people in Russia had never done it before.

In the 17th century in Russia for smoking of tobacco relied on the death penalty. Now smoking, borrowed by Russians from Western Europe has become the common practice.

In February 1699, the tsar cut the skirts of old Russian dress of his nobles during the consecration of a luxurious palace built in the style of European baroque in the German Quarter near Yauza (the river of the Moscow River) for the old friend and the teacher of Peter I - Franz Lefort. Later, in Kitay-gorod (the second ring of fortifications in Moscow) and near the Chudov Monastery in the Kremlin, advertisements were posted obliging people in Moscow and other cities and noblemen everywhere to wear German and Hungarian caftans. In the capital, where the first reform concerning the change of the old Russian dress to the Polish caftan (but with the prohibition of the German costume) was introduced by Tsar Feodor III Alekseevich, the elder brother of Peter the Great, the innovation was accepted calmly. Quite different was the reaction in the small towns. In Astrakhan, where the rebel against the increasing taxes and abuse of power took place, people called out «For Beard and Russian Dress!».

The defeat of the rebels in Astrakhan, as well as other numerous riots of the epoch, were publicly condemned by church.

«The Kuranty», the first kind of newspaper in the 17th century, read only for the tsar and the boyars, was replaced in 1703 by the European newspaper «Vedomosti» that had a huge circulation of 2,000 copies. The American scientist R. Pipes gives the following assessment of its role: «This newspaper made a great contribution to the Russian cultural life and marked the most important constitutional innovation, because thus Peter the Great put an end to the Moscow tradition of dealing with domestic and foreign news as with state secret» [7, p. 173].

How had all these innovations changed the mentality of the Russian population after the death of the initiator?

Usually when it comes to the death of the Emperor Peter I, we remember the funeral speech of Theophan Prokopovich: «What happened? Russians, what have we come to? What can we see? What are we doing? We are burying Peter the Great ... But his strength and glory are with us. Russia will keep all he has done. Russia is a nightmare for the enemies, and it will continue to be a nightmare; Russia is glorious, and Russia cannot stop to be glorious. He has left us spiritual, civil and military improvements» [6, p. 552].

However, in the folklore sources, in addition to folk tales about Peter is the Anti-christ and cry of the new recruit about his heavy share, we find monuments that are related in spirit to the burial Panegyric of Prokopovich. They come from the people's soldier's mass, brought up by Peter's "military regulations", their own military exploits and "Triumphs" in their honor. In Russia, the ratio of the army to the population was 3 times higher than in Western Europe. There were 1 soldier per 100 inhabitants [15, p. 100]

Let us give an example of a «soldier's song», made up with an ideology that was witnessed in the public presentations of the era. The publishers called the song «The Death of Peter I». It begins with a story about the last hours of the emperor's life.

Под одеялечком лежит удалой добрый молодец,
Удал добрый молодец, наш православный царь.
Православный царь Пётр Алексеевич.
Перед ним стоят все князья-бояре,
Все старшие фельдмаршалы:
«Тебе, видно, худо можется,
Худо можется конец ближится.
На кого ты своё царство приказываешь,
На кого ты своё государство отказываешь?
Кому у нас будет сенат судить,
Кому у нас владеть каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россиею?»

А возговорил наш батюшка православный царь,
Православный царь Пётр Алексеевич:
«Сенат судить вам, князьям-боярам,
Каменна Москва и Россия вся — моей государыне».

Услыхала государыня,
Из палат идёт, сама вопит:
«О ты гой еси, мой мил-сердечный друг,
Православный царь Пётр Алексеевич!...

The following part of this sad ballad takes us to the funeral of the tsar.

Ах ты батюшко светел месяц.
Что ты светишь не по старому,
Не по старому и не по-прежнему.
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей тёмною.
Что у нас было на Святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском, что у правого у крылоса.

У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял,
Стоючи, он призадумался,
Призадумавшись, он плакать стал,

И он плачет, что река льётся,
 Возрыдает, что ручьи текут,
 Возрыдаючи, он вымолвил:
 «Ах ты матушка сыра земля,
 Раступися ты на все стороны,
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернися ты, золота парча,
 И ты встань, проснись, православный царь.
 Посмотри сударь, на свою гвардию,
 Посмотри на всю армию,
 Уже все полки во строю стоят
 ...
 Дожидаются они полковника,
 Что полковника преображенского,
 Капитана бомбардирского» [4, p. 312].

Semantic translation:

Under the blanket lies a good fellow,
 Daring good fellow, our Orthodox king.
 The Orthodox Tsar Peter Alexeyevich.
 In front of him are all the boyar princes,
 All senior field marshals:
 «You seem to feel bad,
 Your end is approaching.
 On whom you leave your kingdom,
 To whom do you convey your state?
 Who will appoint our Senate,
 Who will own stone Moscow,
 Stone Moscow, the whole of Russia?»
 And our Orthodox king said,
 Orthodox Tsar Peter Alekseevich:
 «In the Senate you, the boyars- princes, will judge,
 Stone Moscow and all of Russia departs to my empress!»
 The Empress heard,
 She goes from the chambers, she screams:
 Oh, my dear dear friend,
 The Orthodox Tsar Peter Alekseevich! ...

The following part of this sad ballad takes us to the funeral of the tsar.

Oh, you're a father bright moon.
 That you do not shine in the old way,

Not according to the old and not as before.
 You're all hiding behind the clouds,
 You close the dark cloud.
 What we had in Holy Russia,
 In St. Petersburg in a glorious city,
 In the Cathedral of Peter and Paul, that at the right wing.

At the tomb of the sovereign,
 The young soldier stood on the clock,
 Standing still, he pondered,
 After thinking, he began to cry,
 And he cries that the river is pouring,
 He sobs that the streams flow,
 Crying, he uttered:
 «Oh, you are the mother of cheese earth,
 You stepped on all sides,
 You open up, a coffin board,
 Turn around you, brocade gold,
 And you rise, wake up, Orthodox king.
 Look sir, at your guard,
 Look at the whole army,
 Already all the regiments in the ranks are
 ...
 They wait for the colonel,
 That Colonel Transfiguration²,
 The captain of the bombardier».

In spite of the naive and traditional for folklore form, the events of January 1725, including the official explanation of the reason of the emperor's death were quite clearly expressed. The emperor chose the heir in 1724 when his second wife Ekaterina Alekseevna was crowned. We can notice a respect for the higher military ranks (the boyar princes, senior field marshals) who conducted the affairs of the Senate. At the same time, there is a veiled but absolutely understandable assessment of the role of Peter I. It is obvious that the educational side of Peter's decrees, triumphs and panegyrics impressed the author or the authors of that song, although the images taken from the ancient myths were strange for the soldiers.

The army of Peter I became a part of the westernized Russian absolutism not just because of form and principles of organization, but also because of its spirit and mentality. Tsar Peter I became one of its main military and state symbols. The latter can be illustrated by the comparison of folk songs about the hard life of the early 18th century.

² Colonel Transfiguration (полковник преображенский) - in the XVII-XIX century a synonym for the Russian Tsar.

with the soldier's songs of the time of Peter I. The first ones are full of sorrow while the latter are full of positive assessments of the reforms.

«Agent of the Reform of Peter I» Theophan Prokopovich and the church question

If we talk about the people of the Modern period of history, who turned out to be significant figures of the beginning of the 18th century, then it is necessary to look at Theophan Prokopovich known as the indisputable "genius of panegyric". He, although being a monk, was more than anyone else corresponded to the royal conception of the ideal subject of new and, as the tsar considered, European Russia.

The figure of Theophan was a kind of a new man that was formed under the influence of both Europe and Peter's Russia. He was a son of a merchant from Smolensk, he was an orphan. His uncle, the rector of Kiev Theological Academy, brought him up. Theophan had his uncle's surname, and while being a monk took his name. Pokopovich junior got the best of all possible in Russia of the 17th century spiritual education, graduated from the Kiev Theological Academy. At the age of 19 he moved to Europe, visited three German universities, declared himself a Uniate (supporter of the union of the Catholic and Orthodox Churches) and stayed in Rome at the Jesuit College of The Holy Athanasius (1701-1704). This institution was known for good education and trained the Uniate missionaries from the Greeks and Slavs. (The College of St. Athanasius was known by its graduate, the Croatian Yuri Krizhanich, who was in many respects a "forerunner" of Peter's reforms, one of the "fathers" of pan-Slavism, who came to Russia of his own free will to glorify Alexei Mikhailovich, the tsar of that single power with which Krizhanich connected the unification of all Slavs and the liberation of them both from the Turks and from the Germans.) In Rome, Prokopovich's flexible mind drew the attention of Pope Clement XI, who wanted to him to stay in Rome, but Theophan remained faithful to the Motherland. Moreover, Prokopovich did not become a fan of Catholic theology. The Protestant interpretation of the Holy Gospel was closer to him [11, p. 315-326].

However, Theophan returned to Kiev in 1704, and declared his adherence to Orthodoxy. He taught poetics, rhetoric, philosophy and theology in the Kiev Academy. He was a fan of Hobbes, Descartes, Bacon and European science in general. He fought for the opening of secular schools and created one at his own for the orphans who were on his own expense. In addition to reading, writing and arithmetic, he taught the basics of various sciences, and had dance and secular European etiquette teachers at school.

Peter I noticed Theophan in the summer of 1709 after the latter delivered his famous panegyric in Kiev on the occasion of the Poltava victory. During the Prut campaign of 1711, Prokopovich already accompanied the tsar. Later he became the head of the Kiev-Mohyla Academy. In 1716 he moved to St. Petersburg to be near the tsar. June 2, 1718 he became the Bishop of Pskov and Narva, the head of the clergy of St.

Petersburg Province, and at the same time the head of the informal “scientific squad of Peter I”. With the help of Theophan, Peter I worked out and conducted one of his most important and at the same time disputed sociocultural transformations known as church reform.

From our point of view, the problem of the Russian church, consisted of its two features. The inner one was connected with the inertness of the clergy, that resulted in no adequate response to the development of society. External one was the desire of the Moscow tsars to subordinate the church to their state interests.

By the beginning of the 18th century, the tendency to subordinate the church was not already new. The first attempts to do it, however unsuccessfully, had been made in the middle - the second half of the 14th century by the Grand Dukes of Moscow Simeon the Proud (1340-1353) and Dimitry Donskoy (1359-1389). Real progress in this process took place after the refusal of Basil II of the Dark (with interruptions, 1425-1462) to recognize the Florentine Union of 1439 and after the introduction of autocephaly, followed by the split from the Orthodox (not Uniate) The Ecumenical Patriarchate of Constantinople that lasted till the middle of the 16th century.

This schism, which neither church nor secular historians like to write about, led to the “nationalization” of the Russian Orthodox Church, its temporary disappearance from the official hierarchy of the universal Orthodox community. As a result, the Russian autocephaly found itself one on one with the gaining power patrimonial state of the second half of the 15th and 16th centuries. Ivan the Terrible Ivan (1533-1584) already himself appointed the metropolitans. Moreover, the story with Philip Kolychev showed us that the issue of their life and death was also decided by the Tsar. The Monk Prikaz (the highest central judicial organ for the clergy) of the middle of the 17th century, that controlled the revenues of the church, and the collapse of Nikon after his quarrel with Tsar Alexei Mikhailovich already demonstrated that a symphony of the tsarist and patriarchal authorities is like a soloist and a musician who had to play along.

Peter began his church reform with the ban on the choice of a new patriarch after the death of Patriarch Adrian (October 15, 1700), and ended with the publication of the Manifesto on the Establishment of the Spiritual Collegium on February 5, 1721. The latter was opened on February 25, 1721 and was more often called the Holy Governing Synod. The staff of Synod consisted of both spiritual and secular people, but they were all appointed by the Tsar and swore allegiance to him. The work of the Synod was controlled by the monarch's secular chief prosecutor (овер-прокурор – *ober-prokuror*).

That is how Peter I completed the long process of church subordination to the state. The decrees of Peter III (1762) and Catherine II (1764) on the secularization of church lands became the finishing touch of this process.

Since 1718 Prokopovich became the main government publicist, apologist of absolute power, editor and author of many texts of decrees and all laws concerning the church. He wrote «The Story about Power and Honor of the Tsar» (1718), the foreword to the «Sea Charter» (1719), «The Laudatory Story about the Russian Fleet»,

«The Manifesto on the Establishment of the Spiritual Collegium», «Spiritual order» and «Oath for the Members of the Holy Synod» (all written in 1721), «A Brief Guide for Preachers» and «Declaration of Monasticism» (1724), «The First Teaching of the Youth». These works were among the fundamentally important acts of the supreme power, which Prokopovich was related to. One of the most important acts was the «Truth of the Monarch's Will in Determining the Successor of the Power»³, which Theophan created to prove the legitimacy and validity of the «Charter of Succession to the throne» of 1722.

Moreover, Prokopovich advocated for the development of primarily secular not spiritual education in Russia, advised the Tsar to invite European scientists and create with their help the Russian Academy of Sciences, that was realised already after Peter's death in 1725 but according to his decree of 28 January 1724. It was Prokopovich who was the first «European» theoretician of secular poetry and rhetoric (books «Poetics», 1705, «Rhetoric», 1707). He became the tutor of the first Russian classic poet Antiochus Cantemir, who was the predecessor of Russian literary classicism in general, represented in the writings of Tredikovskiy, Lomonosov and Sumarokov [5, p. 364-365; 8, p. 73-93]. By the way, Prokopovich would play a crucial role in the life of young Mikhail Lomonosov in the 1730s. The Moscow Slavic-Greek-Latin Academy enrolled only the children of clergy and nobles. Lomonosov pretended to be the nobleman's son, but the deception was revealed. He had to be severely punished. What is more, such deception could entail a terrible prohibition to continue the education. But the case was under Prokopovich's consideration, and he forgave Mikhail and blessed him for the further education.

Theophan's religious and philosophical views were closer to Protestantism ideas. This fact led to latent or obvious enmity towards him by the higher hierarchs of the Russian clergy, including both supporters of Byzantine Orthodox culture – the «greekophiles» who had been removed from the church leadership by Peter I and the «Latinists» headed by Stephen Yavorsky, locum of the patriarch from 1701 to 1721.

The «latinistes» were not against political and military reforms of Peter I. Like Theophan, they delivered panegyrics about the victories of Russia. Students of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy made up with scenarios and created scenery for the «Triumphs». Since 1700 Stefan Yavorsky, Metropolitan of Ryazan and Protector of the Academy, began to invite teachers from the Kiev Academy and changed the main language in school education from Greek to Latin. That was done at the insistence of Peter I... Kiev teachers brought to Russia the Roman symbolics and baroque imagery that Peter I used to create his new «imperial style [12, p. 75]».

But most of the supporters of the Catholic culture were opponents of Prokopovich's views on the «correct» relationship between church and government.

³ Правда воли монаршей. СПб., 1722.

Pravda voli monarshej. SPb., 1722.

Truth of the Monarch's Will in Determining the Successor of the Power. Saint-Petersburg, 1722. URL:http://imwerden.de/pdf/feofan_prokopovich_pravda_voli_monarshej_1722.pdf (In Russian)

One of the most famous theologians of the twentieth century Georgii Florovsky writes: «Theophan Prokopovich (1681-1736) was a terrible person. Even his appearance had something ominous. He was a typical mercenary and adventurer ... It would be right to call him a businessman, not an activist. One of the historians cleverly called him «an agent of the Peter's reforms». However, Theophan was faithful to Peter I, there was almost no adulation in their relations, and Theophan was engaged in reforms with enthusiasm ... His glorified story about the Tsar's funeral reflected the real grief, not just a fear. It seemed that Theophan was sincere only in this loyalty to Peter I, as the Reformer and the hero [10, p. 122]». And many clerics of that time would surely agree with him.

The majority of secular historians saw the figure of Theophan Prokopovich in a different way, although they did not veil many of the gloomy aspects of his personality. But they appeared later in 1725-1736, when the Vice-President of the Synod Theophan having lost his faithful patron Peter the Great had to fight for his position as a head of the Spiritual Collegium against the background of denunciations about his heretics. He was merciless to the opponents, who had the same qualities, but were less smart, as the case of Markell Radyshevsky showed us [14].

Florovsky, as well as Stefan Yavorsky or Markell Radyshevsky disliked Theophan not only because they suspected him in «Lutheran heretics». They were strong opponents of Theophan's refusal to recognize the clergy as a special stratum among regular state servants.

Both Theofan and Peter I understood that it was necessary to modernize the church life, because otherwise a complete transition of people from medieval spirituality to the spiritual life of the New Age was impossible [3, p.43-46]. Another question is whether they have chosen the right form of reform? We are not going to judge how much Stefan Yavorsky and his supporters understood the need for the modernization of the Russian Orthodox Church (a kind of analogue of the Reformation and further reform in the Catholic Church, which allowed both Western confessions to maintain independence and high authority among the public and the state). «Grekofiles» (supporters of Byzantine Orthodox culture) to which the majority of the Russian clergy belonged did not understand this necessity, sharing the position of Patriarch Joachim (1674-1690), the author of the famous «Testament», addressed to Tsars Ivan V and Peter I with the call to expel all heterodox Christians from Russia, break down their Lutheran Churches and to stop hiring Western specialists and thereby save the Orthodox souls from Western temptation [13, p. 488].

Peter I did not waste time having discussions with the clergy. He simply broke down the institution of the patriarchate, which interfered with his reforms. But at the same time he destroyed the very possibility of modernizing the church. The Reform of Synod completed the long process of subordination of the Russian Church to the Russian state. The clergy turned into civil servants on the religious and ideological issues. Moreover, they played the role of secret agents of political investigation. The decrees of Peter I, and in particular the «Spiritual regulations» abolished the secrecy of shrift, if it concerned a political crime.

The aim of the «Spiritual regulations» was to preserve the purity of Orthodoxy using education and science as the main means. Prokopovich advised: «... if we look closer through the history, we will see the worst in the time of bad education...⁴». According to the «Spiritual regulations» Old Believers were considered as an ignorance and had to be eradicated.

The claims of the best part of the Orthodox clergy of the twentieth century to Theophan were not connected with the propaganda of secular science. They had more in common with the following idea. «The magnification of the royal power and the proof of its absoluteness are the main ideas of Theophan. We can find his comprehensive ideas on this issue in the «Truth of the Monarch's Will»⁵. It is obvious that Peter I could give the arguments of his power to the clergy even without the postulates of Prokopovich. «It is rumored that the Tsar, attending the meeting of church hierarchs, discovered their desire to have a patriarch. Peter took the Spiritual Regulations out of his pocket and confidently said the following: «You ask for a patriarch, – here's a spiritual patriarch. With these word he took a dirk, hit the table and, speaking to the dissatisfied, added: "For all dissatisfied here is a patriarch of steel!» [6, p. 439]. In the Spiritual Regulations, the same thought is expressed in other words «Monarchs are autocrats, and God tells to obey them; monarchs have their advisers in order to prevent the unruly people from slandering⁶».

Florovsky finds out Prokopovich's views in the Western ideas: «Theophan stuck to the typical doctrine of the century, shared the ideas of Puffendorf, Grotius, Hobbes. They were ideologists of the era of Peter I Theofan almost believed in the absoluteness of the state. There is only «POWER», and there is absolutely no special spiritual power. It is very easy to find out the similarity of the Russian Regulations to those «regulations» or «church statutes» («Kirchenordnungen»), which had been formed after the Reformation in different princedoms for the newly established local Consistories. According to Florovsky, «The Reforms of Peter I led to the domination of the Protestant church ... the Russian Church turned out to be at risk. Since that time the clergy in Russia became a «frightened stratum». Partly it was pushed to the bottom of the social ladder. And at the top of it everybody kept ambiguous silence. The best ones turned out to be locked in themselves, since there was no other way for them in the 18th century. So one of the most important consequences of the reforms was the paralysis of the clergy. And in the future the Russian church continued to develop under this double inhibition - an administrative order and an internal fright» [10, p. 119-122].

It is difficult not to agree with such point of view. In Russia, in the spiritual life of both of the clergy and common people of the entire 18th century the main thing of

⁴ Духовный регламент.

Duhovny'j reglament. Spiritual regulations. URL: <https://knigogid.ru/books/36288-duhovnyy-reglament-1721-god/toread> (In Russian)

⁵ Правда воли монаршей. СПб., 1722.

Pravda voli monarshej. SPb., 1722.

⁶ Духовный регламент.

Duhovny'j reglament. Spiritual regulations. URL: <https://knigogid.ru/books/36288-duhovnyy-reglament-1721-god/toread> (In Russian)

Western Protestantism known as the spirit of capitalism was absent. As for the «Spiritual Regulations» of the Protestant countries (the German «police states», as Florovsky writes), they formalized, but did not subordinate religious life to the state, which sharply differed them from the realities of the Synod reform in Russia.

References

1. Bogoslovskii M.M. *Petr I materialy dlia biografii* [Peter the First. Materials for biography]. Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1940. Vol. 1. 435 p. (In Russian).
2. Buranok O.M. Feofan Prokopovich i V.K. Trediakovskii: preemstvennost literaturnykh traditsii [Feofan Prokopovich and V.K. Trediakovskii: Continuity of Literary Traditions]. V.K. *Trediakovskii i russkaia literatura* [V.K. Trediakovskii and Russian Literature]. Ed. by A.S. Kurilov. Moscow, IMLI Publ., 2005. Pp. 73-93. (In Russian).
3. Vinter E. Feofan Prokopovich i nachalo russkogo prosveshcheniia [Feofan Prokopovich and the beginning of the Russian Enlightenment]. *XVIII vek. rol i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kultury* [XVIII century. The role and importance of the literature of the XVIII century in the history of Russian culture]. Moscow, Leningrad, Institut russkoi literatury (pushkinskii dom) RAN Publ., 1966. Pp. 43-46. (In Russian).
4. *Istoricheskie pesni i ballady* [Historical songs and ballads]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 765 p. (In Russian).
5. *Istoriia vseмирnoi literatury* [History of World Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Vol. 5. 348 p. (In Russian).
6. Pavlenko N.I. *Istoriia Petra Velikogo* [History of Peter the Great]. Moscow, Veche Publ., 2006. 576 p. (In Russian).
7. Pipes R. *Russia under the old regime*. Penguin Publ., 1997. 384 p. (Russ. ed.: Paips R. Rossiia pri starom rezhime. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 1993. 424 p.)
8. Pigarev K.V., Fridlender G.M. Feofan Prokopovich. *Istoriia vseмирnoi literatury* [History of World Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Vol. 5. Pp. 363-365. (In Russian).
9. *Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire*. Vol. V (1713-1719). No. 2789. (In Russian).
10. *Prot. Georgii Florovskii. Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian theology]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2009. 848 p. (In Russian).
11. Tikhomirov F.A. Ideia absoliutizma boga i protstantskii skholastizm v bogoslovii feofana prokopovicha [The idea of God's absolutism and Protestant scholasticism in Theophan Prokopovich's theology]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], 1884, no. 9-10, pp. 315-326. (In Russian).
12. Uortman R.S. *Stsenarii vlasti. mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Ot Petra velikogo do smerti Nikolaia I [From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow, OGI Publ., 2004. 605 p. (In Russian).
13. Chernikova T.V. *Protsess evropeizatsii v rossii vo vtoroi polovine XV-XVII vv.* [The process of Europeanization in in the second half of the XV-XVII centuries]. Phd diss. Moscow, 2014. Vol. II. 941 p. (In Russian).
14. Chistovich I.A. *Feofan Prokopovich i ego vremia* [Theophanes Prokopovich and his time]. St. Petersburg, Imp. akad. Nauk Publ., 1868. 762 p. (In Russian).
15. Clark G. *The seventeenth Century*. Oxford Publ., 1947. 461 p.
16. Jones R.E. *The Emancipation of the Russia Nobility, 1762-1785*. Princeton Publ., 1973. 80 p.
17. Meehan-Waters B. *The muscovite Noble Origins of the Russian in the Generalitet of 1730. Cahiers de monde russe et sovetique*. V. XII. № 1-2. Pp. 33-34.
18. Pipes R. E. *Russia Under the Old Regime*. Penguin Books Publ., 1995. 361 p.
19. Wortman R.S. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. V. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I*. Princeton NJ Publ., 2006. 512 p.
20. D'Encausse H.C. *La Russie inachevée*. Fayard Publ., 2000. 285 p.

About author:

Tatiana V. Chernikova – Doctor of Sciences (Historical Sciences), Professor of Department of world and national history at MGIMO-University. E-mail: Tchernikova1961@mail.ru.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РОССИИ В ХОДЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ ПРИ ПЕТРЕ I

Т.В. Черникова
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-7-25

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Царствование Петра I парадоксально сочетало в себе как апогей могущества старого патримониального государства, так и ускоренную вестернизацию страны. В статье кратко анализируются ряд факторов, укрепивших государственную патриархальную систему, в частности Указ о единонаследии 1714 года и расширение крепостного права из-за появления новых категорий крепостных. В значительной степени статья посвящена изучению ускоренной вестернизации при Петре Великом, которая привела к ограничению патримониального образа жизни в России.

В статье основное внимание уделяется становлению нового мировоззрения, различных форм, посредством которых происходило формирование новых социальных структур, культуры, системы власти и жизни в целом. Публикация панегириков в честь монарха и его политики, публичное празднование военных побед (организация так называемых «триумфов») и церковные реформы внесли большой вклад в формирование нового мировоззрения. Одной из ярких фигур, иллюстрирующих этот процесс, является Феофан Прокопович.

В первой четверти XVIII века вестернизация в Россию пришла непосредственно из Западной Европы. Она устранила препятствия для общения между русскими и иностранцами, развенчала старый церковный постулат о том, что все западные христиане были «еретиками», проложила путь к началу внутренней модернизации, а также к трагической судьбе социально-культурного раскола в России между высшими образованными социальными слоями и большей частью русского населения, которая осталась в Средние века.

Ключевые слова: Реформы Петра Великого, государственная патримониальная структура, вестернизация, Указ о единонаследии, расширение крепостного права, панегирики, «триумфы», церковная реформа, Феофан Прокопович, начало социокультурного раскола.

Список литературы

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Л.: Госполитиздат, 1940. Т. I. 435 с.
2. Буранок О.М. Феофан Прокопович и В.К. Тредиаковский: преемственность литературных традиций // В.К.Тредиаковский и русская литература / Под ред. А.С. Курилова. М.: ИМЛИ, 2005. С. 73-93.
3. Винтер Э. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1966. С. 43-46.
4. Исторические песни и баллады. М.: Современник, 1991. 765 с.
5. История всемирной литературы. М.: Наука, 1988. Т. 5. 348 с.

6. Павленко Н.И. История Петра Великого. М.: Вече, 2006. 576 с.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
8. Пигарев К.В., Фридлиндер Г.М. Феофан Прокопович // История всемирной литературы. М.: Наука, 1988. Т. 5. С. 363-365.
9. ПСЗ. Т. V (1713-1719). № 2789.
10. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
11. Тихомиров Ф.А. Идея абсолютизма Бога и протестантский схоластизм в богословии Феофана Прокоповича // Христианское чтение. 1884. № 9-10. С. 315-326.
12. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004. 605 с.
13. Черникова Т.В. Процесс европеизации в России во второй половине XV-XVII вв. Дис. на соиск. ст. д.и.н. М., 2014. Т. II. 941 с.
14. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 762 с.
15. Clark G. The seventeenth Century. Oxford, 1947. 461 p.
16. Jones R.E. The Emancipation of the Russia Nobility, 1762-1785. Princeton, 1973. 80 p.
17. Meehan-Waters B. The muscovite Noble Origins of the Russian in the Generalitet of 1730. Cahiers de monde russe et sovetique. V. XII. № 1-2. Pp. 33-34.
18. Pipes R. E. Russia Under the Old Regime. Penguin Books, 1995. 361 p.
19. Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. V. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton NJ, 2006. 512 p.
20. D`Encausse H.C. La Russie inachevée. Fayard, 2000. 285 p.

Об авторе:

Черникова Татьяна Васильевна – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД Российской Федерации.
E-mail: Tchernikova1961@mail.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

И.Н. Тимофеев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Цель статьи – анализ понятия экономических санкций как политической категории. В юридической и экономической литературе санкции рассматриваются с точки зрения содержания законодательных актов и нормативных документов, а также их последствий для отдельных государств, секторов экономики, компаний и корпораций. Однако такой подход упускает из вида политическую функцию санкций, которые используются в международных отношениях как инструмент господства и навязывания воли одних стран другим. Как правило, санкции применяются экономически сильными державами и коалициями против более слабых государств. То есть сама возможность применения санкций определяется асимметрией системы международных отношений и заложенным в неё неравенством. Это порождает нормативный и этический спор между сторонниками использования односторонних санкций как вполне легитимного инструмента принуждения к «правильному» поведению и противниками их использования в обход решений Совета Безопасности ООН. Представители второй точки зрения исходят из приоритета прав человека над политической целесообразностью. Первая точка зрения продвигается США и ЕС. Вторая – Россией, КНР и группой из нескольких десятков развивающихся стран. Иными словами, спор о легитимности и этичности санкций становится индикатором линий размежевания на международной арене. Спор о санкциях отражает различия в подходах к более фундаментальной проблеме – суверенитету и вмешательству в дела суверенных государств. Санкции являются инструментом такого вмешательства. Признание их легитимным инструментом будет означать также и признание легитимности вмешательства развитыми государствами в суверенные дела развивающихся государств в обход ООН. В работе проводится ревизия интерпретации санкций как политического понятия. Дается классификация санкций, определяются их функции. Проводится разграничение понятия «санкций» с понятием «торговых войн». Подобное разграничение критически важно для концептуализации санкций как политического понятия. Если торговые войны ведутся для максимизации прибыли, то экономические санкции используются для достижения политических целей. Это определяет принципиальную разницу в отношениях бизнеса и власти: в случае торговых войн бизнес выступает основным лоббистом решений государственных органов, в случае санкций инициатором выступает правительство, а бизнес вынужден под-

УДК 339.548

Поступила в редакцию 30.01.2018 г.

Принята к публикации 20.03.2018 г.

страиваться под сложившуюся ситуацию. В первом случае бизнес действует как субъект, во втором – как объект.

Работа актуальна в контексте растущего санкционного давления на Россию, а также в связи с развертыванием санкционных кампаний против её партнёров на международной арене.

Ключевые слова: экономические санкции, страна-цель, страна-инициатор, суверенитет, права человека, торговые войны, политическая теория, этика международных отношений.

На сегодняшний день экономические санкции представляют собой один из наиболее распространённых инструментов внешней политики. Санкции заняли прочное место во внешнеполитическом инструментарии как альтернатива или дополнение к применению силы, а также для подкрепления переговорных позиций. Они активно используются в качестве средства принуждения отдельных государств к выполнению политических требований стран-инициаторов санкций. Растёт число случаев использования санкций Советом Безопасности ООН. В то же время совершенствуются механизмы обхода санкций и смягчения их влияния на национальные экономики и стабильность «государств-целей». Зачастую применение санкций становится предметом нормативных и этических расхождений между объектами санкций (как правило, это развивающиеся страны) и инициаторами санкций (обычно в этой роли выступают развитые государства). Инициаторы рассматривают санкции как один из легитимных способов принуждения к выполнению международных обязательств или соблюдению определённых норм. Страны, подвергшиеся санкциям, воспринимают их как угрозу своей национальной безопасности, «запрещённый приём», которым злоупотребляют страны-инициаторы санкций, имеющие экономическое и технологическое превосходство. В лучшем случае эти страны признают легитимность санкций, введённых Советом Безопасности ООН, но не односторонние меры развитых стран.

Широкое применение в политической практике сочетается с широкой трактовкой самого понятия санкций; иногда к санкциям причисляют меры торговой или экономической войн. В экспертном сообществе по-разному трактуют функции санкций, предлагают различные варианты типологии санкций. Ключевым в научном дискурсе можно считать вопрос о причинах и условиях эффективности санкций. Почему в одних случаях санкции оказываются успешными, а в других бесполезными и даже приводят к результатам, противоположным ожиданиям? В поисках ответа на этот вопрос исследователи часто обходят вниманием терминологическую сторону проблемы. Между тем использование термина «по умолчанию», когда предполагается, что все понимают под ними одно и то же, может породить расхождения в интерпретации исследовательских резуль-

татов. В гуманитарных науках вряд ли существуют понятия, которые можно интерпретировать одинаково. И всё же важный этап исследовательской работы состоит в определении «концептуального ядра понятия»¹ – то есть свойств, которые закрепляются за ним большинством исследователей в рамках определённой парадигмы, и «концептуальной периферии» – свойств, которые составляют предмет расходящихся взглядов или же пересечения с близкими понятиями.

Исследовательскую проблему предлагаемой статьи можно свести к вопросу о том, почему санкции, являясь по своей сути экономическим инструментом, можно концептуализировать как политическое понятие? Определение «концептуального ядра» и «концептуальной периферии» понятия санкций представляет цель настоящей статьи. Мы исходим из того, что «концептуальным ядром» понятия санкций является их политическая природа, выражаемая в терминах господства и силы. Политическая природа санкций может быть интерпретирована через понятия господства Макса Вебера, которая подразумевает легитимную возможность одного субъекта властных отношений, навязывать свою волю другому. «Концептуальной периферией» будем считать свойства санкций, которые роднят их, например, с понятием торговой войны, а также те свойства, которые становятся предметом нормативных споров об источниках легитимности и этичности санкций. Для проверки этого допущения обратимся к корпусу эмпирической и теоретической литературы по исследованию санкций в международных отношениях.

1

Экономические санкции – инструмент внешней политики столь же древний, как государство, война или дипломатия. Сам факт наличия торговых или экономических отношений, различных экономических возможностей, асимметрии в торговле или зависимости от отдельных товаров и услуг порождает возможность манипуляций для достижения политических целей. Случаи экономического давления или вмешательства в торговлю с политической подоплёкой известны в Античности и Средневековье. Так, в 492 г. до н.э. город-государство Эгина захватил афинские торговые корабли в ответ на пленение своих граждан. В Средние века односторонние ограничительные меры активно применяли церковные власти европейских государств против мусульман: им запрещалась продажа кораблей, оружия, боеприпасов и других товаров. Латеранский собор 1179 г. официально закрепил эту практику². В Новое время, с его бумом экономики, производства и торговли, санкции приобрели широкий размах. Например, поход Наполеона на Россию был не в последнюю очередь спровоцирован тем, что Петербург фактически саботировал континентальную блокаду – систему мер

¹ Понятие «концептуального ядра» здесь заимствовано у Т.А. Алексеевой. См. [1].

² См.: Джазаيري И. Доклад специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. Генеральная ассамблея ООН. Совет по правам человека. 10 августа 2015 г. С. 8.

по экономическому удушению Великобритании. Качественно новый смысл санкции обрели с появлением национального государства современного типа, важной целевой и ценностной установкой которого выступают защита своего рынка и торговая экспансия. Национальное государство мобилизует для санкционных войн мощь своей бюрократии и «рациональные» инструменты контроля над рынком. Наконец, глобализация экономики во второй половине XX в. сделала санкции удобным инструментом для тех, кто находится в «сердцевине» мирсистемы. Санкции приобрели асимметричный характер в том смысле, что мировой гегемон получил возможность эффективно использовать против широкого круга государств санкции, не опасаясь симметричного ответа.

В XX в. санкции в международных отношениях применялись 174 раза. Это число включает санкции международных организаций (Лига Наций и ООН), а также развитых стран. Более полную статистику, охватывающую санкции, инициированные развивающимися странами или региональными лидерами, приводят Гери Хафбауэр, Джеффри Шотт, Кимберли Элиотт и Барбара Оег в своей знаменитой работе «Новый анализ экономических санкций» [10]. Она издавалась в 1985, 1990 и 2009 гг. Вплоть до настоящего времени книга считается ключевым исследованием санкционной проблематики и цитируется практически во всех источниках по данной теме. Закреплённая в ней дефиниция санкций также широко используется в литературе. Названные авторы понимают под санкциями намеренные действия государства («страны-инициатора»), коалиции таких государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из таможенных, торговых или финансовых отношений с «целевой страной», или «страной-адресатом». Действия такого рода преследуют политические цели: изменение политического режима, основ или отдельных составляющих внутренней и внешней политики, выполнение или отказ от определённых политических обязательств. Экономические санкции создают такие условия, при которых экономический ущерб, упущенная выгода, а также их последствия для общества и политической системы делают невыгодным сохранение старого политического курса и заставляют целевое государство идти на уступки требованиям страны-инициатора [10, р. 3–5]. Таким образом, в большинстве случаев санкции означают прямое или косвенное вмешательство одной страны в процесс принятия решений другой. В современных международных отношениях, ключевой единицей которых всё ещё остаётся суверенное государство, санкции можно понимать как попытку ограничить или повлиять на суверенитет и суверенный политический курс мерами экономического характера.

Понятие «суверенитета» значительно более разнородно, нежели понятие «санкций». Однако оно полезно для его концептуализации. Можно выделить два не тождественных друг другу измерения суверенитета. Первое – международно-правовое. С точки зрения международного права государства обладают равным суверенитетом, то есть все международно признанные государства (например, члены Генеральной Ассамблеи ООН) равны между собой: у США суверенитета

не больше, но и не меньше, чем, например, у Люксембурга, Колумбии или Бурунди. Каждое государство обладает монополией власти на определённой территории и выступает независимым творцом своей внешней и внутренней политики. Второе измерение отражает реальную способность государства выполнять функции суверена. Очевидно, например, что государства различаются между собой по способности самостоятельно обеспечивать своё развитие; есть немало государств, существование которых немислимо без внешней донорской помощи. Другое важное отличие – способность контролировать свою территорию; есть государства, раздираемые внутренними конфликтами и гражданскими войнами. Не менее важна стабильность политического режима – будь то автократического или демократического. Можно упомянуть и способность государства самостоятельно обеспечивать свою безопасность: есть множество государств, на территории которых размещены иностранные войска, базы или инфраструктура. Как мы видим, существует множество параметров, которые определяют степень самостоятельности государств и эффективность их политики. То есть равный международно-правовой статус накладывает на принципиально разные возможности его реализовать. На практике современные международные отношения образуются государствами, обладающими разными возможностями защитить и обеспечить свой суверенитет. Государства также радикально отличаются друг от друга по своей мощи – совокупному объёму военного, промышленного и экономического потенциалов. С точки зрения суверенитета, современные международные отношения симметричны, а с точки зрения мощи, крайне асимметричны³.

Такая асимметрия – важная предпосылка политики санкций. По расчётам Хафбауэра и его коллег, в XX в. из 174 случаев применения санкций 109 инициировали США, 16 – Великобритания, 14 – ЕС, 13 – СССР и Россия и 20 – ООН. Иными словами, санкции – инструмент мощных, передовых и развитых государств или их объединений. Они могут позволить себе применение санкций в силу своего размера и веса, а также глобальных и региональных амбиций [10, p. 5, 17]. Размер и вес дают стране-инициатору запас прочности, позволяющий относительно безболезненно нести экономические издержки санкций и нивелировать ответ целевой страны. Зачастую страны-инициаторы экономически превосходят страны-адресаты в десятки и даже сотни раз [10, p. 89]. Всё это делает возможным использование санкций как инструмента господства в веберовском понимании этого слова – способности субъекта А навязывать свою волю субъекту Б [2]. Легитимность такого господства страны-инициаторы обеспечивают через нормы

³ Измерения суверенитета (уровня «государственности»), а также способности проецировать силу в международных отношениях проводились под руководством А.Ю. Мельвиля. Индекс государственности показал большой разброс между странами мира, а индекс потенциала международного влияния – подавляющее превосходство США над последующим десятком стран, и подавляющее превосходство десятка – над всеми остальными. См.: Мельвиль А.Ю., Полуниин Ю.А., Ильин М.В. Миронюк М.Г., Мелешкина Ю.А., Тимофеев И.Н. Политический атлас современности. М.: Издательство МГИМО МИД России, 2007. 272 с. Более свежий обзор этих данных см.: Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений. М. Спецкнига, 2014. 48 с. О дисбалансах суверенитета см.: Тимофеев И.Н. Дилеммы государства в современном мировом порядке // Вестник МГИМО-Университета, том 46, 2016, №1. С. 29–41.

международного права (например, устав ООН) или национального законодательства, а также через отсылку к принципам своей морали или идеологии.

Следующий шаг в концептуализации понятия санкции – характеристика политических целей, с которыми они принимаются, а также используемых экономических инструментов. На этой основе можно провести типологию санкций. Хафбауэр и его коллеги классифицируют санкции по следующим типам политических целей.

Первая цель – подрыв или ограничение военного потенциала целевой страны, сокращение экономической базы для производства отдельных вооружений и военной техники. Такие санкции зачастую идут рука об руку с мерами военного сдерживания. К их ярким примерам можно отнести экспортные ограничения против СССР и КНР (так наз. *Socom* и *Chicom*) периода холодной войны. Могут применяться ограничения на поставки материалов, необходимых для производства ядерного оружия, ОМУ, ракетных технологий и других вооружений и средств их производства или меры, направленные на отказ отдельных стран от имеющихся в их арсенале вооружений и военных технологий.

Вторая цель – предотвращение военных действий или удержание страны-адресата от наступательных действий. Классический (при этом неудачный) случай – это санкции Лиги наций против Италии за вторжение в Абиссинию. Другой пример – всеобъемлющее эмбарго против Ирака после вторжения в Кувейт. Современным примером можно считать западные санкции против России в контексте гражданской войны на Украине. Во всех этих случаях инициаторы исходят из гипотезы сдерживания, подразумевая, что экономические санкции смогут либо послать сигнал, либо сделать неприемлемой цену наступательной политики.

Третья цель – смена политического режима или дестабилизация политической системы страны-адресата. По данным Хафбауэра и его коллег, это самая распространённая цель введения санкций: из 174 рассмотренных авторами кейсов смены политического режима добивались в 80. При этом речь может идти о наказании политического режима, пришедшего к власти нелегитимным путём (перевороты, явные или мнимые подтасовки результатов выборов и др.). В период холодной войны были распространены случаи наказания бывших союзников, которые «переметнулись» в лагерь оппонента. Часто санкции подобного рода сопровождаются секретными операциями специальных служб по устранению режима или его лидеров.

Все три названные цели – это предвестники войны или силовых действий, то есть санкции вводятся как часть широкого пакета мер давления на определённую страну. В случае значительного потенциала целевых стран, война может не начаться (санкции против СССР или КНР), однако санкции остаются её предвестником или сопутствующим методом силового давления на страну⁴.

⁴ Иллюстрацией к сказанному служит логика Грэма Аллисона и Дмитрия Саймса, анализирующих политику сдерживания России. См. [3].

Четвёртая цель – умеренное изменение политического курса страны-адресата. Такие случаи крайне редко сопровождаются мерами военного сдерживания или операциями спецслужб. Санкции здесь используются сами по себе, в чистом виде. Пример таких целей – давление с целью улучшить ситуацию с правами человека, решить вопрос с экспроприацией собственности, вынудить присоединиться к тем или иным соглашениям. Число таких эпизодов в базе Хафбауэра и его коллег также достаточно заметно – 43, причём относительно дружеские или добрососедские отношения между инициатором и объектом санкций способствовали их успеху [10, р. 66–72].

С точки зрения экономического наполнения можно выделить торговые и финансовые санкции. В первом случае вводятся ограничения на внешнеторговые операции со страной-адресатом, а с её стороны возможны ответные меры. Экспортные санкции могут принимать вид эмбарго на поставку вооружений, военной техники и технологий или ограничений на поставку оборудования для отдельных секторов экономики. В качестве примеров приведём антироссийские санкции 2014–2017 гг. и нефтяное эмбарго арабских стран в 1973 г. Примеры импортных санкций: ограничения на покупку иранской нефти со стороны США; российские ограничения продовольственного импорта из США, стран ЕС и других стран-инициаторов антироссийских санкций.

Проблема эффективности торговых санкций состоит в том, что их легко обойти, особенно если речь не идёт об эксклюзивном товаре. Правда, в этом случае за счёт посреднических издержек, рисков контрабанды или коррупции повышается цена товара, но технически страны-адресаты могут обойти торговые ограничения. КНР эффективно обходит западные ограничения на поставки современных вооружений, заказывая их в России и производя собственные аналоги. Россия ведёт политику импортозамещения, а ЕС для компенсации утраченного российского рынка диверсифицирует рынки сбыта продукции. Сложнее обстоит дело с эксклюзивными товарами вроде ядерных реакторов. Но, как показал опыт Северной Кореи, и здесь политическая воля стран-адресатов может перевесить ограничения.

Совершенно иным образом обстоит дело в случае финансовых санкций. Такие санкции могут принимать разные формы: задержка или отмена кредитов, грантов, помощи развитию, военной помощи, запрет на инвестиции в страны или компании, запрет на финансовые операции со странами, компаниями и физическими лицами, запрет на финансирование избранных программ. Отдельное место в этом ряду занимает (временная) заморозка или бессрочная конфискация банковских активов отдельных лиц, компаний или стран в стране-инициаторе или по её просьбе. По данным Хафбауэра и его коллег, 80% таких санкций накладывали США. Что не удивительно, так как эффективность такого рода санкций обеспечивается господством США в мировых финансах и ролью доллара в мировых расчётах. В сравнении с торговыми, преимущество финансовых санкций в том, что их проще и быстрее ввести (финансовый рынок лучше регулируется государством) и значительно сложнее обойти (поиск альтернативных

инвесторов или доноров крайне затруднён, если санкции накладывают США). К тому же финансовые санкции могут отпугивать даже инвесторов из стран, на которых не накладывали санкций, потому что инвесторы вынуждены делать выбор между американским рынком и рынком страны-объекта санкций [7, 9]. Выбор большинства компаний очевиден. Ответить на финансовые санкции крайне сложно. В итоге финансовые санкции более болезненны в сравнении с торговыми. По расчётам Хафбауэра и его коллег, цена финансовых санкций для стран-адресатов в среднем составляла 1,7%, а торговых – 0,7% ВНД. Если оба типа санкций вводились одновременно, потери составляли в среднем 2,9%, с добавлением заморозки активов – 4,3% ВНД [10, p. 97–98].

В последнее время в литературе и в политическом лексиконе хождение получило понятие умных или целенаправленных (целевых) санкций [8]. Под ними понимаются точечные воздействия на отдельные лица, компании или сектора экономики страны-адресата. В основном такие санкции носят финансовый характер. К ним также можно добавить визовые ограничения. Смысл умных санкций в том, чтобы «наказать» политическую элиту или отдельных лиц (например, наркоторговцев или террористов), избегая излишнего давления на население. Умные санкции противопоставляются всеобъемлющим санкциям – таким, как санкции против Ирака в 1990-е гг. Тогда санкции нанесли колоссальный ущерб экономике и населению страны, но Саддам Хусейн и его окружение не пострадали и оставались у власти. Военный потенциал Ирака был подорван вторжением союзников, а не санкциями.

Ещё одна тенденция в исследовательском дискурсе – различение санкций как состоявшегося прецедента и как угрозы их применения. Так, Нэвин Бапат исследовала эффективность применения санкций и в случае угрозы их применения [4]. Таким образом, санкции могут рассматриваться как инструмент «символической власти», поскольку есть прецеденты, когда для достижения результатов достаточно угрозы применения санкций. Здесь уместна аналогия с демонстрацией флага боевыми кораблями или сухопутными войсками, имеющая сходное символическое значение.

Примечательно, что угроза применения санкций может быть направлена как на целевую страну, так и на общественность страны-инициатора. Нередко руководство страны-инициатора накладывает санкции без какой-либо внятной стратегии в отношении страны адресата, только для того, чтобы убедить внутреннюю аудиторию в готовности решать существующую политическую проблему. К санкциям применима функция «театра безопасности», когда власти страны-инициатора пытаются создать впечатление деятельности для укрепления своих позиций и защиты от критики [10, p. 5–6].

2

Роберт Пейп, один из критиков исследования Хафбауэра, Шотта и Элиотт, справедливо указал на необходимость отличать экономические санкции от торговых и экономических войн. Определение санкций по Пейпу во многом схоже

с дефиницией коллектива Хафбауэра. Ключевой сущностной чертой санкций Пейп считает наличие политической цели. Эта цель заключается в том, чтобы подорвать/снизить благосостояние страны-адресата и с помощью торговых/финансовых инструментов принудить её к определённым действиям политического характера. Пейп выделяет прямые и непрямые санкции. В первом случае давление оказывается непосредственно на правительство страны, создаются условия, при которых оно должно сделать вывод о том, что выгоднее пойти на уступки, чем терпеть санкции. Во втором случае провоцируется общественное недовольство, с тем чтобы рост протестных настроений привёл к смене политической власти в стране-адресате [14, р. 94].

Экономическую войну Пейп интерпретирует иначе, чем Хафбауэр и его соавторы. Пейп предлагает считать экономической войной те меры сдерживания, которые направлены на подрыв военного потенциала целевого государства в мирное или военное время. У Хафбауэра экономические меры, имеющие целью сдерживание, рассматриваются как подвид санкций. Такая позиция представляется более обоснованной, так как военное сдерживание явно преследует политическую цель. Санкции вполне могут быть предвестником войны, как например, конфликт Японии и США в период Второй мировой войны. Они могут действовать и в военное время. В частности, санкции стран Антанты против Германии действовали в годы Первой мировой войны, а Великобритания вводила санкции против Аргентины в ходе Фолклендского конфликта. Вполне достаточным представляется методологический ход команды Хафбауэра, которая выделила военные аспекты в отдельную категорию целей санкций.

Однако идея Пейпа о разграничении понятий экономических санкций и торговых войн заслуживает пристального внимания. Пейп обращает внимание на то, что санкции и торговые войны отличаются целевыми установками. Если санкции направлены на достижение политических целей, то смысл торговой войны – максимизация экономической выгоды. В обоих случаях имеет место принуждение, но торговая война преследует цель добиться для себя экономически более выгодных условий торговли и производства, а в случае санкций участники стремятся достичь политических целей, не считаясь с экономическими потерями. Торговые войны обычно происходят между торговыми партнёрами. Обмен санкциями, наоборот, может идти как между партнёрами, так и между странами со слабой торговлей [14]. Попробуем разобраться в этих различиях, отталкиваясь от литературы по торговым войнам.

Классическое определение торговой войны дал Гарри Джонсон; именно его дефиниция лежит в основе многих современных работ. Под торговой войной Джонсон понимал конфликт двух и более стран, в котором стороны добиваются преимуществ в экономических отношениях за счёт временного ограничения двусторонней торговли [11, р. 142–153]. Как и санкции, торговые войны – не новый инструмент. Его можно найти в XIV–XVII вв. (торговые войны Ганзейского союза, Англии с Нидерландами, которые впоследствии переросли в вооружён-

ные конфликты) [6]. В современном понимании торговые войны трактуются в контексте концепций меркантилизма и протекционизма, но в большей степени – концепции свободной торговли. В условиях глобализации правительство стремится максимизировать полезность своей торговли с использованием инструментов тарифной политики, экспортных и импортных квот, нетарифных ограничений (технические стандарты, нормативы качества, таможенные процедуры и т.п.). Набор мер также включает в себя антидемпинговые меры (компенсационные пошлины), а также чрезвычайные ограничения, связанные с вопросами национальной безопасности. При введении экономических санкций в ход пускаются иные инструменты: всеобъемлющий или частичный запрет на экспорт и импорт отдельных товаров, запрет на финансовые операции, конфискация имущества и активов, запрет на транзакции с определёнными лицами, компаниями и странами. Качественная разница налицо: участники торговых войн преследуют цель создать среду для максимизации прибыли национального бизнеса, а санкции должны привести к подрыву доверия инвесторов к стране-адресату.

Обозначим ряд других отличий. Как справедливо отмечает Пейп, торговые войны в современном мире ведутся в основном между партнёрами. Пример – опыт ожесточенных войн политически близких союзников Японии и США. Санкции также применяются против партнёров и союзников, но, в понимании коллектива Хафбауэра, санкции преследуют умеренные цели. Очевидно, что установка на смену политического режима или военное сдерживание не способствует близости политических отношений.

Следующее отличие – число участников и баланс их потенциалов. В торговых войнах обычно участвуют два игрока, а остальные игроки пассивны (хотя есть и другие случаи). В санкционных войнах нередко тоже только два участника, однако распространены случаи широких коалиций стран-инициаторов (санкции против КНДР) или наложение санкций против группы стран (санкции США против стран, поддерживающих терроризм). Часто ущерб наносится странам, компаниям или физическим лицам, не имеющим отношения к санкциям – к примеру, за транзакции со страной-адресатом или её агентами.

В случае санкций и торговых войн больше шансов на победу имеет крупный игрок, но в торговых войнах нередко в выигрыше оказываются мелкие игроки [12]. Экономический перевес побуждает инициатора к введению санкций, тогда как адресат в лучшем случае способен лишь снизить наносимый ему ущерб. Иными словами, отношения в торговой войне скорее равновесны, а в санкционной войне асимметричны.

Ещё одно важное отличие – роль промышленного и коммерческого лобби. В случае торговых войн у бизнеса высока мотивация выступить активным игроком, предлагая правительству те или иные решения. За торговыми войнами часто стоит именно бизнес. В случае санкций ведущая роль принадлежит правительству и парламенту, а бизнес вынужден подстраиваться под санкции. Он может протестовать, прилагать усилия по их отмене, но не является инициатором [10, p. 7].

Примечательно, что в современных условиях санкции и торговые войны могут переплетаться. К примеру, в ответ на финансовые и секторальные санкции западных стран Россия ввела продовольственное эмбарго. Отталкиваясь от норм ВТО по регулированию торговых отношений, ЕС интерпретировал некоторые ограничительные меры не только как ответные санкции, но и как попытку использования санкций для достижения торговых преимуществ, в частности, при ограничении на ввоз в Россию живых свиней. Таким способом ЕС снижает эффективность российских санкций, повышая результативность своих.

3

Использование санкций нередко оказывается предметом ожесточенного нормативного спора. В центре дискуссии вопрос о законности санкций и источниках их легитимности. Это и вопрос политической морали – насколько этично использовать санкции, которые потенциально могут нанести ущерб широким слоям населения целевых стран или фактически беззащитным против санкций развивающимся государствам? На этот счёт можно выделить две противоположные точки зрения.

Первая предполагает, что санкции – эффективный и вполне законный инструмент внешней политики. Он целесообразен постольку, поскольку позволяет избежать применения военной силы, добиться нужных политических результатов мирным путём или ослабить военный потенциал целевой страны, что позволяет провести последующую военную кампанию с меньшими потерями. Санкции, одобренные Советом Безопасности ООН – идеал, к которому нужно стремиться. Но односторонние санкции также должны применяться, особенно тогда, когда требуются оперативные действия и быстрые результаты. Легитимность санкций увязывается с международным и национальным правом, но также и с национальными интересами, идеологическими установками и моралью страны-инициатора. Так, например, понятие демократии рядом стран рассматривается как моральная категория. Соответственно, наложение санкций против тех, кто, по их мнению, нарушает принципы демократии, обосновано морально.

Наиболее ярким адептом такого подхода являются США. В Стратегии национальной безопасности 2017 г. отдельный раздел посвящён экономической дипломатии. Санкции в нём рассматриваются как важный элемент комплекса мер по сдерживанию, принуждению и изоляции противников США. Примечательно, что отношения «свой–чужой» в разделе рассматриваются с нормативной точки зрения. «Свои» – это рыночные экономики, союзники и партнёры США. «Чужие» – экономики с ведущей ролью госсектора. США находятся в центре мировой экономики, что позволяет им, согласно Стратегии, играть лидирующую роль и одновременно эффективно защищать свои интересы⁵. В Стратегии националь-

⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 34. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.04.2018)

ной безопасности 2015 г. «умные санкции» определяются как эффективный инструмент политики против «безответственных» акторов, не выполняющих свои международные обязательства, а также против криминальных и террористических сетей. В Стратегии отмечается, что США будут продвигать санкции под эгидой ООН, но при необходимости будут действовать самостоятельно⁶.

В доктринальных документах Европейского союза⁷ санкции рассматриваются как важный инструмент сдерживания и предотвращения конфликтов, который необходимо использовать наряду с дипломатией. Источник их легитимности – международное право, право ЕС, международные обязательства Евросоюза в рамках ГАТТ, ВТО и других организаций. Иными словами, односторонние меры допускаются наряду с многосторонними. При этом отмечается желательность максимальной калибровки санкций, чтобы избежать деструктивных социальных последствий. Кроме того, санкции определяются как один из инструментов реагирования на кризисные ситуации (наряду с гуманитарной помощью, дипломатией и др.). ЕС даёт подробную характеристику санкций и порядка их применения⁸.

Иных взглядов придерживается Россия, рассматривающая единственным источником легитимности санкций Совет Безопасности ООН. Любые односторонние меры экономического принуждения расцениваются как неприемлемые. В частности, это фиксируется в Концепции внешней политики России 2016 г.: «... продолжать усилия по совершенствованию механизма применения ООН санкций, исходить, в частности, из того, что решения о введении таких санкций должны приниматься СБ ООН на коллегиальной основе после всестороннего рассмотрения...; содействовать исключению из практики международного взаимодействия незаконных односторонних принудительных мер, принимаемых в нарушение Устава ООН и других норм международного права»⁹. Данную позицию разделяют КНР и значительное число развивающихся государств. В частности, в Декларации саммита лидеров «КНР и 77 развивающихся государств» в Санта-Крус (Боливия) отмечалось, что односторонние экономические меры принуждения неприемлемы и должны быть искоренены из практики международных отношений¹⁰.

Последовательную критику односторонних санкций высказывает специальный докладчик по вопросу о негативном воздействии односторонних при-

⁶ National Security Strategy of the United States of America. February 2015. Pp. 4, 11, 23.

⁷ См. например, Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.04.2018).

⁸ См. Guidelines on Implementation and Evaluation of Restrictive Measures (sanctions) in the Framework of the EU Common Foreign and Security Policy. 15 June 2012. <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2011205%202012%20INIT> (дата обращения: 15.04.2018).

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016 г. Раздел 26, пункт Д. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.04.2018).

¹⁰ Summit of Heads of State and Government of the Group of 77. Santa Cruz, Bolivia. June 2014. http://www.harmonywithnatureun.org/content/documents/275yellow_g77%20English.pdf (дата обращения: 15.04.2018)

нудительных мер на осуществление прав человека Идрис Джазаири. Должность специального докладчика была учреждена в 2015 г. О влиянии санкций на осуществление прав человека И. Джазаири подготовил три доклада, затрагивая в них целый ряд правовых, политических и этических вопросов.

Прежде всего, Джазаири вводит разницу между односторонними и международными принудительными мерами. И те, и другие часто объединяются понятием санкций. Но между ними есть существенная разница. Международными могут считаться только те меры, которые принимаются СБ ООН на основании статьи 41 Устава ООН¹¹. Именно здесь – ключевой источник их легитимности. Односторонние меры принимаются отдельными государствами или их коалициями в обход Совета Безопасности ООН. Кроме того, легитимными можно считать санкции, которые применяют международные организации против своих членов на основании уставов, так как членство в таких организациях добровольное¹². Важная черта односторонних принудительных мер – их экстерриториальность. Они вводятся одной или несколькими странами и применяются за пределами их территории, затрагивая целевые страны и, через механизм вторичных санкций, третьи страны¹³. Поэтому санкции можно считать инструментом вмешательства в суверенные дела целевого государства или третьих стран.

Одна из главных проблем применения односторонних ограничительных мер, по мнению Джазаири, состоит в том, что они ущемляют права человека в целевых странах. Зачастую они наносят ущерб незащищённым слоям населения, резко снижая качество жизни, подрывая благосостояние и обостряя социальные проблемы. При этом «умные» или «точечные» санкции не являются панацеей¹⁴. Ограничения против отдельного экономического сектора могут больно ударить по благосостоянию граждан, но не принести политических результатов. Именно права человека должны быть основным мерилем этичности, легитимности и эффективности санкций. Санкции противоправны, если они преследуют экономический интерес страны-инициатора. Джазаири отмечает, что с точки зрения международного права санкции могут считаться легитимными, будучи применены в ответ на нарушение международных обязательств, которое причиняет ущерб другому государству или государствам. Эти обстоятельства придают легитимность праву на реторсию или возмездие. Но и здесь права человека – важный индикатор. Их соблюдение – критерий смягчения норм международного права. Если санкции применяются бессрочно, происходит ущемление прав человека и не достигаются заявленные цели, применение односторонних мер должно быть ограничено¹⁵. Специальный докладчик занимается выработкой рекомендаций, которые позволили бы сделать международ-

¹¹ Джазаири И. Указ. соч. С. 5.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 14.

ные и односторонние ограничительные меры более чувствительными к нарушению прав человека. Его деятельность представляется большим шагом вперёд в продвижении к более справедливому (с точки зрения прав человека) подходу к санкциям. Вопрос об этом уже неоднократно поднимался Генеральной Ассамблеей ООН. Растёт число стран, считающих односторонние меры неприемлемыми. Если в 1996 г. за соответствующую резолюцию проголосовало 57 стран, при 45 против и 59 воздержавшихся (A/Res/51/103), то в 2014 г. сходную резолюцию поддержало уже 134 страны при 53 против и одной воздержавшейся (A/Res/69/180). На эти данные ссылается в своей работе известный исследователь санкций Майкл Бржоска [5, р. 1345]. Он отмечает ещё одну важную тенденцию. Как правило, развитые страны сочетают односторонние и многосторонние меры, действуя по двум алгоритмам. В одном случае сначала вводятся односторонние санкции, а затем осуществляется попытка придать санкциям бóльшую легитимность через СБ ООН. При этом страны-инициаторы и предлагают проекты соответствующих резолюций. В ином случае развитые страны вводят дополнительные односторонние санкции после резолюций СБ ООН, если считают принятые санкции слишком мягкими или не согласны с ними [5, р. 1339–1349]. Хороший тому пример – это санкции против Ирана. В 2015 г. СБ ООН принял резолюцию 2231, которая закрепляла «сделку» по ядерному вопросу и отменяла наложенные ранее санкции. Однако в 2017 г. Конгресс США принял законопроект 3364 (CAATSA), по которому на Иран накладываются санкции за разработку баллистических ракет, нарушение прав человека и по другим поводам. Сверх того, США поставили вопрос о пересмотре ядерной сделки. Такие действия девальвируют эффективность СБ ООН как единственного источника легитимных международных санкций.

Понятие санкций обладает достаточно устойчивым «концептуальным ядром». Санкции следует понимать как инструмент господства в международных отношениях, который предполагает использование странами-инициаторами мер экономического давления на страны-адресаты с целью добиться изменения их политического курса. В силу экстерриториального характера действия санкции можно рассматривать в качестве средства вмешательства в суверенные дела зарубежных государств. Асимметрия суверенитета и мощи – два важных условия введения санкций. Страна-инициатор или их коалиция, как правило, значительно превосходит страну-адресат, что обеспечивает ей/им неуязвимость для ответных мер. Санкции отличаются от торговых войн, в которых экономические цели превалируют над политическими; участники войны часто являются партнёрами, а не соперниками, баланс сил не играет принципиально важной роли. Иными словами, экономические санкции – это политическое понятие, несмотря на то, что в их основе лежит применение экономических методов.

Острые нормативные и этические дебаты, которые идут вокруг понятия санкции, также отражают их политическую природу. С точки зрения развитых стран, которые зачастую инициируют санкции, – это инструмент законный и

эффективный; напротив, развивающиеся страны, которые становятся объектами санкций, считают их инструментом нормативно и этически неприемлемым. Права человека – один из базовых критериев оценки справедливости санкций. Даже односторонние санкции могут быть законными, если они выступают как контрмера, но их легитимность и эффективность в конечном итоге должна определяться мерой ущемления прав человека в странах-адресатах и за их пределами. Однако практика показывает, что в сравнении с международно-правовой легитимностью и этичностью более значимым фактором выступает политическая целесообразность. Страны-инициаторы могут «подстраивать» деятельность международных организаций под свои интересы и даже нарушать букву и дух их правил. Важной страховкой от применения санкций в адрес отдельных стран остаётся их реальная экономическая мощь и шире – потенциал сдерживания, которым они располагают.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Политическая философия: от концепций к теориям. – М.: РОССПЭН, 2007. 400 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2016. 448 с.
3. Allison G., Simes D. Stumbling to War // *The National Interest*. May/June 2015. Pp. 9-21.
4. Vapat N., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39. Pp. 79–98.
5. Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions // *International Affairs*. 2015. Vol. 91, no 6. Pp. 1339–1349.
6. Conybeare J. Trade Wars. A Comparative Study of Anglo-Hanse, Franco-Italian, and Hawley-Smooth Conflicts // *World Politics*. October 1985. Vol. 38, no 1. Pp. 147–172.
7. Cooper Z., Lorber E. Sanctioning the Dragon // *The National Interest*, March/April 2016. Pp. 36–42.
8. Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance // *International Interactions*. 2015. Vol. 41. Pp. 755–764.
9. Feaver P., Lorber E. The Sanctions Myth // *The National Interest*, July/August, 2015. Pp. 22-27.
10. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
11. Johnson H. Optimum Tariffs and Retaliation. // *The Review of Economic Studies*. 1953. Vol. 21, no. 2. Pp. 142–153.
12. Kreinin M., Dinopoulos E., Syropoulos C. Bilateral Trade Wars // *The International Trade Journal*. 1996. Vol. 10, no. 1. Pp. 3–20.
13. Melatos, Mark; Pascalis, Raimondos-Moller; Gibson, Matthew. Who Wins a Trade War? URL: <http://www.etsg.org/ETSG2007/papers/melatos.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
14. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work? // *International Security*. 1997. Vol. 22, no. 2. Pp. 90–136.
15. Syropoulos C. Optimum Tariffs and Retaliation Revisited: How Country Size Matters? // *Review of Economic Studies*. 2002. Vol. 69. Pp. 707–727.

Об авторе:

Иван Николаевич Тимофеев – доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России, директор программ РСМД, программный директор Валдайского клуба. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: itimofeev@russiancouncil.ru.

ECONOMIC SANCTIONS AS A CONCEPT OF POWER POLITICS

Ivan N. Timofeev

DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The purpose of the article is to conceptualize economic sanctions in terms of international power politics. Legal and economic literature study sanctions by means of legal norms analysis and their impact on economies, companies and corporations. However, this approach misses a political component, specially the one of coercion to comply with international norms or requirements of sanctions' initiators. Usually sanctions are an instrument of economically advanced states vis a vis developing countries with fragile or vulnerable economy. The very essence of sanctions is determined by the asymmetry of international system in terms of economic capabilities. Such an asymmetry fuels a debate between those who consider sanctions as an effective and legitimate instrument (US, EU and other developed states) and those who believe that only the UN Security Council can be a legal source of sanctions, while others are illegal (supported by Russia, China and several dozens of developing countries). This debate reflects a cleavage on a more fundamental problem – the one of sovereignty and the right to interfere into sovereign affairs of states. Recognition of sanctions' legitimacy would mean the recognition of the right to interfere into sovereign affairs of the target-states beyond the UN Charter. The article provides a reflection of this debate, stressing on different interpretations of the concept of sanctions.

The article makes a distinction between the concept of sanctions and the concept of trade wars. Such disengagement is critically important for understanding sanctions as a political concept. If trade wars are conducted to maximize profits, economic sanctions are used to achieve political goals. This determines the fundamental difference in the relations between business and government: in the case of trade wars, business is the main lobbyist for decisions of state bodies, in case of sanctions, the government is the initiator, and business is forced to adapt to the current situation. In the first case, business acts as a subject, in the second - as an object.

Key words: economic sanctions, trade wars, target states, sanctions' initiators, sovereignty, human rights, political theory, international ethics.

References

1. Alekseeva T.A. *Political philosophy: from concepts to theories* [Poloticheskaja filozofia: ot kontseptov r teoriiam]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007. 400 p. (In Russian).
2. Weber M. *Economics and Society: Essays on Understanding Sociology*. Sociology. Moscow: The Publishing House of the State University - Higher School of Economics, 2016. 448 p.
3. Allison G., Simes D. Stumbling to War. *The National Interest*. May/June 2015, pp. 9-21.
4. Bapat N., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *International Interactions*. 2013, vol. 39, pp. 79–98.
5. Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. *International Affairs*. 2015, vol. 91, no. 6, pp. 1339–1349.
6. Conybeare J. Trade Wars. A Comparative Study of Anglo-Hanse, Franco-Italian, and Hawley-Smooth Conflicts. *World Politics*. October 1985, vol. 38, no. 1,

- pp. 147–172.
7. Cooper Z., Lorber E. Sanctioning the Dragon. *The National Interest*. March/April 2016, pp. 36–42.
 8. Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance. *International Interactions*. 2015, vol. 41, pp. 755–764.
 9. Feaver P., Lorber E. The Sanctions Myth. *The National Interest*, July/August, 2015, pp. 22–27.
 10. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
 11. Johnson H. Optimum Tariffs and Retaliation. *The Review of Economic Studies*. 1953, vol. 21, no. 2, pp. 142–153.
 12. Kreinin M., Dinopoulos E., Syropoulos C. Bilateral Trade Wars. *The International Trade Journal*. 1996, vol. 10, no. 1, pp. 3–20.
 13. Melatos M., Pascalis R.-M., Gibson M. Who Wins a Trade War? URL: <http://www.etsg.org/ETSG2007/papers/melatos.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
 14. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work? *International Security*. 1997, vol. 22, no. 2, pp. 90–136.
 15. Syropoulos C. Optimum Tariffs and Retaliation Revisited: How Country Size Matters? *Review of Economic Studies*. 2002, vol. 69, pp. 707–727.

About the author:

Ivan N. Timofeev – Associate Professor at MGIMO-University of the Russian MFA and a Director of Programs at Russian International Affairs Council (RIAC). Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: itimofeev@russiancouncil.ru.

ДОВЕРИЕ К НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.А. Кравченко, А.И. Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье показывается, что валидность научного знания, заслуживающего доверия, крайне важна для обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем есть объективные и субъективные факторы, подрывающие доверие к нему. Среди объективных факторов – становление рефлексивной социально-природной реальности, обретающей нелинейный характер развития, что предполагает формирование, соответственно, нелинейного знания, основанного на переходе от традиционного выявления жёстких корреляций между фактами и явлениями к теоретико-методологическому инструментарию, способному учесть многочисленные неопределённости, пришедшие в нашу жизнь, которые проявляются в виде социальных разрывов, культурных травм, ненамеренных последствий инновационной деятельности человека. По существу, инструментарий формирования нелинейного знания только создаётся, поэтому в нормативные документы, посвящённые безопасности России, подчас попадает «апробированное, устоявшееся» знание, но относящееся к ранее существовавшим реалиям и другому времени, что создает проблемы для научного прогноза развития международных и военно-политических отношений. Если результаты естественных наук абсолютизируются и противопоставляются социальным и гуманитарным наукам, а также междисциплинарности, то это также делает уязвимым итоговое знание.

Субъективные факторы значимо сказываются на валидности научного знания. Исследователи неизбежно подвержены влиянию особенностей цивилизации и культуры, в которых они живут и работают, опыту социализации и самосоциализации. Но наибольший ущерб валидности знания наносится тогда, когда национальные интересы вытесняются групповыми, тем более личностными интересами учёных. Эти усложняющиеся реалии востребовали переход от безусловного доверия к научному знанию к рефлексивному доверию, концепция которого предлагается: в основе такого типа доверия лежит риск – определённая степень уверенности в адекватности задействованного теоретико-методологического инструментария;

УДК 001.6, 327

Поступила в редакцию 20.01.2018 г.

Принята к публикации 20.04.2018 г.

кроме научной учитывается социальная рациональность; предполагается критическая проверка любой теории; принимается во внимание фактор инсценированного доверия, получающего распространение в виртуальной реальности; в валидность знания вводится критерий его гуманистической составляющей.

Ключевые слова: доверие, рефлексивное доверие, инсценированное доверие, знание, валидность, рефлексивность, нелинейное развитие, неопределённость, риск, безопасность, угроза, прогноз

Валидное знание о международных и военно-политических условиях развития России, вытекающее из новой военно-политической обстановки в XXI в., лежит в основе анализа и стратегического прогноза всех процессов и аспектов будущей российской политики в области безопасности в силу приоритетности такой политики по отношению ко всем другим аспектам развития государства. Это утверждение превратилось в своего рода аксиому после принятых нормативных документов, посвящённых стратегии национальной безопасности. Однако детали изложены там достаточно общо, что не всегда обеспечивает их практическое использование в научной экспертизе и политической деятельности. Поэтому проблема научного анализа и прогноза развития международных отношений (МО) и военно-политических отношений (ВПО) приобрела исключительно важное значение для принятия наиболее эффективных политических решений в области национальной безопасности.

Теоретико-методологический инструментарий прогнозирования безопасности

В последние два десятилетия было принято много важнейших стратегических документов, определяющих основные приоритеты и концепции обеспечения национальной безопасности России, среди которых важное значение имеют Стратегия национальной безопасности¹, Военная доктрина, Морская доктрина, Концепция внешней политики и особо отметим ФЗ РФ «О безопасности», 4 статья которого определяет взаимосвязь всех средств и мер политики государства: «Государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединённых единым замыслом политических, организационных, социально-экономических,

¹ Путин В.В. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Президент России, 31.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 13.08.2017).

военных, правовых, информационных, специальных и иных мер»². Эти и другие документы должны составить нормативно-правовую и административную основу для разработки и использования средств, способов и мер по обеспечению безопасности страны в качественно новых условиях ВПО, сложившихся после 2014 г. [33, с. 78-79].

К сожалению, далеко не все они тесно взаимосвязаны между собой, а их логическая и нормативная зависимость от Стратегии национальной безопасности (в особенности, когда речь идёт о финансовых, бюджетных и социально-экономических решениях) не всегда очевидны. Так, в Стратегии сделан только самый первый шаг: выделены типы безопасности – военная, политическая, экономическая и другие, но анализ, тем более прогноз, не были осуществлены. Это позволяет вполне справедливо утверждать, что в России до настоящего времени не воссоздана строгая система обоснования и принятия решений в области безопасности, в основе которой лежат достаточно валидные знания и информация [30].

Обеспечение безопасности нации и государства – главный интерес любого суверенного актора МО и ВПО, потому что без его реализации исчезает сам этот актор: государство и нация могут развиваться с разной степенью успеха, но только до тех пор, пока они сохраняют имманентные *качества системы*, отвечают, как считает Т. Парсонс, четырём основным функциональным требованиям: 1) *адаптации*, предполагающей безопасность системы через приспособление к её внешней среде; 2) *целедостижению*, означающему, что система должна выработать цели и достигать их; 3) *интеграции*, предполагающей способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия; 4) сохранению *генетического кода*, осуществляя поддержание своего «культурного образца» [25]. Таким образом, сама *жизненность* государств и наций определяется их безопасным и эффективным функционированием. Знание этих требований обеспечивает основу для будущего развития.

Иногда правящие элиты полагают, что интересы безопасности могут уступить место другим (религиозным, экономическим, личностным) соображениям. В этих случаях, как правило, возникает нефункциональность и даже дисфункциональность государства, которое лишается суверенитета и обрекается на исчезновение, вслед за чем следует неизбежное уничтожение и исчезновение нации как системы, о чём ещё в 50-е гг. прошлого века писал И.А. Ильин [8].

Из цели обеспечения безопасности государства и нации вытекает задача разработки среднесрочной (до 2025 г.) и долгосрочной (до 2050 г.) перспектив развития России, валидное знание о которых должно иметь *междисциплинарную основу* [15, с. 22-30]. Ставка на *интегральное знание* о безопасности России имеет принципиальное значение: никакая другая политическая область не тре-

² Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. Статья № 4 [Электронный ресурс] // Президент России, 31.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/32417> (дата обращения: 13.08.2017).

бует такого органического сочетания достижения из самых разных наук – от экономики, военной области, до информационных и гуманитарных областей. Специалисты в сфере национальной безопасности должны вполне профессионально ориентироваться в экономике, политике, социологии, военной, информационной, валютно-финансовой, культурной, образовательной научной и других областях. Не менее важно, чтобы такие специалисты обладали и достаточным уровнем философской, социогуманитарной, теоретической и методологической подготовки, необходимой как для общего, так и специального анализа. В итоге интегральное знание обычно формализуется в некие сценарии и их варианты, которые являются их логическими и эмпирическими моделями.

Важно отметить, что на всех этапах выработки знания будет оказывать влияние *субъективный, личностный фактор*, который выражается в особенностях цивилизации и культуры [34], характере обыденного сознания [22], опыте социализации и самосоциализации [20]. Но главное, специалисты в области национальной безопасности должны работать на интересы безопасности России, а не на групповые, тем более личностные интересы. Как ни странно, но такие «специалисты» и политики не только существовали, но и доминировали в недавнем прошлом. Интересно в этой связи признание известного специалиста по России Стивена Коэна, которого не заподозришь в необъективности: «Идея того, что США могут переделать Россию по своему образу и подобию или, по крайней мере, смогут “думать за русских”, возникла впервые после Второй мировой войны, в среде апологетов «холодной войны»... этот миссионерский порыв превратился в настоящий крестовый поход, и сделала это администрация Клинтона (хотя, нужно заметить, не без поддержки Республиканской партии в Конгрессе)» [7].

Субъективный фактор, безусловно, сильно сказывается на производстве знания, соответственно, на прогнозе, в особенности долгосрочном, иногда искажая его до неузнаваемости, а иногда и заведомо подгоняя под нужный результат. В этом проявляется огромная личностная роль исследований в социальной сфере, которые могут быть ангажированы и политизированы [35].

Для минимизации влияния субъективного фактора мировой социальной мыслью были выработаны и предложены *критерии доверия к знанию*. Особый вклад в эту проблематику внёс К. Манхейм, исследовавший сложные взаимоотношения истины и лжи как в общественном сознании, так и научном дискурсе. Отметим предложенные им наиболее важные критерии валидности знания и доверия к нему:

– наличие *эмпирического материала*, позволяющего, в частности, выявлять меру соответствия теоретико-методологического инструментария тому, что исследуется и измеряется. Социолог отмечает: «развитие теоретических наук непосредственно зависит от развития наук эмпирических» [21, с. 241];

– *ликвидация монополии на истину*, конкуренция учёных в отстаивании различных идей;

– необходимо выявлять *базовые ценности «истины»*, а также *латентные мотивации* исследователей, которые включают не только рациональное, но и *коллективное бессознательное*: «Исследование объекта не есть изолированный акт; оно происходит в определённом контексте, на характер которого влияют ценности и коллективно-бессознательные волевые импульсы» [21, с. 15];

– важным фактором доверия к знанию является *политическая дискуссия*, которая «с самого начала есть нечто большее, чем теоретическая аргументация; она срывает маски, открывает неосознанные мотивы, связывающие существование группы с её культурными чаяниями и теоретической аргументацией» [21, с. 40];

– учёт *теологического знания*. Хотя оно не способно схватывать социальные инновации, тем не менее, религиозные истины содержат интуитивные прозрения и глубокие метафизические догматы, указывающие на те *гуманные критерии*, по которым следует оценивать знания;

– необходимо принять во внимание знание конкретных социальных групп, которое, разумеется, лишь *часть* социального знания. Но оно представляет своего рода *документ*, по которому можно сделать представление о духе эпохи в целом;

– важным критерием доверия к знанию социолог считает «демократическое требование общезначимости» [21, с. 143]. Представляется, сегодня данный критерий обретает особую актуальность в контексте предпринимаемых попыток нигилистического пересмотра истории Второй мировой войны или конструирования «угроз», исходящих де от российского руководства.

Поэтому основу любого политического анализа составляет прежде всего учёт *совокупных критериев доверия к знанию* о состоянии того или иного объекта, т.е. интегральная оценка существующего. Эти критерии – если к их использованию относиться вполне добросовестно, – могут дать достаточно валидную картину мира, которую далее можно интерпретировать и прогнозировать её развитие, познать с помощью апробированных инструментов анализа.

Однако невозможно взять и «отменить» субъективность в политическом анализе, ибо главным актором политики остаётся человек, роль которого ныне возрастает [29]. Выбор сценария развития и его варианта во многом зависит от того или иного набора откровенно субъективных факторов. Иногда очень сильно и даже только от них [31, с. 41-50]. Речь прежде всего идёт о качестве знания правящей политической элиты, которая (как неоднократно показывала история России) способна радикально и в короткие сроки повлиять на вектор развития страны и общества. Но элита существует не только как некая социальная общность, но и как группа личностей, каждая из которых обладает собственным знанием о добре и зле в политике. Столкновение, противодействие этих воль и мнений в конечном счёте и определяют тот или иной конкретный вариант развития событий.

На практике уязвимость знания («антиномичность» [3, с. 277], односторонность, идеологизированность, приверженность простым, линейным решениям

и т.д.) означает, что нередко те или иные представители советско-российской элиты играли негативную роль. Речь идёт о достаточно широкой социальной группе лиц, занимавших в последние 30 лет откровенно антигосударственную позицию, перейдя на принципы неолиберализма, представлявшие чуждое для российской культуры знание. По мнению Ж.Т. Тощенко, распад СССР привёл к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей – исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди. Приход в жизнь капитализма авантюристического типа, рыночных отношений, основанных на иррациональном стремлении к наживе, стимулировал появление *новых социальных типов в виде фантомов*, которые «активны и самым губительным образом участвуют в манипулировании общественным мнением» [36, с. 71]. Общее, что их объединяет, это антинациональный подход, приверженность западной системе ценностей, фактическое отрицание сколько-нибудь положительного значения национальной культуры и интересов [26]. Примечательно, Россия, пожалуй, одна из немногих стран, где представителям подобных групп даётся право и возможность активно участвовать в формировании общественного мнения.

В силу всего этого политический анализ и прогноз остаются весьма субъективными процессами. Вместе с тем со своей стороны предложим ряд новаций в теоретико-методологический инструментарий прогнозирования, которые призваны минимизировать фактор субъективности, по крайней мере, в сфере производства научного политического знания:

- во-первых, необходимо учитывать *переоткрытия социальной реальности* в контексте её динамики, что является показателем валидности знания [14, с. 27-37];

- во-вторых, принять во внимание *динамику научного мышления и воображения*, которое ныне распространяется на социо-природные реалии [12, с. 14-24];

- в-третьих, учесть фактор «стрелы времени», распространяющийся на социальные и природные реалии и представляющий перманентный вызов знанию [17, с. 110-124]. Соответственно, конструируются новые и уточняются ранее использовавшиеся понятия, что создаёт основу для междисциплинарного практически ориентированного политического анализа в противовес симулякрам и перформансам, которые вошли в нашу жизнь [39] и используются не только для интерпретации, но и искусственного конструирования реалий;

- в-четвёртых, возрастает значимость *интегрального научного знания*, включающего в себя достижения из самых разных наук, что в итоге компенсирует субъективизм тех или иных оценок;

- в-пятых, необходим адекватный ответ лженауке, чтобы противостоять *диффузии референтов* доверия к научному знанию;

- в-шестых, любой анализ и прогноз *не должны быть простой экстраполяцией существующих реалий и тенденций*. Мир нелинейно развивает-

ся, усложняется, неизбежно сталкивается со сменой основных парадигм своего развития, а в переходные периоды (в одном из которых мы со всей очевидностью находимся сегодня) эта смена происходит особенно быстро и радикально, зачастую, приобретает характер *метаморфоз* [13, с. 3-14]. Из этого следует, что в прогнозах на долгосрочную перспективу следует учитывать неизбежность *радикальных перемен* [23];

– наконец, в-седьмых, любой анализ и прогноз (именно в силу влияния субъективных факторов) *многовариантен*, состоит из многих сценариев (возможных и наиболее вероятных) и их конкретных вариантов. Тех, которые в итоге реализуются на практике. Вот почему при политическом анализе и прогнозе всегда присутствуют несколько конкретных вариантов реализации того или иного сценария. Это не просто желательно, но и объективно необходимо для того, чтобы сценарий в условиях конкретной реализации оставался многовариантным, а, значит, сохранялись условия для его корректировки. Так, начало 2018 г. для России ознаменовалось выбором одного из вариантов развития в рамках существующего инерционного сценария после фактического завершения выхода из кризиса последних лет. Эта возможность означала выбор того, по какому варианту *уже будет развиваться, а не выходить из кризиса Россия*. На наш взгляд, любой сценарий развития России в 2018–2050 гг. будет формироваться под очень сильным (и усиливающимся) влиянием внешних факторов, которые могут оказаться даже решающими в этот период: мир становится всё более взаимозависимым. Вот почему сегодня влияние внешних факторов – как положительных, так и отрицательных – не идёт ни в какое сравнение с влиянием ещё в недавнем прошлом, когда можно было бы как-то «изолироваться» от внешнего мира. Парадоксально, что параллельно с усилением этой тенденции взаимозависимости стремительно развивается и противоположная тенденция, связанная с ростом самоидентификации наций. Эти два взаимосвязанных, но противоречивых процесса, естественно, амбивалентно будут влиять на национальную безопасность России: с одной стороны, сохранится противостояние западной и российской локальных цивилизаций, а с другой, – ввиду центробежных тенденций национального толка неизбежно будут нарастать противоречия внутри западной коалиции.

Валидное знание о современных военно-политических условиях развития России

Любой анализ и военно-политический прогноз начинается прежде всего с использования апробированного инструментария для оценок состояния того или иного объекта, что в итоге формирует знание, которое может быть более или менее точным (даже неадекватным) в силу самых разных причин – сложности анализируемых реалий, а также профессиональных, личных, политических, идеологических или иных. Валидное знание предполагает первый, наиболее от-

ветственный и обязательный шаг, – определение существующих и будущих *военно-политических тенденций*³ в развитии акторов, а также МО и ВПО, за которым следует стратегический прогноз, чёткое целеполагание и распределение необходимых ресурсов [27, с. 9-10]. При этом, как первое, так последующие и итоговые действия нельзя рассматривать упрощённо, линейно.

При анализе и прогнозе состояния того или иного актора (в нашем случае – России) мы исходим из следующего. Во-первых, валидность прогнозного знания достижима и реальна потому, что *будущее уже существует* в той или иной степени в политике, экономике и военном деле сегодня. Нужно только максимально учесть соотношение явных и латентных реалий, понять тенденции их *нелинейного развития* в контексте рефлексивности как структур, так и акторов. Это можно сделать только при условии междисциплинарного анализа, максимально удалённого от политизированной и идеологизированной ангажированности, которая в определённой степени всегда присутствует при проведении экспертизы. В условиях *рефлексивного модерна* [44] разрывы социума, культурные травмы и даже «вдруг-события» [6, с. 13-70], по существу, становятся нормой, что мы определили как состояние «нормальной аномии» [10, с. 17-33]. И всё же подавляющее большинство явлений появляется в истории не сразу, им предшествуют некие предпосылки, сигналы, проявляющиеся в *неявном знании, дискурсе*, который, по М. Фуко, представляет *силу* [37]. Так, ещё в конце 90-х гг. выдвигались суждения о том, что неизбежным следствием кризисного развития СССР и России в предыдущие годы к власти в стране должен прийти некий «либеральный дракон» [32, с. 23-25] – в политике появился В. Путин.

Во-вторых, при всей важности учёта субъективных особенностей, мы исходим из того, что существует достаточно много объективных факторов и тенденций, постоянных величин, долгоживущих ценностей и референтов, которые позволяют производить валидное знание о настоящем и прогнозировать будущее. В условиях сложного *турбулентного социума*, который стал специальным предметом исследования на X Конференции ЕСА [18, с. 6-13], особенно важно не игнорировать «мелкие» объективные реалии, даже если они кажутся незначительными, мешающими выявлять корреляции. Общим для всех сфер такого социума является *имманентность эффекта бабочки*, для понимания которого необходимо нелинейное мышление и рефлексивное знание. Суть эффекта в том, что даже, казалось бы, *малозначимые* действия или реалии ныне способны вызвать *лавинообразные последствия*, которые *проявляются нелинейно во времени и пространстве*. Под влиянием эффекта бабочки явно стабильные режимы оказываются в коллапсе [48, р. 237]. «Небольшие изменения в прошлом, – пишет Дж. Урри, – способны потенциально произвести огромные последствия

³ **Военно-политические тенденции** – эд. относительно устойчивые возможности, векторы развития внешней и внутренней политики государств, характеризующие состояние и перспективы их безопасности, прежде всего, в военной области.

в настоящем или будущем. Такие маленькие события “не забываются”. Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия» [47, р. 23]. Из этого следует, что валидность знания предполагает учёт, на первый взгляд, «малозначимого», проявляющегося лишь латентно. Поэтому там, где это возможно, мы пытаемся максимально детализировать, формализовать и систематизировать объективные факторы, предполагающие *дальнейшее нелинейное развитие*. Так, например, мы полагаем, что два направления в развитии военных потенциалов – системы воздушно-космической обороны и противоспутникового оружия – будут иметь решающее значение для национальной безопасности России даже по сравнению с тем, какое они имеют в 2018 г. Именно они будут определять основные параметры стратегического паритета в будущем, хотя сегодня доминирует точка зрения, что эта роль будет принадлежать стратегическим наступательным вооружениям, а значит, и соответственно происходит распределение ресурсов [28]. Эти оценки разделяют американские эксперты из Ассоциации по контролю над вооружениями, которые заявили после публикации выдержек из новой ядерной стратегии США в январе 2018 г., что «холодная война по версии 2.0 даёт толчок двум областям в гонке вооружений (в дополнение к существующим) – накоплению средств ПРО и средств для войны в космосе» [4].

В-третьих, в валидном знании всегда присутствует *многовариантность развития* тех или иных сценариев и переход внутри них от одного к другому конкретному варианту. При этом можно и обязательно нужно попытаться вычлени из этого огромного числа возможных сценариев (и обосновать) *наиболее вероятные*, а из них – «почти» неизбежные варианты, которые могут лечь в основу той или иной концепции. В частности, в работах, посвящённых «перетворению» знания о будущем страны, её безопасности, мы предлагаем как возможные, так и наиболее вероятные (и даже «неизбежные») сценарии развития России, пытаясь обосновать не только их характеристики, но и степень вероятности [19, с. 211-226]. Там, где это возможно, мы всегда использовали этот приём, предлагая знание в виде своей гипотезы или концепции [31].

В-четвёртых, авторская концепция о многовариантности развития, по существу, исходит из *релятивности* и *рефлексивности* современного знания. Некоторые исследователи считают, что акцентирование своей позиции – ненаучный подход. Однако, такой объективизм ведёт к фактическому сохранению

⁷ Kozin V. The Unacceptable Risk of Trumps Nuclear Strategy [Электронный ресурс]. // Orient-talreview.org, 17.01.2018. URL: <https://orientalreview.org/2018/01/17/unacceptable-risks-trumps-nuclear-strategy/> (дата обращения: 13.08.2017).

позитивистского, линейного мышления и, соответственно, абсолютизации определённой точки зрения. Иногда она закрепляется в научных работах и политических документах. Так, долгие годы ряд учёных навязывал общественному мнению необходимость игнорирования усилий США в области создания широкомасштабной системы ПРО. У них, строго говоря, не было серьёзных аргументов, а тем более концептуального знания, объясняющего, зачем же создаётся «бесполезная ПРО». Поэтому лучше – перспективнее с точки зрения современного валидного знания – с самого начала придерживаться *концептуализации знания*, несмотря на то, что предлагается его релятивность, возможность критики и даже отрицания с учётом *дальнейшего нелинейного развития* реалий.

В-пятых, весьма важно принять во внимание знание о *неэкономических факторах* развития России, которое необходимо для долгосрочного прогнозирования национальной безопасности. Академик РАН М.К. Горшков, осуществляя диагностику нынешнего этапа развития российского социума, выделил как *базисные*, так и *ситуативные, переменные* факторы, определяющие, с одной стороны, *уникальную устойчивость* ментально-ценностных характеристик россиян, а с другой, – вектор и параметры динамики социокультурного развития. Диагностика учитывала конкретные возможности задействования всех ресурсов общества, его экономического, духовного, нравственного, социокультурного и психологического потенциала в моделях ускоренного экономического развития страны до 2030 г. [5, с. 9], что позволяет не только оценивать нынешнее состояние России, но и прогнозировать её безопасность в будущем.

Становление рефлексивного доверия к научному знанию

Сегодня возникли *принципиально новые вызовы* доверию к научному знанию, связанные с *доверием к нелинейному знанию*, сложность которого увеличивается – оно становится результатом *многих парадигм*, созданных как научными школами, так и отдельными авторами. Парадигмы перманентно обновляются, а их теоретико-методологический инструментарий зачастую противоречит друг другу, что, естественно, ставит под вопрос известные типы детерминизма, устоявшиеся истины и ведёт к *дисперсии* и *короткоживучести* знания, что соответственно, вызывает недоверие к нему. Даже для учёных, людей креативных, переход от позитивистского к нелинейному мышлению может представлять психологическую проблему и культурную травму. В повседневной же жизни можно столкнуться с тем, что люди склонны доверять «железным, единственно правильным» истинам, *всезнающим* учёным, журналистам, политическим комментаторам, чье мнение представлено в СМИ, и не доверять *сомневающимся (рефлексирующим)* экспертам. Сказывается давление стереотипов позитивизма, сформировавшегося в течение многих лет общественного сознания, ориентированного на линейные корреляции фактов, легкие и быстрые решения сложных проблем. Несомненно, позитивистские принципы, в своё время сыгравшие

историческую роль в переходе от религиозного к научному знанию, могут быть использованы и сегодня, но только для анализа локальных реалий, взятых в конкретном времени. Доминирующим же инструментарием ныне становятся *рефлексивные парадигмы*, а также *междисциплинарные подходы* – они предлагают валидное знание, основанное на признании *эффектов стрелы времени*, соответственно, более адекватно отражающее турбулентности современного мира.

Переход же от позитивистского к нелинейному мышлению, на наш взгляд, осуществляется *достаточно медленно*. Так, в дискурсе политических дебатов, подчас, сохраняется линейная обусловленность политического авторитета страны от её ВВП. Между тем, как мы полагаем, здесь рельефно утверждается *нелинейная тенденция*: политическое влияние России – тот мощный ресурс, который значительно сильнее её позиций в экономике и даже в военной области. Это влияние во всё возрастающей степени обусловлено не столько военной мощью, сколько степенью развития *человеческого капитала*, научных и культурных институтов, переориентацией с прагматических целей на социальные и гуманитарные, что начинает беспокоить Запад, до сих пор полагающийся на прагматизм и меркантилизм. Отсюда потуги по ограничению роли России в международных организациях и институтах, спорте, культуре, даже в сфере обмена информацией, свобода которой лишь декларируется. Используется весь набор средств принуждения, давления на нашу страну во всех, даже не самых значительных областях международного сотрудничества [7, с. 273-306].

Эти реалии востребовали переход от безусловного к *рефлексивному доверию к научному знанию*. Такой тип доверия прежде всего предполагает *риск* – определённую степень уверенности в том что, задействованный теоретико-методологический инструментарий валиден, а полученные результаты верны [16, с. 19-20]. Риск вошёл как в реальную жизнь, так и в знание о ней. Немецкий социолог У. Бек явился пионером в создании интегральной междисциплинарной теории «общества риска» [1]. В основу её методологии положены идеи о *неодетерминизме и нелинейном развитии* социо-природных реалий, а также подход к исследованию неопределённостей и рисков. Социолог подчёркивает, что тот, кто «все ещё находится в плену мифа о линейности и разделяет тезис о культурной конвергенции как непосредственном следствии экономической унификации, – попросту невежественный человек» [2, с. 213]. Если прежние (позитивистские) методологии были основаны на *принудительной каузальности*, то ныне они заменяются инструментариями, ориентированными на выявление *сложной причинности* функционирования гибридов социо-природных реалий, для которых характерно резкое увеличение производства неопределённостей.

Хотя с существенными сопротивлениями, но утрачивается доверие к прежним методологиям и «жёстким» формам знания в силу их *теоретического монизма и линейных оснований*. Преодолеть слабости позитивистского подхода и утвердить *качественно новое доверие* к научному знанию У. Бек пытается с по-

мощью концепции *риск как знание*, предполагающей синтез разных подходов в «интегральную парадигму» [42, p. 76].

Ответ на возникшие вызовы прежнему доверию к научному знанию У. Бек также видит в *переоткрытии* самого соотношения бытия и сознания, что предполагает методологию, делающую акцент на новых нелинейных корреляциях между ними: «В классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие» [1, с. 26]. На наш взгляд, это суждение несколько радикально, и оценка его валидности возможна лишь через призму рефлексивного доверия. Тем не менее, нельзя убежать от реалий общества риска, которое, однако производит не только риски, но и *особую рефлексивность* в отношении них, что делает востребованным становление *рефлексивного доверия* к знанию, включающего в себя не только научную, но и *социальную рациональность*, т.е., по существу, *рациональность здравого смысла*, которой ранее вообще отказывалось в доверии. «В дискуссиях о рисках, – отмечает социолог, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального *пуст*, социальный без научного – слеп» [1, с. 34, 35]. Это новый факт: доверие к научному знанию стало основываться не только на авторитете учёных, профессиональных экспертов, но и на общественном мнении непрофессионалов, чьи суждения не так давно уничижительно оценивались как «некомпетентные». Ситуация изменилась – сегодня общество состоит не из совокупности индивидов, а *социальных акторов*, проявляющих свою *рефлексивность* и *способность к самотворению*, что, по Э. Гидденсу, «предполагает контроль не только собственного поведения, но и действий окружающих» [4, с. 43]. Из этого фактически следует, что не только специальные научные структуры, но *самые разные люди*, подчас далекие от науки, будучи акторами, собирают информацию о социо-природных турбулентностях, вызовах терроризма, политических и военных действиях и, конечно, о том, как эти реалии интерпретируются научными экспертами, воспроизводя в итоге социальную рациональность и формируя рефлексивное доверие к знанию.

Рефлексивное доверие к знанию также основано на «*организованном скептицизме*», который, по Р. Мертону, предполагает критическую проверку любой теории [45], на том, что «общество риска по своим возможностям есть общество самокритичное» [1, с. 271]. При этом утверждается понимание того, что в современных условиях роста неопределённостей «нет ни единственного, ни “наилучшего” решения – их всегда несколько» [41, p. 19]. Иными словами, самокритичность становится *фактором рефлексии* относительно принимаемых решений, что формирует всё большее доверие именно к *интегральному* (междисциплинарно-научному и социальному) знанию. Признание «конца определённости» побуждает и учёных, и простых людей всё более занимать критическую и самокритическую позицию, доверять скорее *релятивному, динамичному*

знанию, чем «высшему, единственно верному» знанию конкретных авторитетов, не говоря уже об исторически стареющем позитивистском знании.

В рефлексивном доверии к знанию присутствует компонент, говоря словами У. Бека, «инсценированной реальности глобального риска»... «Инсценирование» здесь не предполагает в разговорном смысле намеренную фальсификацию реальности посредством преувеличения “нереальных” рисков. Разница между риском как ожидаемой катастрофой и реальной катастрофой заставляет нас воспринять роль инсценирования серьезно» [43, р. 10]. Из этого следует, что ныне для подавляющего большинства акторов значимы не только привычные объективные и субъективные реальности, но и пришедшая в нашу жизнь *виртуальная реальность*, в которой факты и события *инсценируются*, т.е. *социально и культурно конструируются*. В социальных сетях виртуальной реальности коллективные и индивидуальные акторы осуществляют самопредставление и отслеживают действия других. Естественно, само функционирование сетей было бы невозможным без существенной степени доверия к знанию, циркулирующего там. Подчас складывается парадоксальная ситуация: виртуальным политикам, блогерам оказывается значительно большее доверие, чем реальным политикам и экспертам. Идет борьба за лайки, их формальное количество становится принципиально новым критерием доверия к знанию. На этой почве возникает и получает распространение *инсценированное доверие*. Реалии современного общества таковы, что на *результатирующее доверие* к знанию все более влияет *виртуальная реальность* в виде социально и культурно сконструированных *смыслов доверия*. По существу, они осуществляют *рефлексивный контроль* за качеством нашей жизни, динамикой социальных, политических, военных реалий, окружающих нас, за предложениями альтернатив, как в этих условиях действовать, на каких референтов следует полагаться.

Проблема инсценирования смыслов реальности весьма новая и сложная как для эффективной адаптации индивидов, так и для обеспечения национальной безопасности страны. Дело в том, что в современном обществе не только увеличивается само *количество смыслов*, но и в том, что смыслы одних и тех же реалий носят, подчас, *весьма дисперсионный и противоречивый* характер. Критерии истины, представлений о добре и зле размываются, а образы врагов и друзей инсценируются. «В нашем постмодернистском мире, – пишет американский социолог Дж. Александер, – фактические суждения и фиктивные *нарративы* плотно переплетены. Бинарности символических кодов и истинных/ложных суждений накладываются друг на друга» [23, р. 5]. В итоге утверждается состояние, обозначенное нами как «*нормальная аномия*» [24], которое предполагает *диффузию знания и референтов доверия к нему*. Простые люди поставлены в положение, когда они перманентно вынуждены рефлексировать относительно новых *инсценируемых* врагов и угроз. Да и самим учёным приходится иметь дело с диффузным доверием к определённому научному знанию: никто не может предсказать ненамеренные последствия научных и технических инноваций, особен-

но в сфере созданий систем сверх-быстрых вооружений, функционирующих на основе искусственного интеллекта. Как сложные системы они имманентно подвержены «нормальным авариям», представляющими серьёзные уязвимости для всего живого [46].

Таким образом, под рефлексивным доверием понимается постоянное отслеживание акторами изменений, происходящих в социо-природных реалиях, соответственно, в знании о них, критическое принятие переоткрытий через призму как научной, так и социальной рациональности. В него включается осознание необходимости *гуманистической составляющей* в научном знании. Полагаем, именно из-за умаления значимости социальной рациональности и особенно гуманистической составляющей в современном знании доверие к нему уменьшается. П. Штомпка отмечает глобальный негативный тренд: «Всё говорит о том, что мы живём в век недоверия» [38, с. 410].

Сказанное выше позволило нам обосновать *парадокс рефлексивного доверия*: растёт производство научного знания, *повышается его рациональная валидность, но понижается валидность социальная*. В реальной жизни имеет место флуктуация доминирования то рациональной, то социальной составляющих в современном научном знании. Результаты этого противоборства, в значительной степени определяемые интенсивностью производства инсценированного доверия, имеют амбивалентные последствия. С одной стороны, пространство получает *рискophobia*. Часть людей обеспокоена своей *онтологической безопасностью*. Под ней Э. Гидденс понимает доверие, которое «являют собой природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [4, с. 499]. Эти люди бегут от формально-рациональных достижений современной науки, обращаясь к религиозной вере и лженауке, видят себя в дауншифтинге, рутинизации своего стиля жизни. С другой стороны, получает развитие противоположная тенденция – *рискophilia*, предполагающая добровольное и сознательное принятие рисков и неопределённостей в профессиональной и повседневной деятельности. Обе тенденции – *рискophobia* и *рискophilia* – это *прагматические и меркантильные* реакции на общий тренд недоверия к научному знанию в современном обществе. Преодолеть его, равно как и парадокс рефлексивного доверия, на основе базовых принципов неолиберализма – формальной рациональности, прагматизма, меркантилизма – *невозможно*. Выход из сложившейся ситуации нам видится в *гуманистическом повороте*, теоретические основы которого мы стали разрабатывать порядка десяти лет назад и впоследствии неоднократно возвращались к этой теме [11, с. 12-23]. Главная проблема не в усложнении научного знания, а, подчеркнём, в *его развитии без адекватного гуманистического стержня*. Отмеченным вызовам недоверия к тенденциям роста научного знания нами противопоставляется *его гуманизация*, предполагающая отказ от формально-прагматического вектора развития науки, переход к качественно новому типу *рефлексивного доверия* с ориентацией на валидность знания сообразно

критериям современных принципов гуманизма. Полагаем, гуманизация научно-го знания повысит не только доверие к нему, но будет в конечном счёте работать на национальную безопасность не только России, но и других стран.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 84 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
3. Бердяев Н. Судьба России. М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. 735 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с.
6. Деррида Ж. Страсти // Эссе об имени / пер. Н.А. Шматко. Институт экспериментальной социологии, 1998. СПб.: Алетейя, 1998. С. 13-70.
7. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 273–306.
8. Ильин И.А.: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. 895 с.
9. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. 304 с.
10. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика, 2015. № 3. С. 17-33.
11. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1. С. 12-23.
12. Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования, 2009. № 8. С. 14-24.
13. Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования, 2017. № 10. С. 3-14.
14. Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования, 2014. № 5. С. 27-37.
15. Кравченко С.А. Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования, 2015. № 10. С. 22-30.
16. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. 434 с.
17. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика, 2014. № 1. С. 110-124.
18. Кравченко С.А. К итогам X Конференции ЕСА // Социологические исследования, 2012. № 3. С. 6-13.
19. Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года / Вестник МГИМО-Университета, 2017. № 4 (55). С. 211–226.
20. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
21. Манхейм К. Идеология и утопия // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 693 с.
22. Насонова Л.И. Обыденное сознание как социокультурный феномен. М.: Знак, 1997. 311 с.
23. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.
24. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
25. Парсонс Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии. М.: ИНИОН РАН, 1994. 106 с.
26. Подберёзкин А.И. Современная военная политика России. М.: МГИМО-Университет, 2017. Т. 1–2. 817 с., 987 с.
27. Подберёзкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО-Университет, 2014. 268 с.
28. Подберёзкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО-Университет, 2013. 488 с.
29. Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013. Т. 1–3. 362 с. 362 с. 101 с.
30. Подберёзкин А.И. Стратегия национальной

- безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 338 с.
31. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.
 32. Подберезкин А.И., Жуков А.В. Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer, 2017. № 10. С. 23–25.
 33. Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Возможен ли долгосрочный прогноз? К вопросу о методологии прогнозирования международных отношений / Свободная мысль, 2016. №4 (1658). С. 78-79.
 34. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУ, 2011. 408 с.
 35. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрава. М.: МГИМО-Университет, 2016. 743 с.
 36. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
 37. Фуко М.П. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 408 с.
 38. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Лорос, 2012. 445 с.
 39. Alexander J.C. The Drama of Social Life. Malden: Polity, 2017. 189 p.
 40. Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003. 296 p.
 41. Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007. 201 p.
 42. Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 224 p.
 43. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
 44. Beck U., Giddens A. and Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford, University Press, 1994. 228 p.
 45. Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: Chicago University Press, 1973. 605 p.
 46. Perrow Ch. The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 432 p.
 47. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
 48. Urry J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. Sage Publications, 2005. Pp. 235- 254.

Об авторах:

Сергей Александрович Кравченко – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76; главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Алексей Иванович Подберезкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 16-18-10411.

TRUST IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE UNDER THE CONDITIONS OF NEW TREATS FOR NATIONAL SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION

S.A. Kravchenko, A.I. Podberezhkin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-43-62

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article shows that the validity of scientific knowledge being trustworthy is extremely important for ensuring national security. At the same time, there are objective and subjective factors that undermine confidence in it. Among the objective factors is the formation of a reflexive socio-natural reality that acquires a non-linear character of development that, accordingly, implies the formation, of non-linear knowledge based on the transition from the traditional revealing of rigid correlations between facts and phenomena to a theoretical and methodological instruments that can take into account many uncertainties that are manifested in the form of social disruptions, cultural traumas, unintended consequences of the innovation human activity. In essence, the instruments for the formation of non-linear knowledge is only being created, therefore, "approved, established" knowledge sometimes comes to the normative documents devoted to Russia's security, but related to previously existing realities and other time creating problems for the scientific forecast of the development of international and military-political relations. If the results of the natural sciences are absolutized and counterposed to the social and human sciences, as well as interdisciplinarity, this also makes the final knowledge vulnerable.

Subjective factors significantly affect the validity of scientific knowledge. The researchers are inevitably influenced by the features of civilization and culture in which they live and work, the experience of socialization and self-socialization. But the greatest damage to the validity of knowledge is inflicted when national interests are replaced by group interests, especially personal interests of scientists.

These complicating realities demanded a transition from unconditional trust to scientific knowledge to reflexive trust, the concept of which is proposed: this type of trust is based on risk as a certain degree of confidence in the adequacy of the involved theoretical and methodological instruments; as scientific as well as social rationality is considered; a critical test of any theory is assumed; there taken into account the factor of staged trust that is spreading in virtual reality; in the validity of knowledge the criterion of its humanistic component is introduced.

Key words: trust, reflexive trust, staged trust, knowledge, validity, reflexivity, non-linear development, uncertainty, risk, security, threat, forecast

References

1. Beck U. *Risk Society, Towards a New Modernity*. Transl. from the German by Mark Ritter, with an Introduction by Scott Lash and Brian Wynne. London, Sage Publ., 1992. 260 p. (Russ.ed.: Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu

- modern. Moscow, Progress – traditsiia Publ., 2000. 384 p.)
2. Beck U. *Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997. 270 S. (Russ. ed.: Bek U. Chto takoe globalizatsiia? Moscow, Progress– traditsiia Publ., 2001. 304 p.)
 3. Berdiaev N. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, EKSMO-Press Publ., Khar'kov, Folio Publ., 1998. 735 p. (In Russian).
 4. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. University of California Press, 1984. 402 p. (Russ. ed.: Giddens E. Ustroenie obshchestva. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 528 p.)
 5. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis)]. In 2 vol. Vol. 1. 2d ed. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016. 496 p. (In Russian).
 6. Derrida J. *Passions*. Paris, Galilée, 1993. 104 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. Strasti [Passion]. Esse ob imeni [Essay on the name]. Trans. by ON. Shmatko. St. Petersburg, Institute of Experimental Sociology, Aleteiia Publ., 1998. Pp. 13-70.)
 7. *Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiia otnoshenii mezhdu lokal'nymi tsivilizatsiiami v Evrazii* [Longterm forecasting of the development of relations between local civilizations in Eurasia] / A.I. Podberezkin. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. Pp. 273–306. (In Russian).
 8. Il'in I.A.: *Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Ivana Il'ina v vospominaniakh, dokumentakh i otsenkakh russkikh myslitelei i issledovatelei* [Il'in, IA: Pro et contra: Personality and creativity of Ivan Ilyin in reminiscences, documents and assessments of Russian thinkers and researchers]. St. Petersburg, Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2004. 895 p. (In Russian).
 9. Cohen S. F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. W. W. Norton & Company, 2001. 320 p. (Russ. ed.: Koen S. Proval krestovogo pokhoda. SShA i tragediia postkommunisticheskoi Rossii. Moscow, Airo-Kh Publ., 2001. 304 p.)
 10. Kravchenko S.A. «Normal'naia anomiiia»: proizvodstvo «nichtshto» [“Normal anomie”: the production of “nothing”]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2015, no. 3, pp. 17-33 (in Russian).
 11. Kravchenko S.A. Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [Demand for a humanistic turn in sociology]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2013, no. 1, pp. 12-23 (in Russian).
 12. Kravchenko S.A. Dinamika sotsiologicheskogo myshleniia i voozbrazheniia [Dynamics of sociological thinking and imagination]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2009, no. 8, pp. 14-24 (in Russian).
 13. Kravchenko S.A. Metamorfozy: sushchnost', uslozhniaiushchiesia tipy, mesto v sotsiologicheskome znaniie [Metamorphoses: essence, complicating types, place in sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2017, no. 10, pp. 3-14 (in Russian).
 14. Kravchenko S.A. Pereotkrytie sotsial'noi real'nosti kak pokazatel' validnosti sotsiologicheskogo znaniia [The rediscovery of social reality as an indicator of the validity of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2014, no. 5, pp. 27-37 (in Russian).
 15. Kravchenko S.A. Salygin V.I. Novyi sintez nauchnogo znaniia: stanovlenie mezhdistsiplinarnoi nauki [A new synthesis of scientific knowledge: the establishment of interdisciplinary science]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 10, pp. 22-30 (in Russian).
 16. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskaiia diagnostika riskov, uiazvimostei, doveriia* [Sociological diagnosis of risks, vulnerabilities, trust]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 434 p. (In Russian).
 17. Kravchenko S.A. Strela vremeni: sovremennye vyzovy sotsiologicheskome znaniiu [The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2014, no. 1, pp. 110-124 (in Russian).
 18. Kravchenko S.A. K itogam Kh Konferentsii ESA [Towards the results of the X Conference of the ECA]. *Sotsiologicheskie*

- issledovaniia*, 2012, no. 3, pp. 6-13 (in Russian).
19. Kravchenko S.A., Podberezkin A.I. «Pererotkrytie» znaniia o budushchem: perspektivy bezopasnosti Rossii do 2050 goda [“Rediscovering” knowledge about the future: the prospects for Russia’s security until 2050]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 4 (55), pp. 211–226 (in Russian).
 20. Luhmann N. *Soziologische Aufklärung: Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme*. Köln / Opladen, Westdeutscher Verlag, 1970. 336 S. (Russ. ed.: Luman N. *Sotsial’nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 644 p.)
 21. Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Vittorio Klostermann, 1995. 302 p. (Russ. ed.: Mankheim K. *Ideologija i utopia*. K. Mankheim. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, Iurist Publ., 1994. 693 p.)
 22. Nasonova L.I. *Obydennoe soznanie kak sotsiokul’turnyi fenomen* [Ordinary consciousness as a sociocultural phenomenon]. Moscow, Znak Publ., 1997. 311 p. (In Russian).
 23. *Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki* [Some aspects of the analysis of the military-political situation]. Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 874 p. (In Russian).
 24. «Normal’naia anomiiia» v Rossii i sovremennom mire [“Normal anomie” in Russia and the modern world]. Ed. by S.A. Kravchenko. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. 281 p. (In Russian).
 25. Parsons T. Some problems of general theory in sociology. *Social systems and the evolution of action theory*. New York, Free Press Publ., 1977. Pp. 229-269 (Russ. ed.: Parsons T. *Nekotorye problemy obshchei teorii v sotsiologii*. Moscow, INION RAN Publ., 1994. 106 p.)
 26. Podberezkin A.I. *Voennaia politika Rossii* [Modern military policy of Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. Vol. 1–2. 817 p., 987 p. (In Russian).
 27. Podberezkin A.I. *Voennye ugrozy Rossii* [Military threats to Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 268 p. (In Russian).
 28. Podberezkin A.I. *Evraziiskaia vozdušno-kosmicheskaia oborona* [Eurasian aerospace defense]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013. 488 p. (In Russian).
 29. Podberezkin A.I. *Natsional’nyi chelovecheskii kapital* [National human capital]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2011–2013. Vol. 1–3. 362 p. 362 p. 101 p. (In Russian).
 30. Podberezkin A.I. *Strategiia natsional’noi bezopasnosti Rossii v XXI veke* [The strategy of Russia’s national security in the 21st century]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 338 p. (In Russian).
 31. Podberezkin A.I. *Tret’ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu* [The Third World War against Russia: an introduction to the concept]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 169 p. (In Russian).
 32. Podberezkin A.I., Zhukov A.V. *Faktory bezopasnosti dlia rossiiskoi natsii, gosudarstva i obshchestva. Ugrozy silovogo ispol’zovaniia sotsial’nykh setei* [Factors of safety for the Russian nation, state and society. Threats of power use of social networks]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel’-Observer*, 2017, no. 10, pp. 23–25 (in Russian).
 33. Podberezkin A.I., Kharkevich M.V. *Vozmozhno li dolgosrochnyi prognoz? K voprosu o metodologii prognozirovaniia mezhdunarodnykh otnoshenii* [Is a long-term prognosis possible? On the methodology of forecasting international relations]. *Svobodnaia mys’l’*, 2016, no. 4 (1658), pp. 78-79. (In Russian).
 34. Stepin V.S. *Tsivilizatsiia i kul’tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2011. 408 p. (In Russian).
 35. *Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [Strategic forecasting of international relations]. Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 743 p. (In Russian).
 36. Toshchenko Zh.T. *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [Phantoms of Russian society]. Moscow, Tsentr sotsial’nogo prognozirovaniia i marketinga Publ., 2015. 668 p. (In Russian).
 37. Fuko M.P. *Slova i veshchi. Arkheologija gumanitarnykh nauk* [Words and things.

- Archeology of the humanities]. Moscow, Progress Publ., 1977. 408 p. (In Russian).
38. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow, Logos Publ., 2012. 445 p. (In Russian).
 39. Alexander J.C. *The Drama of Social Life*. Malden, Polity Publ., 2017. 189 p.
 40. Alexander J.C. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press Publ., 2003. 296 p.
 41. Beck U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge, Polity Press Publ., 2007. 201 p.
 42. Beck U. *Ecological Politics in an Age of Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 1995. 224 p.
 43. Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 2010. 269 p.
 44. Beck U., Giddens A. and Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA, Stanford, University Press Publ., 1994. 228 p.
 45. Merton R. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, Chicago University Press Publ., 1973. 605 p.
 46. Perrow Ch. *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press Publ., 2011. 432 p.
 47. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge, Polity Press Publ., 2003. 184 p.
 48. Urry J. *The Complexities of the Global. Theory, Culture & Society*. Sage Publications, 2005. Pp. 235- 254.

About the authors:

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, professor, head of sociological chair of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. e-mail: sociol7@yandex.ru.

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. e-mail: vestnik@mgimo.ru.

The article was prepared with the financial support of the RNF, grant No. 16-18-10411.

ОТКРЫТЫЕ ГРАНИЦЫ ЕС В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН ЕВРОСОЮЗА

Е.В. Хахалкина, К.П. Андреев, Г.В. Грошева, И.А. Кочев

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томский государственный педагогический университет

Ограничения на внутренних границах и ужесточение режима пересечения внешних границ в ряде государств Европейского союза, введённые в период острой фазы миграционного кризиса в 2014–2015 гг., поставили вопрос о будущем границ Евросоюза. Изначально именно свобода передвижения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы считалась одной из принципиальных задач интеграционного объединения и создания наднациональных структур. Между тем нерешённость сложного комплекса миграционных вопросов и рост в отдельных странах ЕС евроскептических настроений пошатнули приверженность населения европейскому проекту и вызывают недоверие к свободе границ, которую связывают с нежелательным потоком мигрантов и усилением криминально-террористической угрозы.

Авторы статьи поставили целью оценить состояние и угрозы открытым границам ЕС через анализ замеров общеевропейской идентичности, один из элементов которой включает отношение населения к принципу мобильности и свободе границ, в её взаимосвязи с национальным самосознанием на примере разных стран Евросоюза, как последовательно поддерживающих, так и подвергающих критике существующую наднациональную модель.

В первой части статьи анализируются причины возросшей актуализации фактора границ ЕС и его взаимосвязь с задачами укрепления солидарности и доверия к Евросоюзу посредством преодоления кризиса общеевропейской идентичности; во второй части статьи ретроспективно представлен процесс становления общеевропейского самосознания, отражение этого понятия в основополагающих документах ЕС и его соотношение с национальной идентичностью; в третьей части показана взаимосвязь проблемы границ с миграционным фактором; четвёртая и

УДК 316.34

Поступила в редакцию 15.01.2018 г.

Принята к публикации 30.03.2018 г.

пятая части работы представляют собой, соответственно, кейсы стран Евросоюза, выступающих «за» европейскую идентичность, и стран, занимающих евроскептическую позицию в контексте факторов миграции и границ. В заключительном разделе на основе проведенного исследования сделаны выводы о значимости для ЕС «открытых границ» в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: границы, Европейский союз, национальная идентичность, общеевропейская идентичность, Великобритания, Германия, Франция, Австрия, Польша, Венгрия, Швеция.

В современных дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением Европейского союза, важное место отводится оценке будущего этого объединения как некоей универсальной интеграционной модели, с которой брали пример другие страны в надежде повторить и, возможно, даже превзойти её уникальный опыт. Время показало, что Евросоюз если и не перестал быть примером для подражания, то накопил настолько значительный багаж внутренних и внешних противоречий, что для решения отдельных проблем требуется осмыслить весь пройденный путь, начиная с первых шагов в сфере интеграции в 1950-е гг.

К рефлексии побуждает объективное состояние дел в Евросоюзе. В сентябре 2017 г. глава Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер выступил в Европарламенте с ежегодным посланием¹, вызвавшим широкой отклик среди политиков и экспертов по всему миру. Председатель Еврокомиссии привёл данные, свидетельствующие о том, что ЕС вышел из кризиса и находится в благоприятной фазе развития: экономика еврозоны выросла на 2,2%, на девятилетнем минимуме зафиксирована безработица, создано почти 8 млн рабочих мест, общая занятость выше, чем когда-либо прежде – 235 млн чел. Все эти аргументы позволили Ж.-К. Юнкеру заявить о том, что «ветер подул в паруса Европы» и «настало время строить ... Европу на 2025 год». Ж.-К. Юнкер не стал игнорировать и сложности: нельзя сбрасывать со счетов Брекзит, не решён комплекс миграционных вопросов (не сводящихся только к проблеме беженцев), нужно повышать уровень доверия к ЕС. Глава Еврокомиссии признал, что «миграция должна оставаться на нашем радаре», но высоко оценил уже сделанное в этой сфере. Он особо подчеркнул, что «Европа ... не является крепостью и не должна становиться ею. Европа ... должна оставаться континентом солидарности, в котором те, кто скрывается от преследования, могут найти убежище. Эти три принципа – свобода, равенство и верховенство закона – должны оставаться основами, на которых мы строим единый, более сильный и демократический Союз».

¹ President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address. 2017. Brussels, 13 September. [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (дата обращения: 22.01.2017).

Красной нитью через выступление председателя Европейской комиссии прошла мысль о том, что для окончательного преодоления трудностей от участников ЕС требуется проявить солидарность и единство. В этом контексте был поставлен вопрос о границах: в условиях миграционного кризиса Евросоюз оказался перед нелегкой дилеммой – как сохранить открытость внутренних границ и в то же время укрепить защиту внешних границ от нежелательных миграционных элементов. Для разрешения этой дилеммы Ж.-К. Юнкер предложил немедленно открыть Шенгенскую зону для Болгарии и Румынии, а позже и для Хорватии, «как только она выполнит все критерии».

Напомним, что Шенгенскую конвенцию, включающую отмену пограничного контроля, на сегодняшний день подписали 26 стран, из которых 22 – члены ЕС. Созданный механизм предполагает отмену контроля на границах между государствами, подписавшими соглашение. В 1997 г. в рамках Амстердамского договора установленный режим был дополнен введением в качестве приоритетной задачи «общего пространства свободы, безопасности и правосудия». В 2016 г. в связи с массовым наплывом беженцев контроль на границах ужесточили Австрия, Германия, Дания, Швеция, Франция и Норвегия. Ряд восточноевропейских стран возвели заграждения вдоль границ.

Теперь, в условиях заметного спада численности беженцев, председатель Еврокомиссии предлагает «отыграть» ситуацию назад и вновь пойти по пути расширения «открытых границ». При этом на повестке дня остаются прежние задачи: интеграция проживающих на территории Евросоюза иностранцев, повышение эффективности созданной в 2015 г. системы квот на распределение беженцев, а также защита внутренних и особенно внешних границ ЕС. С этой точки зрения, как представляется, послание Ж.-К. Юнкера выглядит неоправданно оптимистичным. Следует учитывать атмосферу неопределённости, существующую вокруг выхода Британии из Евросоюза, и чрезвычайную «подвижность» общей ситуации в Евросоюзе. Об этом прямо и косвенно свидетельствуют замеры разных уровней коллективной идентичности (национальной и общеевропейской) в странах Евросоюза, позволяющие оценить общее «здоровье» Союза – степень доверия населения к его деятельности, состояние дел в миграционной и других сферах.

Идентичность и её «общеевропейское» и «национальное» измерения

Категория идентичности при всех различиях в её трактовках и значениях представляет собой «мимолётный», динамичный конструкт и носит множественный характер, включая национальную, этническую, региональную и другие составляющие. Большинство исследователей солидарны в том, что искусственно создать идентичность – сложная и подчас невыполнимая задача, требующая немалых усилий и большой осторожности. Всё, что связано с самосознанием человека, ощущением его сопричастности к кому-то или чему-то,

также с трудом поддаётся измерению с вычлениением в этой категории устойчивых и динамичных элементов.

Попытки укрепления коллективного самосознания на уровне ЕС в условиях глобализации в ряде европейских стран вызывают обратную реакцию, а именно – усиление центробежных тенденций. Сама наднациональная модель интеграции несла в себе потенциальные угрозы государствам – участникам Европейских сообществ. Свобода передвижения лиц, видевшаяся в начале 1950-х гг. как цель и идеал развития европейских сообществ, стала в 2000-е гг. не только предметом гордости и извлечения выгод, но и вызовом с точки зрения наплыва мигрантов и размывания национальной идентичности.

Термин «общиеевропейская идентичность» появился в начале 1970-х гг. и стал олицетворением усилий, предпринимаемых странами Европейских сообществ по созданию с целью углубления интеграции единой идейно-философской основы. В декабре 1973 г. девять государств поставили свои подписи под Декларацией европейской идентичности (далее Декларация), ставшей знаковым документом на пути создания Единой Европы. Ни в одном из прежних текстов Сообществ не говорилось об общееевропейском самосознании. Создание наднациональных Сообществ было обозначено в Декларации как «базовая потребность Европы», гарантирующая выживание европейской цивилизации. Государства-участники брали на себя обязательства уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса, и гражданские права – то есть всё то, что представляет собой ключевые элементы европейской идентичности.

К 1974 г. категория «европейская идентичность» стала ключевой во французском политическом дискурсе. Тем самым в середине 1970-х гг. было положено начало продолжающихся до сих пор дебатов о сущности понятия «Европа», факторах формирования и укрепления европейского самосознания. Время показало, что воплотить в реальности прописанную на бумаге общую идентичность непросто, и в течение длительного времени документов, подобных Декларации 1973 г., выработано не было. Такое положение дел объяснялось как отголосками нефтяного кризиса начала 1970-х гг., так и трудностями расширения и углубления интеграции.

Упоминание общееевропейского самосознания появилось вновь лишь в Маастрихтском договоре 1992 г. В его разделе, посвящённом Общей внешней политике и политике безопасности, говорилось о необходимости «усиления европейской идентичности». В Амстердамский договор 1997 г. был добавлен параграф об уважении Союзом «национальной самобытности своих государств-членов»², что отражало непростую ситуацию с выработкой идентичности ЕС в

² Амстердамский договор, изменяющий договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты. М., 1999. 191 с. С. 16.

свете расширения Евросоюза на Восток и процессов глобализации. К тому времени сложилось понимание, что попытки сформировать общее самосознание наталкиваются в ряде случаев на сопротивление населения, идентифицирующего себя прежде всего или только со своим национальным государством. Поэтому категория «европейская идентичность» фигурировала в документах ЕС лишь от случая к случаю.

Следующим этапом на пути складывания общеевропейского самосознания стала выработка Конституции Европейского союза, формулировки которой должны были отразить достижения стран-участниц. В проект Договора из Декларации 1973 г. были введены выраженные в принятом накануне девизе «единство в многообразии» понятия о цивилизационном единстве и культурном разнообразии европейских государств. Эти положения до сих пор сохраняют свою актуальность как центральная тема общественно-политического и научного дискурса Евросоюза.

Весной 2005 г. судьба проекта Основного закона оказалась в руках населения стран Евросоюза. В конце мая на референдуме во Франции проект Евроконституции был отклонён. В начале июня аналогичная судьба постигла законопроект в Нидерландах. Этим результатам предшествовала рекордно низкая явка избирателей на выборах в Европарламент в 2004 г., что свидетельствовало о резком спаде интереса населения ЕС к институтам и деятельности организации. Итоги референдумов показали, что не следует недооценивать роль национальной идентичности и национальных государств в осуществлении «проекта европейской интеграции».

В Лиссабонском договоре 2007 г., который заменил провалившийся проект Евроконституции, было подтверждено и расширено положение об уважении национальных идентичностей. Статья 4 в пункте 2 предусматривала соблюдение Союзом равенства стран-участников перед Договорами, уважение «национальной индивидуальности государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местного и регионального самоуправления»³.

Такое двойственное положение дел, когда значимость национального самосознания не отрицается, но при этом осторожно ставится задача формирования и укрепления общеевропейской идентичности, закономерно. В отдельных странах ЕС национальная идентичность выступает не как компонента, а как противовес общему европейскому самосознанию. Речь идёт о таких евроскептиках ЕС как Британия, Греция, некоторые страны ЦВЕ. И, наоборот, в Германии, Франции национальная идентичность выступает как база общеевропейской идентичности, хотя даже в случае этих государств ситуация носит подвижный характер.

³ Договор о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора). [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 27.01.2018).

Взаимосвязь проблем границ и миграции

В настоящее время проблема укрепления общеевропейского самосознания напрямую связана с фактором границ и положением дел в миграционной сфере. Соппротивление национальных государств попыткам Еврокомиссии «привить» общую «наднациональную» идентичность во многом объясняется срабатыванием инстинкта самосохранения – естественной реакции защиты «своего» против «чужого» из опасений размывания национального самосознания на фоне увеличения количества иммигрантов, угроз безопасности и всё большего переноса полномочий государств на уровень ЕС.

В Европейском союзе сложились две большие группы стран, которые с некоторой долей условности можно разделить на тех, кто последовательно поддерживает проект под названием «Европейский союз», и тех, кто выступает с позиции евроскептиков. В первую группу стран правомерно включить ФРГ, Австрию, Швецию и некоторые страны ЦВЕ, во вторую – Великобританию и южные страны Европы.

Однако если в исследовательских целях задать в качестве переменной фактор открытых границ, мы увидим другую картину: Великобритания и страны ЦВЕ выступают против единой миграционной политики ЕС, тогда как ФРГ, Австрия, Швеция и другие страны продолжают продвигать эту идеологию как базовый принцип общеевропейской идентичности.

Попробуем на примере указанных стран ЕС выявить корреляцию фактора границ и проблемы идентичности в её национальном и общеевропейском разрезе. Для этого обратимся к анализу материалов Евробарометра – самой крупной в ЕС социологической службы, которая с начала 1970-х гг. систематически проводит опросы населения под эгидой Европейской комиссии, а также материалам правительственных организаций отдельных стран и неправительственных агентств. Эти документы наравне с использованием новейшей литературы позволяют провести верификацию разных данных, углубленно исследовать рассматриваемые сюжеты и сделать выводы по ключевым направлениям исследования.

Кейсы стран, выступающих «за» общую европейскую идентичность в контексте факторов миграции и границ

Германия считается страной, идентичность которой носит позитивный характер, проявляющийся в предпочтении ценностей собственной национальной общности и, одновременно, высоком уровне толерантности и готовности к активным международным контактам, что в значительной мере соотносится с идеологией Европейского союза.

С исторической точки зрения, с середины XX в. формирование немецкой нации проходило в два этапа: 1945–1990-е гг. и 1990–2010-е гг.

На *первом этапе*, от окончания Второй мировой войны до объединения Германии, изменения происходили под влиянием проблем денацификации, «коллективной вины» за преступления национал-социализма и раздела нации политической границей. В ГДР нацизм был объявлен порождением капиталистической системы, преемственность с опытом германского государства отрицалась, началось строительство «немецкой социалистической нации». В ФРГ 1945 г. стали рассматривать как «год ноль», от которого руководство страны посчитало возможным вести отсчёт новой истории страны. Становление самосознания западных немцев происходило под влиянием активных процессов западноевропейской интеграции, в которых ФРГ с самого начала играла ключевую роль.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование послевоенной идентичности западных немцев, стали научные и политические дискуссии вокруг концепта немецкой нации и её недавнего исторического прошлого [6, с. 60–62; 8], завершающим этапом которых считается разгоревшийся в 1986–1987 гг. «спор историков». Группа консервативных историков во главе с Э. Нольте призывала к идентификации с национальной, а не европейской историей, к историзации⁴ периода Третьего рейха и «нормализации» немецкой национальной идентичности. Противоположную позицию занимали Ю. Хабермас и его сторонники, по мнению которых именно перемещение осознания Катастрофы в центр коллективной идентификации немцев послужило демократизации западногерманской политической культуры и способствовало формированию в стране открытого современного общества. Ю. Хабермас разработал концепцию «конституционного патриотизма» [13, с. 87–88], подразумевающую формирование постнациональной модели идентичности, основанной не на этнокультурных и исторических факторах, а на универсалистских принципах правового государства и ценностях европейской демократии.

Материалы Евробарометра свидетельствуют о формировании в послевоенный период устойчивой европейской идентичности западных немцев. С начала проведения опросов в 1974 г. общественного мнения под эгидой Еврокомиссии, до 1990 г. поддержка западными немцами членства в ЕЭС составляла от 45% до 65%⁵.

Второй этап, начавшийся объединением ГДР и ФРГ, ознаменовался очередным кризисом национального самосознания, обусловленным проблемами консолидации немецкой этнической нации, интеграции иммигрантов и формирования общей гражданской идентичности.

⁴ «Историзация» понималась консервативными историками ФРГ как необходимость оборвать витальную связь немцев с прошлым; ослабить власть прошлого над настоящим и будущим. (Хлебников Б., Асман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. URL: <https://profilib.net/chtenie/48270/boris-khlebnikov-novoe-nedovolstvo-memorialnoy-kulturoy-24.php> (дата обращения: 20 января 2018 г.).

⁵ Standart Eurobarometer 33. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb33/eb33_en.pdf (дата обращения: 20.02.2018). P. 6.

В дискуссии о поиске новой идентичности, которая завязалась в объединённой Германии, чётко определились два подхода: «гражданской нации» (Staatsbürgernation) и «народной нации» (Volksnation). В среде учёных и политиков на западе страны продолжало доминировать теоретическое построение немецкой идентичности как постнациональной, а на востоке важнее было осознание себя частью единого немецкого народа, признание социокультурной и этнической общности с западными немцами [7, с. 95]. Часть историков настаивала на развитии «демократического патриотизма», формировании немецкой нации с твёрдой европейской ориентацией и западными ценностями [23, S. 581].

С середины 2000-х гг. в Германии осуществляется государственная политика, содействующая актуализации национальной идентичности немцев и консолидации немецкой нации [2, с. 52–53; 3, с. 19–20]. Однако «тьма нацистского прошлого» вынуждает современных немецких политиков и учёных крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Процессы «нормализации» национального самосознания немцев происходят под пристальным контролем со стороны как сторонников самоцензуры в Германии, так и мировой общественности [1, с. 121–124].

Поддержка населением процессов европейской интеграции отчасти объясняется лидерскими позициями Германии в ЕС. Приверженность немцев общеевропейским политическим и культурным ценностям демонстрирует усиление европейской составляющей их самосознания при сохранении явно выраженной национальной идентичности. В 1990-е гг. только о национальной идентичности заявляли 49,4% немцев, а доля населения Германии с двойной идентичностью (национальной и европейской с превалированием первой) составляла 37,9%. При этом двойную идентичность с превалированием европейской признавали 7,8% немцев⁶.

В 2000–2017 гг. доля носителей только национальной идентичности в среднем по стране составила 30,8% (от 38% в 2000 гг. до 26% в 2017 г.). О двойной идентичности с превалированием национальной в данный период заявили в среднем 53% жителей Германии (от 46% в 2000 до 56% в 2017 г.). Показатели по двойной идентичности с превалированием европейской несколько увеличились и составили в среднем 10,6%. Число носителей только европейской идентичности остаётся низким, в среднем 3,5% населения (2% в 2014–2017 гг.)⁷.

Эти показатели коррелируют с данными опросов Евробарометра об отношении к членству в ЕС. Начиная с 1991 г. средний показатель позитивного отношения к членству Германии в ЕС держался на отметке 50% и выше. Даже в условиях мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. этот показатель оста-

⁶ Standart Eurobarometer 40-52. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD> (дата обращения: 10.02.2018).

⁷ Standart Eurobarometer 54, 56, 57, 60, 62, 73, 77, 79, 82, 83, 85, 87. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD> (дата обращения: 15-20 February 2018).

вался стабильно высоким – 60%, тогда как в целом по ЕС – 53%⁸. Приведённые данные подтверждаются результатами опроса Вашингтонского Pew Research Center 2012 г., в ходе которого 59% жителей Германии согласились с высказыванием, что европейская интеграция – это благо для страны, и 65% положительно оценили членство Германии в Евросоюзе⁹.

Под воздействием кризисных явлений в немецком обществе усилились дискуссии о мультикультурализме и проблемах интеграции иностранцев, преимущественно мусульманского вероисповедания.

Иностранное население в стране составляет 10 млн чел. (12,2% населения), с миграционным прошлым – 18,5 млн чел. (22,5%). Самую большую группу мусульман образует турецкая диаспора – 1,5 млн чел., с миграционным прошлым – 3 млн чел¹⁰. Согласно исследованию Фонда Фридриха Эберта, в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. доля немцев, испытывающих враждебность к иностранцам, возросла с 21 до 25%; в 2010 г. 34% немцев согласились с утверждением, что иностранцы приезжают в Германию, чтобы наживаться на социальных благах, а 32% – с тем, чтобы депортировать иностранцев на их родину в случае нехватки в стране рабочих мест¹¹.

После заявления в 2010 г. канцлера ФРГ А. Меркель о «провале» политики мультикультурализма, в германском общественно-политическом дискурсе актуализировалась идея «Leitkultur» («культуры титульной нации») [11], сторонники которой считают, что приобщение к немецкой культуре станет эффективным средством интеграции приезжих в общественный организм страны, а успехи этой аккультурации – мерой стабильности германской общественной жизни. На этом фоне с новой силой зазвучали и идеи формирования постнациональной идентичности, модели немецкой нации с её подчёркнутым принципом гражданства и опорой на общеевропейские ценности.

Немцы сохранили свою приверженность Европейскому союзу и в период обострения миграционного кризиса 2015–2016 гг., на фоне усиления негативных настроений в отношении иностранцев. За два кризисных года численность сирийских иммигрантов в Германии увеличилась более чем в шесть раз, достигнув в 2015 г. 370 тыс. чел¹². В 2015 г. 46% немцев определяли иммиграцию как основной вызов Германии; 58% населения выступали против иммиграции из-за пределов ЕС. Каждый пятый немец чувствовал себя лично пострадавшим от

⁸ Standart Eurobarometer 70(2), 72, 73 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index?p=1&instruments=STANDARD> (дата обращения: 20 February 2018).

⁹ Опрос: Немцы – самые популярные европейцы // Deutsche Welle. 01.06.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/опрос-немцы-самые-популярные-европейцы/a-15989434> (дата обращения: 19.02.2018).

¹⁰ DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Ausländische Bevölkerung. Fachserie 1 Reihe 2. 2016. Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus. Fachserie 1 Reihe 2.2.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung.html> (дата обращения: 19.02.2018).

¹¹ Decker O., Weißmann M., Kiess Jo., Brähler E. Die Mitte in der Krise: Rechtsextreme Einstellungen in Deutschland 2010. Bonn: Brandt GmbH Druckerei und Verlag, 2010. 176 S. S. 73, 92.

¹² DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Ausländische Bevölkerung...

последствий иммиграции, это в два раза чаще, чем в остальных странах ЕС. Наряду с этим, 82% немцев (68% европейцев) заявили о поддержке Европейской иммиграционной политики; 43% немцев (36% европейцев) отметили желательность принятия решений в сфере миграции как на европейском, так и на национальном уровне. По данным Евробарометра за 2017 г., уровень поддержки общей Европейской иммиграционной политики немцами сохранился, составив 83% населения (68% по ЕС)¹³.

При этом по итогам выборов 2017 г. третьей по численности партией в Бундестаге стала основанная в 2013 г. консервативная и евроскептическая политическая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ; нем. «Alternative für Deutschland», AfD)¹⁴. Программа АдГ содержит такие положения об ужесточении иммиграционной политики с целью прекращения потока профессионально неквалифицированных иммигрантов, об отказе от политики воссоединения семей беженцев и практики двойного гражданства, о необходимости ограничения исламской религиозной практики, противоречащей либерально-демократическим основам германского общества и др.¹⁵. Рост политического влияния партии свидетельствует о сохраняющихся в немецком обществе антииммиграционных настроениях.

Жители Германии активно выступают за усиление контроля на внешних границах ЕС. В 2016 г. 35% немцев высказались за принятие, предпочтительно на уровне Евросоюза, дополнительных мер по борьбе с нелегальной внешней иммиграцией¹⁶.

Иное отношение наблюдается к внутренним миграциям и границам. В кризисные 2014 г. и 2015 г. о своём позитивном отношении к иммигрантам из стран ЕС заявляли 50% немцев (52% европейцев) и 57% немцев (55% европейцев) соответственно. Право на работу и проживание в любом государстве-члене ЕС положительно оценили 76% немцев (74% и 72% европейцев соответственно)¹⁷. В 2017 г. внутреннюю миграцию в ЕС поддерживали 71% немцев (63% европейцев), право каждого гражданина на проживание и работу в другом государстве ЕС – 84% немцев (76% европейцев) и 79% немцев (72% европейцев) соответственно¹⁸.

¹³ Standard Eurobarometer 84. National Report. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2098>; Standard Eurobarometer 87. Annex. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2142> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁴ Sitzverteilung im 19. Deutschen Bundestag. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundestag.de/parlament/plenum/sitzverteilung_19wp (дата обращения: 19.02.2018).

¹⁵ Unser Programm für Deutschland. Zuwanderung/Asyl. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/zuwanderung-asyl/> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁶ Standard Eurobarometer 86. National Report. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2137> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁷ Standard Eurobarometer 82. ...; Standard Eurobarometer 84. ...

¹⁸ Standard Eurobarometer 87. Annex...; Standard Eurobarometer 88. National Report. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 20.02.2018).

Категория мобильности – это важнейший элемент в представлениях жителей Германии о Евросоюзе, что отчасти можно объяснить влиянием её «инструменталистской» составляющей, основанной на оценке людьми издержек и приобретений от принадлежности к общему европейскому пространству. В 2017 г. за свободное передвижение граждан ЕС высказались 89% немцев (81% европейцев)¹⁹. Возможность проживания в своей стране положительно оценивают 78% немцев и 71% европейцев²⁰. Результаты опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что немцы гораздо позитивнее, чем европейцы в среднем, оценивают членство своей страны в ЕС и его внутреннюю интеграционную политику и, одновременно, выступают за сохранение границ суверенного государства и усиление внешних границ ЕС.

Анализ современной ситуации позволяет предположить продолжение политическим руководством ФРГ (при поддержке интеллектуальной элиты и большинства населения в целом) курса на европейскую интеграцию и укрепление лидерских позиций в Европейском союзе, реализацию политики открытых границ внутри объединения с сохранением позиций национального государства. Растущие опасения немецкого населения перед лицом современных вызовов и угроз способствуют проведению германским руководством политики регулирования миграционных процессов на европейском уровне с точки зрения усиления защиты внешних границ ЕС.

Франция. *Французская национальная идентичность* после Второй мировой войны была связана с решением дилеммы – как удержать колонии и сохранить в преобразованном виде империю и найти себя в роли европейского лидера. Именно Франция инициировала европейский интеграционный проект, хотя в политическом истеблишменте и среди населения страны идеи «отца» европейской интеграции Ж. Монне вызывали сдержанный отклик – до тех пор, пока в 1960-е гг. не произошёл впечатляющий рост экономики стран Общего рынка. Тот политический идеал, к которому стремились Ж. Монне и его соратники, предполагал объединение европейских государств в некое сверхгосударство, внутри которого должно было оформиться осознание европейского единства. Однако подписание в 1973 г. Декларации идентичности не приблизило достижения этого идеала. Франция и другие страны оказались перед неразрешёнными до сих пор вопросами: кого причислять к европейцам, у кого формировать общие ценности, какие последствия повлечёт за собой европейская интеграция для Франции и её национальной идентичности [12, с. 239-240]? Ответить на них стало ещё сложнее с увеличением численности трудовых мигрантов. Ввиду нехватки рабочих рук Франция сознательно поощряла въезд выходцев из своих бывших колоний, чтобы сохранить тесные связи с разлетающимися осколками империи.

¹⁹ Standard Eurobarometer 87. Annex...; Standard Eurobarometer 88. National Report. Germany...; Standard Eurobarometer 88. Factsheets in English. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 20.02.2018).

²⁰ Standard Eurobarometer 87...; Standard Eurobarometer 88 ...

С середины 1970-х гг. обозначился рост неприятия мигрантов в условиях резко ухудшившихся экономических позиций Франции в связи с «нефтяным шоком» 1973–1974 гг. Эти трудности совпали с более активным, чем прежде, выходом на рынок труда женского населения. Хотя потребность в дешёвой рабочей силе из других государств снизилась, численность мигрантов продолжала расти. К началу 1980-х гг. насчитывалось уже 3 млн мусульман. В 1980-е гг. на фоне заметно участвовавших случаев столкновений на почве расовой и религиозной нетерпимости произошло укрепление созданной в 1972 г. праворадикальной партии «Национальный фронт» во главе с Жан-Мари Ле Пеном.

К концу 1980-х гг. «нефранцузские» корни имел каждый пятый житель Франции: хотя бы один из его предков в третьем поколении был иммигрантом [9, с. 189]. Общественная тревога вылилась в принятие закона, направленного на ужесточение процедуры получения французского гражданства, и другие аналогичные меры [10, с. 122]. Как показывают материалы опросов общественного мнения, «наслоения» миграционного характера слабо сказались на общеевропейской идентичности французов. В 1993 г. 65% населения (один из самых высоких показателей среди других стран ЕС) соотносили себя как с национальным государством, так и Евросоюзом²¹. Несмотря на последовавшее снижение этого показателя (в 2002 г. до 52%), Франция оставалась среди стран с наиболее высоким процентом граждан, которые считают себя носителями и национального, и европейского самосознания²².

Внутри страны восприятие иностранцев с другим цветом кожи, иной религией и культурой оставалось сложным. Механизм интеграции мигрантов, утвердившийся во Франции, получил название республиканской модели «жёсткой» ассимиляции. Её истоки восходят к якобинской традиции времён Великой французской революции с установкой на создание светского государства «свободы, равенства и братства». В рамках такой модели, основанной на ассимиляционном подходе, от мигрантов ожидают принятия базовых ценностей французской нации» и их превалирования над этническими, религиозными и культурными особенностями иностранцев [10, с. 122]. В реальности пришлое население демонстрировало настойчивое стремление к сохранению своей идентичности. В 1991 г. 56% французов отметили, что в их стране «слишком много мигрантов»²³. В 1997 г. 69% французов согласились с утверждением о том, что их страна достигла лимита (по принятию иностранцев), и если их будет больше, то возникнут серьёзные проблемы²⁴.

²¹ Standard Eurobarometer 40. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf (дата обращения: 12.02.2018).

²² Standard Eurobarometer 57. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb57/eb57_en.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

²³ Standard Eurobarometer 35. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb35/eb35_en.pdf (дата обращения: 29.01.2018).

²⁴ Standard Eurobarometer Opinion Poll 47.1. Racism and Xenophobia in Europe. December 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_113_en.pdf (дата обращения: 29.01.2018).

Обеспокоенность населения угрозой размывания национальной идентичности нашла отражение при голосовании по проекту Евроконституции весной 2005 г. Данные опросов Евробарометра 2004 г., проведенные накануне референдума и выборов в Европарламент, показывают спад симпатий к Европейскому союзу. Франция оказалась в числе стран, жители которой невысоко оценили выгоду от членства в ЕС: его поддержали только 46% населения страны против 82% в Греции и 80% в Ирландии²⁵. При этом 54% французов разделяли национальную и европейскую идентичность²⁶.

Проект Конституции поддерживали 62% французского электората, и это невысокий показатель по сравнению с другими странами; наиболее сильной поддержка проекта была в Италии (78%), Люксембурге (75%) и Бельгии (72%)²⁷. На референдуме в конце мая 2005 г. проект одобрили только 45% французов. А осенью 2005 г. в стране две недели продолжались массовые беспорядки, ставшие реакцией на гибель двух подростков североафриканского происхождения, пытавшихся скрыться от полиции. Эти события косвенным образом вновь актуализировали вопрос о самой возможности существования европейского сверхгосударства с населением, столь неоднородным по культуре, религии и менталитету.

Во временной динамике поддержка членства страны в Европейском союзе снизилась с 53% в 1981 г. до 48% в 2004 г.²⁸. Хотя этот спад незначителен, он свидетельствует о неуклонном усилении недоверия к Евросоюзу. Что касается свободы передвижения как одной из базовых характеристик общеевропейского самосознания, то в 2004 г. французы высоко оценивали этот пункт: при ответе на вопрос «Что для Вас значит членство в Евросоюзе?» 51% французов назвали именно «свободу передвижения», за ней следовали «евро» – 50% и «мир» – 31%²⁹.

На фоне в целом сдержанного отношения к Евросоюзу и роста антииммигрантских настроений к принципу свободы передвижения французы относятся с прохладным нейтралитетом. Весной 2015 г. в ответах на вопрос «Что вы считаете самым позитивным результатом ЕС?» пункт «свободное перемещение людей, товаров и услуг внутри ЕС» получил во Франции крайне низкую поддержку – 45%, при среднем показателе по ЕС – 28,57%. Меньше, чем во Франции, только в Великобритании – 44%, напротив, высокие показатели в Словакии – 76%, Литве – 73% и Швеции – 72%³⁰.

Такие результаты стали отголоском острой фазы миграционного кризиса 2015–2016 гг. Выходцы из Судана, Сомали, Эфиопии, Афганистана, Пакистана,

²⁵ Standard Eurobarometer. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61_en.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Standard Eurobarometer 83. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb83/eb83_citizen_en.pdf (дата обращения: 02.01.2018).

Ирака, Сирии устремились в наиболее развитые страны ЕС – ФРГ, Францию, Великобританию. Во французском Кале около двух лет существовал лагерь «Джунгли», где десятки тысяч мигрантов ждали возможности перебраться через Ла-Манш. После официального сноса в 2016 г. «Джунглей» и переселения беженцев в другие части Франции иммигранты вновь обосновались на том же месте.

Отражением роста недовольства французов существующим положением вещей стала президентская кампания 2017 г., когда лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен с её напористой антимиграционной и евроскептической риторикой вышла во второй тур президентских выборов, оставив позади социалистов и республиканцев. Несмотря на убедительную победу Эмманюэля Макрона, во втором туре набравшего вдвое больше голосов, чем Ле Пен, выборы продемонстрировали высокую популярность лозунгов правых, что ставит под сомнение проевропейский настрой французов.

С середины прошлого века мусульманское население увеличилось почти в 30 раз: в 1950 г. 230 тыс. мусульман, в 1990-е гг. около 4 млн, а в 2010 г. более 6 млн человек [25]. Согласно данным Pew Research, в середине 2016 г. во Франции насчитывалось 5,7 млн мусульман (8.8% от общей численности населения страны)³¹. Мы приводим оценку неправительственных исследовательских организаций, поскольку французское законодательство запрещает при проведении переписей населения задавать вопросы о расовой и этнической принадлежности. В целом, согласно последним официальным данным, в 2014 г. насчитывалось 5,8 млн иммигрантов и 4,08 млн иностранцев³². Разграничение на иммигрантов и иностранцев объясняется тем, что во Франции демографы называют «иммигрантом» любого, кто родился за границей, но проживает на территории страны; иностранцем является лицо, проживающее во Франции и не имеющее гражданства этой страны.

В опросах общественного мнения, проведённых в 2015 г. агентством Ipsos Mori, семеро из десяти человек указали, что за последние 30 лет иностранцы так и не интегрировались в общество, причём 85% респондентов считали, что сами мигранты не предпринимают необходимых для этого усилий. 63% французов заявили, что ислам несовместим с базовыми ценностями страны, 24% дали аналогичный ответ для иудаизма и 9% для католицизма. 74% опрошенных утверждали, что мусульмане стремятся навязать свои ценности другим. В целом, чуть менее 70% респондентов заявили, что религиозный фундаментализм представляет собой проблему, к которой необходимо относиться серьёзно³³.

³¹ 5 facts about the Muslim population in Europe. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (дата обращения: 22.02.2018).

³² Immigrant and foreign population. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ined.fr/en/everything_about_population/data/france/immigrants-foreigners/immigrants-foreigners/ (дата обращения: 22.02.2018).

³³ From margins to mainstream: the rapid shift in French public opinion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/datablog/2015/jan/08/french-public-opinion-charlie-hebdo-attacks> (дата обращения: 25.01.2018).

Октябрьский опрос 2017 г.³⁴ свидетельствует о том, что большинство французов обеспокоены потерей идентичности (59%), экономическими последствиями глобализации (58%) и риском терроризма (53%). 85% опрошенных считают, что иммиграция во Францию значительно возросла в последние годы. 56% считают её влияние на французское общество негативным (23% ответили, что влияет «очень негативно») и только 16% – позитивным. 38% респондентов согласны с утверждением, что ислам и французское общество несовместимы.

Углубление противоречий внутри французского общества по иммиграционному вопросу и падение доверия населения к базовым принципам и деятельности ЕС, включая скептическое отношение к «открытым границам», доказывают неэффективность республиканской модели ассимиляции и крах мультикультурной идеологии. Даже при поправках на роль Франции как одного из лидеров интеграции, существующие трудности в средне- и долгосрочной перспективе будут ослаблять идентификацию населения страны с Евросоюзом и его ценностями.

Австрия. *Австрийская национальная идентичность* формировалась в особых условиях, за сто лет проделав путь от «государства, которое никому не было нужно» и «карликового придатка Германии»³⁵ до новой нации, вписанной в общеевропейский контекст [17, S. 43]. Активное становление австрийской идентичности началось лишь в 1918 г., когда большая часть современной территории страны обрела статус независимой республики, став одним из осколков некогда могущественной Австро-Венгерской империи под названием «Немецкая Австрия» (*Deutschösterreich*). После Первой мировой войны в стране царили прогерманские настроения, сменившиеся на противоположные после поражения нацистской Германии во Второй мировой войне. «Одной из первых жертв» гитлеровской Германии называли союзники Австрию, освободив страну от ярлыка «соучастницы» преступлений, совершённых сторонниками гитлеровского режима, и включения Австрии в состав нового рейха [26, S. 384].

Впервые об австрийской идентичности активно заговорили в 1950–1960-е гг., после того как страна вновь обрела независимость. Именно тогда были сформированы и заново осмыслены основные составляющие австрийской идентичности: нейтралитет, социальное партнёрство, культурно-историческое наследие (спорт, природа, наука и пр.), пространственно-территориальная составляющая, принадлежность к западной системе ценностей. В тот период формируется ещё одна важная черта австрийской идентичности: «Историческая ответственность за содеянное во Второй мировой войне или наоборот – синдром жертвы» (*Opfer- oder Mitverantwortungsthese*). Её суть заключается в эволюции австрийского самосознания от жертвы к соучастнику военных преступлений.

³⁴ Attitudes Towards Refugees, Immigrants and Identity in France: More in Common [Электронный ресурс]. URL: <http://www.6degreesto.com/article/attitudes-toward-refugees-immigrants-identity-france-common/> (дата обращения: 25.01.2018).

³⁵ Bauer O. «Acht Monate auswärtiger Politik». Eine Rede vom 29 Juli 1919 in Wien. URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11128183_00006.html (дата обращения: 18.01.2018).

Ответственность последующих поколений за деяния предков была одной из важных тем в австрийском и немецком обществах в послевоенный период, что отражалось в социальной и культурной жизни обеих стран. Однако эта концепция укоренилась в австрийском сознании лишь в начале 2000-х гг.

Ещё одной составной частью национальной идентичности австрийцев стало принятие концепции «страна иммигрантов против собственной воли» (Asyl- und Einwanderungsland wider Willen), суть которой заключается в готовности принять в общество иностранных граждан и быть страной, предоставляющей убежище нуждающимся. Сегодня это определяется не только как область внешней политики страны (мнения о ней давно разделились), но и является средством самоидентификации австрийского населения [29, S. 415–435], о чём наглядно свидетельствуют результаты опросов населения. Согласно последним данным, на сегодняшний день 15,3% населения страны – иммигранты³⁶, 21% граждан Австрии – люди с «иммигрантским прошлым» (*Staatsbürger mit Migrationshintergrund*)³⁷, т.е. в общей сложности 36,3% населения страны является «некоренным». В среде мигрантов и граждан с иммигрантским прошлым подавляющее большинство респондентов расценивают Австрию как свою родину (70%) и лишь 8% определяют родину по месту своего рождения называют родной страной своего недавнего пребывания³⁸.

Становление национальной идентичности жителей Австрии началось в середине прошлого века. Официальные социологические исследования наглядно демонстрируют, как менялось отношение австрийских граждан к своей стране: в 1956 г. 49% опрошенных считали себя частью австрийской нации, а 46% отнесли себя к немецкому народу. Следующий опрос, проведённый в 1964 г., содержал не только пункт «Являются ли австрийцы единой нацией?», но и несколько вариантов: «Австрийцы начинают становиться единой нацией» и «Австрийцы не являются единой нацией». В итоге на первый вопрос положительно ответили 47% респондентов, а на второй – 23% [30, S. 60].

Данные результаты были во многом связаны с быстрым послевоенным восстановлением австрийской экономики, а также с оккупацией страны. Этот временной отрезок исследователи С. Трибутш и П. Ульрам определили как первую фазу становления австрийской идентичности. Начало второй фазы – с рубежа 1960–1970 гг. вплоть до вступления страны в Европейский союз. В этот период 2/5 населения определяли себя как часть одной нации, что было связано с высокими «политическими, экономическими и социальными достижениями, а также высокой долей уверенности в их будущем стабильном развитии»³⁹.

³⁶ Anteil der Ausländer an der Bevölkerung in Österreich von 2007 bis 2017. // Statista – das Statistik-Portal: [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/293102/umfrage/auslaenderanteil-in-oesterreich/> (дата обращения: 18.01.2018).

³⁷ 1,8 Millionen Menschen mit Migrationshintergrund in Österreich. // Die Presse. [Электронный ресурс]. URL: <https://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/5068482/18-Millionen-Menschen-mit-Migrationshintergrund-in-Oesterreich> (дата обращения: 18.01.2018).

³⁸ Identität & Österreich-bewusstsein. Aktuelles zu Migration und Integration. Wien, 2014. S. 2.

³⁹ Ibid.

Подача заявки (1989 г.) и последовавшее вступление (1995 г.) в Европейский союз вновь заставили австрийскую общественность обратиться к проблеме идентичности. К тому моменту в стране уже сформировалось национальное самосознание: австрийцы стали ощущать себя комфортно в собственной деревне, части города и стране. Новые поколения ощущают себя частью австрийской нации, появляется «австрийское *мы*», а также понимание отличности и общности с соседними государствами, такими как Венгрия, Чехия, Германия и отчасти Швейцария.

Долгая подготовка к вступлению страны в Европейский союз завершилась народным референдумом в 1994 г. Подготовка референдума проходила под лозунгом «Мы – Европа» (*Wir sind Europa*), который должен был знаменовать вступление в новую эпоху сплава европейской и австрийской идентичностей. Незамедлительно встал вопрос о путях сохранения недавно обретенной национальной идентичности, когда национальные институты вынуждены передавать часть своих властных и законодательных полномочий структурам Европейского союза [4, с. 109].

Вопреки опасениям политической элиты и гражданского общества, страна успешно интегрировалась в структуры Европейского союза, что отразилось, в частности, и на общественном мнении австрийцев. Ежегодные отчеты Европейской Комиссии с момента вступления Австрии в Сообщество наглядно демонстрировали тенденцию к сближению двух идентичностей. Если в 1995 г. о вступлении страны в ЕС высказались положительно только 64% респондентов (27% «категорически против»), то уже через пять лет первая цифра выросла до 69%⁴⁰.

Через десять лет после вступления страны в Сообщество 66% опрошенных чувствовали себя не только австрийцами (97%), но и европейцами, а в гражданском обществе появились новые маркеры европейской идентичности. В частности, большой процент опрошенных полагали, что на общеевропейском уровне нужно бороться с безработицей (53% респондентов), с преступностью (32%), бедностью и социальным неравенством (45%)⁴¹. Тем не менее, сохранение австрийской идентичности всё ещё было важным. На протяжении первых десяти лет пребывания в ЕС против идеологии европейской идентичности в парламенте активно выступали сторонники ультраправой Австрийской партии свободы (АПС). В частности, после расширения ЕС на Восток в 2004 г. эта партия развернула в обществе дебаты по вопросам «Кто мы?» и «Кто наш друг/враг?»⁴².

Мировой финансовый кризис и кризис еврозоны 2008 г. также изменили баланс двух идентичностей в пользу национальной. Ухудшение экономической ситуации отразилось на настроении австрийцев. В 2007 г. 83% опрошенных схо-

⁴⁰ Standart-Europabarometer 43 [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1417> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴¹ Standart-Europabarometer 53. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1407> (дата обращения: 24.01.2018).

⁴² Ignazi P. Extreme right-wing parties in Western Europe. Oxford, 2003.

дились во мнении, что экономика Австрии стабильна⁴³, однако через год эта цифра опустилась до 72%⁴⁴, а в 2009 г. – даже до 36%⁴⁵. В том же году ежегодные общеевропейские исследования показали, что 95% опрошенных чувствуют себя австрийцами, из которых 78% считают себя также и европейцами. Несмотря на «миграционное цунами» в связи с кризисом беженцев 2015-2016 гг. и стабильный рост правых настроений до 60% населения страны придерживаются мнения о том, что вступление и участие в ЕС – это правильные решения [4, с. 110].

Миграционный кризис наглядно продемонстрировал раскол австрийского общества на два лагеря. К первому принадлежат «австрийцы, которые не считают проблемы миграции ключевыми для развития общества». В 2017 г. 36,5% опрошенных заявили, что миграционная и интеграционная политика правительства функционирует «очень хорошо» или «скорее хорошо», а 63,5% – «скорее плохо» или «очень плохо»⁴⁶. Следует заметить, что в 2010 г. большинство опрошенных (69%) давали негативную оценку миграционной и интеграционной политике государства, но в 2014 г. благодаря активным действиям правительства этот показатель снизился до 51%⁴⁷. Годом позже, на пике миграционного кризиса, эта отметка вновь достигла 60%, несколько снизившись в 2016 г.⁴⁸

Можно заметить, что, несмотря на недовольство проблемами, вызванными «миграционным цунами», большая часть опрошенных положительно оценили членство Австрии в Европейском союзе. Тем не менее, в обществе с каждым годом крепки антииммиграционные настроения. В 2017 г. по итогам парламентских выборов к власти пришла правая коалиция в составе Австрийской народной партии и Австрийской партии свободы, набравшими соответственно 31,4% и 27,4% голосов. Во главе правительства сегодня находится лидер народников С. Курц, который ранее отвечал за работу в стране интеграционных и миграционных институтов.

В целом, в обществе сохраняется устойчивая приверженность «австрийскому европеизму». Свобода передвижения по территории ЕС, возможность работать и учиться за пределами Австрии по-прежнему остаются главными плюсами членства в Евросоюзе. В то же время последние данные Еврокомиссии демонстрируют серьёзную обеспокоенность граждан Австрии последствиями острой фазы миграционного кризиса. Следствием этого стали не только правые настроения (порой ультраправые), но и желание ужесточить контроль над

⁴³ Standart-Europabarometer 68. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD&surveyKy=664> (дата обращения: 29.01.2018).

⁴⁴ Standart-Europabarometer 70. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/832> (дата обращения: 25.01.2018).

⁴⁵ Standart-Europabarometer 71. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD&surveyKy=829> (дата обращения: 30.01.2018).

⁴⁶ Statistik Austria. Kommission für Migrations- und Integrationsforschung der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Migration & Integration. Zahlen, Daten, Indikatoren. Wien, 2017. S. 92.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

границами государства (53% в 2015 г. и 50% в 2016 г.), а также обеспокоенность криминогенной обстановкой, обострение которой половина австрийцев (46% в 2015 г. и 50% в 2016 г.) связывают именно с притоком беженцев и трудовых мигрантов. Такие данные свидетельствуют о подвижности ситуации, особенно в контексте восприятия принципов свободной мобильности и ослабленных внешних границ Евросоюза.

Швеция. Формирование *шведской национальной идентичности* проходило без глубинных потрясений. Современные культурные идеалы и коллективная идентичность народа вписаны в контекст базовых принципов шведской политики с 1930-х гг., когда на территории страны сформировалось государство всеобщего благоденствия, в основе которого лежит концептуальная модель «дом для народа» (*folkhemmet*) [28, p. 126]. Первым и основным лозунгом этой модели, разработанной Социал-демократической партией Швеции, стало обеспечение населения доступным жильём, вторым – преобразование Швеции в «дом», где царят равенство и взаимопонимание [27].

Таким образом, ещё до начала Второй мировой войны в стране сформировался один из важнейших критериев шведской идентичности: государство и народ рассматривают равенство и сотрудничество в политическом контексте, опираясь на доверие государственным учреждениям со стороны гражданского общества. Изначально политический лозунг «Швеция – дом для народа», предполагающий стремление к политическому, культурному и экономическому прогрессу общества, стал базовым принципом существования нации.

Заметное укрепление шведской идентичности в рамках концепции «дом для народа» произошло в период экономической стабильности и процветания 1960-х гг. В дополнение к популярным идеям нейтралитета и процветания, в сознании нации закрепились ещё одна черта шведской идентичности – способность и желание помогать слабым и нуждающимся. Тогда речь шла об оказании помощи европейским государствам в послевоенном восстановлении. В шведское самосознание вошла вера в свою страну как «великую европейскую державу», которая вносит посильный вклад в разрешение международных проблем [19, p. 87]. Концепт, исчезнувший из шведской идентичности вслед за падением великодержавной Швеции XVII–XVIII вв., вновь стал одним из центральных.

В 1975 г. Швеция на законодательном уровне закрепила свою приверженность политике мультикультурализма, принципам равенства качества жизни населения, культурной свободы и солидарности между меньшинствами и большинством [15, p. 199–211]. Соответствующая перестройка общественного сознания отразилась на правах неграждан: они получили права на участие в выборах (после трёх лет постоянного проживания на территории Швеции), посещение языковых курсов, а также на финансовую помощь государства и общественных организаций с последующим правом на принятие шведского гражданства [14, p. 36].

Вступление в Евросоюз (1995 г.) не стало серьёзным испытанием для национальной идентичности. Согласно опросам общественного мнения⁴⁹, на момент вступления страны в ЕС 56% шведов определяли себя в контексте своей национальности, а из остальных 2% чувствовали себя «только европейцами», 5% заявили, что прежде всего они граждане Европы, а уже потом Швеции. Остальные 36% считали себя шведами, вписанными в общеевропейский контекст. Через два года, на фоне институциональных изменений Амстердамского договора и подготовки к введению в обращение евро, цифры мало изменились: 57% «шведов», 2% «европейцев», 4% «европейцев и шведов» и 35% «шведов и европейцев»⁵⁰.

На протяжении первого десятилетия пребывания в Евросоюзе отношение к нему в Швеции оставалось стабильно положительным. Так, в 2005 г. 53% населения страны определяли себя «шведами и европейцами» – это на 8% больше, чем в 2004 г., и на 16% больше, чем в 2003 г. С другой стороны, 46% респондентов (48% в 2004 г. и 57% в 2003 г.) выразили мнение, что они не являются частью Европы, заняв по этому показателю второе место в ЕС после Великобритании, где 2/3 населения «никогда не считали себя европейцами»⁵¹.

Одному из первых испытаний шведская идентичность подверглась через пять лет, под воздействием миграционного кризиса. Несмотря на то, что большую часть своей современной истории Швеция была страной иммигрантов, кризис вскоре отразился на настроениях в обществе. Возникла полемика по поводу так называемого «шведского начала» (*Shwedishness*)⁵², превратившаяся в один из главных постулатов актуальной шведской внутренней и внешней политики, а также заставила людей говорить о «защите нации», что в свою очередь уже привело к заметному росту радикальных настроений в обществе.

В 2015 г. Брюссель не смог достичь согласия с государствами-членами относительно квот для приёма беженцев из Сирии, Ирака, Сомали, Эритреи и других стран. Это не только осложнило обстановку внутри Европейского союза, но и взвалило тяжёлое бремя на Германию и Швецию – две страны, которые выразили желание предоставить территории своих государств беженцам. Однако если для Германии подобный сценарий оказался проблемным лишь отчасти (например, события в Кёльне в новогоднюю ночь 2016 г., когда беженцы устроили беспорядки в центре города, то для Швеции с населением в 9,9 млн человек подобное развитие событий стало подлинным потрясением. Если в 2009 г. поло-

⁴⁹ Standart-Europabarometer 43. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1417> (дата обращения: 02.01.2018).

⁵⁰ Standart-Europabarometer 47. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1413> (дата обращения: 11.01.2018).

⁵¹ Standart-Eurobarometer 64. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/833> (дата обращения: 17.01.2018).

⁵² Nationalism, Identity and Public policy in Sweden: Pursuing an Elusive national identity. [Электронный ресурс] // Inquiries. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1645/nationalism-identity-and-public-policy-in-sweden-pursuing-an-elusive-national-identity> (дата обращения: 22.01.2018).

жильное миграционное сальдо страны составляло 50 тыс. чел., то спустя пять лет эта цифра выросла до 80 тыс. чел. в месяц⁵³.

Большое количество беженцев и нежелание многих из них включиться в программы интеграции способствовали росту правых настроений. Так, в октябре 2015 г. в городе Тролльхеттан 21-летний Антон Лундин Петерсон, руководствуясь расистскими мотивами, ранил в местной школе двоих человек и убил троих. За этим преступлением последовал всплеск правых и радикальных настроений в молодёжной среде, участились акты вандализма, направленные на синагоги, мечети и приюты для беженцев. Тем не менее, в 2017 г. 76% опрошенных шведов по-прежнему считали себя гражданами Европейского союза и поддерживали его политику. Более того, миграционная ситуация в ЕС вызывала опасения лишь у 27% респондентов, тогда как 52% против 37% опрошенных сходились во мнении, что европейские институты заслуживают доверия⁵⁴.

Таким образом, можно констатировать, что шведская национальная идентичность уверенно сосуществует с общеевропейской идентичностью, а уровень доверия «Европе» остаётся высоким (6-е место после Литвы, Болгарии, Люксембурга и Бельгии)⁵⁵. Политика открытых границ в Европе не вызывает острых противоречий в обществе, и более того, 40% респондентов считают её способной найти решения различных вопросов, важных для всех участников ЕС⁵⁶.

Кейсы стран, население которых занимает евроскептическую позицию в отношении общей европейской идентичности в контексте факторов миграции и границ

В отношении принципа открытых границ **Великобритания и ряд стран ЦВЕ** демонстрируют двойственный подход: с одной стороны, они выступают (насколько возможно говорить о Британии в настоящем времени) за свободу передвижения своих граждан по территории Евросоюза, с другой – отрицательно относятся к системе квот на беженцев и в целом к миграционной политике Брюсселя.

Ситуация в **Великобритании** представляет значительный интерес не только в связи с выходом страны из Европейского союза, но также в силу того, что Лондон оказывает заметное влияние на позицию и внешнеполитическую идентичность восточноевропейских стран, взявших в постсоциалистический период ориентацию на англосаксонские страны.

⁵³ Regeringen Föreslår Åtgärder för att Skapa Andrum för Svenskt Flyktingmottagande. // Regeringskansliet 2015: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regeringen.se/artiklar/2015/11/regeringen-foreslar-atgarder-for-att-skapa-andrum-for-svenskt-flyktingmottagande/> (дата обращения: 22.01.2018).

⁵⁴ Standard-Europabarometer 88. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 15.01.2018).

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Standard-Europabarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2130> (дата обращения: 17.01.2018).

Долгое время национальная идентичность Соединённого Королевства конструировалась на базе имперских представлений: население страны ощущало себя не только частью своего государства, но и важнейшим элементом Британской империи. После Второй мировой войны в условиях процессов деколонизации наметился кризис имперской идентичности. Несмотря на попытки британского руководства трансформировать империю в Содружество наций, расставание с колониальными владениями было длительным и сложным процессом. В 1950-е гг. Великобритания, всё ещё мыслившая глобальными категориями, отказалась вступить в переговоры о присоединении к европейской интеграции ввиду категорического неприятия идеи передачи части государственного суверенитета на наднациональный уровень и нежеланием замыкаться на европейских делах.

В 1962 г. Д. Ачесон, к тому времени бывший госсекретарь США, заявил: «Великобритания потеряла империю, но так и не нашла своей роли в мире»⁵⁷. За год до этого, в 1961 г., британское руководство во главе с премьер-министром Г. Макмилланом приняло решение подать заявку на вступление в Европейские сообщества. Однако эта и следующая заявки были отклонены из-за вето, наложенного президентом Франции Ш. де Голлем. Анализ первых попыток Британии вступить в Европейские сообщества демонстрирует, что и сама страна не была готова жертвовать ни частью своего суверенитета, ни экономическими преференциями с бывшими колониями. Тем временем на фоне ускоренных темпов деколонизации в 1960-е гг. в Великобритании продолжал углубляться кризис имперской идентичности.

В 1973 г. Великобритания стала полноправным членом наднациональных структур, хотя «Единая Европа» по определению не могла стать адекватной заменой империи с её глобальными возможностями. Не случайно с самого начала пребывания в интеграционном объединении национальная идентичность Британии стала укрепляться не как компонента, а как противовес общеевропейскому самосознанию. Углублению противоречий способствовал выход в актуальную повестку внешней политики Британии миграционной проблематики и широкое распространение евроскептических настроений.

Евроскептицизм, зародившийся в Британии в 1950-е гг. как реакция на наднациональную модель интеграции, стал базовым элементом британского национального и общеевропейского самосознания. В широком значении термин «евроскептицизм» подразумевает критическое отношение к институтам и деятельности ЕС. Евроскептики считают, что углубление интеграции ведёт к утрате национальной идентичности и государственного суверенитета при одновременном укреплении неэффективных бюрократических структур ЕС.

Как показали итоги референдума 23 июня 2016 г., евроскептические настроения распространены в основном в Англии и Уэльсе, между тем как в Шотлан-

⁵⁷ Britain has spent 50 years hunting in vain for its role. Change the question. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/jul/14/britain-world-role-foreign-policy> (дата обращения: 28.02.2018).

дии и Северной Ирландии больше сторонников евроинтеграции⁵⁸. В сущности, само понятие «британскость» носит весьма условный характер. В стране ярко выражена региональная идентичность, внутри которой также наблюдаются сложные идентификационные процессы. Анализируя британскую идентичность на примере отдельных регионов, Д.Н. Караваева поставила под вопрос существование единой региональной идентичности и пришла к выводу о том, что можно вести речь «о множестве североанглийских идентичностей» [5, с. 264].

На традиционную национальную и региональную идентичность – восприятие англичанами, шотландцами, ирландцами и валлийцами самих себя и себя как британцев или как жителей бывшей *Rex Britannica* – уже более полувека накладываются новые измерения, связанные с мигрантами. В 1950-е гг. Великобритания превратилась из страны эмиграции в страну иммиграции. Поэтому исследователи склонны описывать «британскость» как нечёткое понятие, которое применяется к разным типам национальной идентичности [18].

До референдума в мае 2016 г. иммиграция занимала первое место среди наиболее значимых для населения Британии проблем – 38%, за ней следовали Национальная служба здравоохранения (33%), Европейский союз (28%), экономика (23%) и образование (18%)⁵⁹. После референдума, в октябре того же года, миграция вызывала тревогу уже 42% населения Туманного Альбиона⁶⁰. Симптоматично, что чувство национальной идентичности сильнее всего фиксируется у той части населения, которая в максимальной степени обеспокоена последствиями иммиграции и свободного передвижения людей внутри ЕС⁶¹.

Мобильность без границ воспринимается населением Британии двояко: наплыв иммигрантов из бедных стран ЦВЕ не приветствуется, в то время как возможность свободно получить работу в других странах ЕС 76% британцев в 2014 г. назвали «очень важной» (для сравнения, в 1997 г. 67%)⁶². Отношение населения к базовому принципу интеграции – свободному перемещению людей, товаров, капиталов и услуг – остаётся на стабильно низком уровне: по данным Евробарометра, весной 2016 г. только 44% населения обозначило этот пункт как наиболее позитивный результат деятельности ЕС⁶³.

В последние годы на проблему свободного передвижения людей внутри ЕС наслонился кризис беженцев. В июне 2016 г. недовольство населения миграцион-

⁵⁸ Brexit: All you need to know about the UK leaving the EU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887> (дата обращения: 23.01.2018).

⁵⁹ A month away from the EU referendum, concern about the EU remains in third place. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3736/Economist-Ipsos-MORI-May-2016-Issues-Index.aspx> (дата обращения: 03.11.2017).

⁶⁰ New global poll finds Britons most worried about immigration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3791/New-global-poll-finds-Britons-most-worried-about-immigration.aspx> (дата обращения: 10.01.2018).

⁶¹ Britain and Europe: Are We all Eurosceptics now? British Social Attitudes 32. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/38975/bsa32_eu.pdf (дата обращения: 11.02.2018).

⁶² Ibid.

⁶³ Standard Eurobarometer 85 [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf) P.9. (дата обращения: 12.01.2017).

ной политикой Евросоюза отмечалось не только в Соединённом Королевстве, но также в других странах ЕС. Подавляющее большинство жителей Евросоюза не одобрили меры, которыми Брюссель отреагировал на беспрецедентный со времён Второй мировой войны наплыв беженцев. Выше всего процент недовольных среди греков (94%), шведов (88%) и итальянцев (77%). Наибольшее одобрение решений Брюсселя по преодолению миграционного кризиса было зафиксировано в Нидерландах, но и в этой стране поддержка составила только 31%. Борьба с экономическими трудностями стала ещё одним источником недовольства населения. Около 92% греков посчитали, как ЕС неудовлетворительно справляется с продолжающимся экономическим кризисом, также как 68% итальянцев, 66% французов, 65% испанцев, 59% шведов и 55% британцев. Среди тех, кто одобрил экономическую политику Брюсселя – Польша и Германия (47%)⁶⁴.

Итоги британского референдума оказали на евроскептиков отрезвляющее действие. В марте 2017 г. вице-президент Европейской комиссии Ю. Катайнен в интервью газете «Гардиан» заявил о том, что «возрастающий евроскептицизм ... представляет собой экзистенциальную угрозу для ЕС, однако решение Великобритании покинуть страну остановило некоторых политических лидеров от продолжения нападков на блок»⁶⁵.

Хотя следовать британскому выбору ни одна из стран Евросоюза не торопится, евроскептицизм всё ещё популярен, особенно в условиях нестабильности традиционных партийно-политических систем. Исследование, проведённое в марте–апреле 2017 г. американской неправительственной организацией Pew Research Center во Франции, Германии, Греции, Венгрии, Италии, Нидерландах, Польше, Испании и Швеции, показало, что подавляющая часть населения указанных стран приветствуют идею провести референдум о членстве своей страны в ЕС. Однако численность сторонников выхода своего государства из Евросоюза незначительна: 13% в Испании, 22% во Франции, 36% в Греции (самый высокий уровень)⁶⁶. Этот вывод подтвердили исследования, проведённые экспертами лондонского Кингс колледж в 2015 г. и 2017 г.⁶⁷. Эксперты пришли к выводу о том, что кризис еврозоны, миграционный кризис и Брекзит по-разному сказались на евроскептицизме европейских политиков⁶⁸.

Референдум об участии в Евросоюзе подтвердил, что британское общество расколото наполовину: перевес голосов сторонников Брекзита был минимален – 51,9% против 48,1%. Такая незначительная разница делает выход страны из Ев-

⁶⁴ Euroscepticism beyond Brexit. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/06/07/euroscepticism-beyond-brexit/> (дата обращения: 22.12.2017).

⁶⁵ Rising Euroscepticism "poses existential threat to EU". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/03/brexit-has-put-other-leaders-off-wanting-to-leave-says-ec-vice-president> (дата обращения: 05.01.2018).

⁶⁶ Post-Brexit, Europeans More Favourable Toward EU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/06/15/post-brexit-europeans-more-favorable-toward-eu/> (дата обращения: 18.01.2018).

⁶⁷ How has Brexit effected party euroscepticism across Europe? [Электронный ресурс]. URL: <http://ukandeu.ac.uk/how-has-brexit-effected-party-euroscepticism-across-europe/> (дата обращения: 13.01.2018).

⁶⁸ Ibid.

ропейского союза не вполне убедительным, поскольку для половины населения страны европейская идентичность остаётся частью национального самосознания. В этих условиях вновь уместна характеристика Д. Ачесона. Великобритании предстоит не только приспособиться к постэсовским реалиям в торгово-экономической, политической, социальной, миграционной сферах, но и заново переосмыслить свою роль и своё место в мире.

Польша и Венгрия. Отдельного рассмотрения заслуживает отношение граждан некоторых стран ЦВЕ к своей национальной и европейской идентичности. В настоящее время эти государства столкнулись с рядом серьёзных экономических, политических и социальных вызовов. Кроме того, для них по-прежнему характерны недостаток демократического опыта, слабость гражданского общества и желание видеть во главе государства сильного лидера, что зачастую обуславливает специфику формирования национальной идентичности [16]. Однако это не значит, что актуальные особенности политического развития стран ЦВЕ представляют собой исключительное явление в Евросоюзе. Например, в своём отказе жертвовать суверенностью во имя идей мультикультурализма Венгрия похожа на Великобританию.

Национальная идентичность **Венгрии** закладывалась в условиях распада Австро-Венгерской империи. У венгров сформировалась историческая память об особом положении своей территории в Европе на протяжении многих сотен лет, когда страна была важным участником политических и экономических процессов. Последствия Трианонского договора (1921 г.), по условиям которого Венгрия лишилась 72% территории и 64% населения, заронили в национальное сознание идеи реваншизма и ирредентизма, подтолкнув страну к вступлению во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. Поражение в войне и последующее вхождение в состав социалистического блока также сохранили в национальном самосознании ощущение, что Венгрия переместилась на обочину европейской политики. Поэтому для большинства жителей страны вступление в Евросоюз ассоциировалось с возвращением страны на подобающее место в европейской и мировой политике. Общество тем охотнее включилось в процесс европейской интеграции, что вступление в ЕС открывало доступ к новым благам⁶⁹.

Во время перехода страны «на новые рельсы» Венгрия показала значительные успехи в проведении административных реформ и децентрализации власти внутри страны. В обществе усилилось чувство значимости в связи с возможностью оказывать влияние на европейскую политику; был провозглашён тезис о гармоничном сосуществовании двух идентичностей – венгерской и европейской⁷⁰.

⁶⁹ European Commission: Survey of national identity and deep-seated attitudes towards European integration in the Ten Applicant Countries of Central and Eastern Europe // Working paper, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pedz.uni-mannheim.de/daten/edz-mr/pbs/00/survey_of_national_identity.pdf (дата обращения: 13.02.2018).

⁷⁰ Ibid.

Позитивное отношение венгров к вступлению в Европейский союз наглядно демонстрировали результаты ежегодных социологических опросов Еврокомиссии. По данным за 2004 г., 45% респондентов восприняли вступление в ЕС позитивно и только 15% – негативно. С бóльшим энтузиазмом к вступлению в Евросоюз отнеслись только жители Словакии (46% и 9% соответственно), тогда как в ЕС–15 средний результат был равен 48% и 17% соответственно. 58% венгров ожидали, что членство в Европейском союзе принесёт Венгрии ощутимую пользу, причём особенно ценным достижением 56% участников опроса назвали возможность свободного передвижения в рамках ЕС⁷¹.

Эта оптимистичная картина несколько потускнела после того, как Венгрия столкнулась сначала с негативными явлениями в своей внутренней политике (2006 г.), а затем испытала на себе последствия мирового финансового кризиса (2008 г.). После победы социалистов на парламентских выборах бывший премьер-министр страны Ф. Дьюрчань признался, что Венгерская социалистическая партия в ходе предвыборной борьбы оперировала заведомо ложными статистическими данными по экономике. Наряду с обвинениями Ф. Дьюрчана в финансовых махинациях и отмывании денег это сообщение вызвало в стране серьезное возмущение во всех слоях общества. Наметился рост недоверия к государственным институтам власти со стороны населения, позитивное отношение венгров к ЕС заметно ослабло (только 31% венгров оценили участие в ЕС как «положительное»)⁷².

Отношение венгров к Европейскому союзу стало меняться в положительную сторону после кризиса 2008 г. В 2009 г. к членству в союзе положительно относились 34%, в 2010 г. – уже 38%. В дальнейшем позитивное отношение к участию в евроинтеграции окрепло⁷³, тогда как демократические преобразования национального правительства воспринимались всё критичнее: в 2010 г. лишь 35% респондентов положительно оценивали внутреннюю политику. Тем самым обнажилась ключевая проблема соотношения европейской и национальной идентичности. В последние годы конфликтность между двумя типами самосознания нарастает, однако последствия этой конфликтности наблюдаются в первую очередь на политической арене и практически не подтверждаются данными, предоставляемыми институтами Европейского Союза. Речь идет о том, что рост недоверия к национальным институтам власти не отражается на росте доверия к европейским наднациональным институтам и общему желанию большинства венгров к нахождению в составе Союза.

С началом европейского миграционного кризиса (2010 г.) Венгрия, подобно Италии, Хорватии и Греции превратилась в одну из «остановок» на пути бе-

⁷¹ Standart-Europabarometer 47. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1413> (дата обращения: 23.01.2018).

⁷² Standart-Europabarometer 70. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/832> (дата обращения: 16.01.2018).

⁷³ Standart-Europabarometer 75. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1019> (дата обращения: 10.02.2018).

женцев в Германию, Данию и Швецию. Принятие нового регламента Дублинских соглашений в 2013 г. осложнило регулицию миграционных потоков. Согласно новому регламенту, иммигранты должны были подавать заявление на предоставление убежища в той стране, где они пересекли границу ЕС. Перед Венгрией встала острейшая проблема нелегальной миграции: беженцы игнорировали требование о подаче заявления на предоставление убежища в Венгрии. Минувя пограничный контроль, они переходили на нелегальное положение и либо оседали в Венгрии, либо перебирались в другие европейские страны. Ситуация осложнялась увеличением численности мигрантов: по данным венгерских властей, в 2015 г. венгерскую границу нелегально пересекли почти 400 тыс. чел. – в десять раз больше, чем годом ранее. Более 170 тыс. чел. подали прошения о предоставлении убежища, однако большинство использовали период рассмотрения документов для упрощения переезда в Германию, Австрию, Швецию и другие европейские страны⁷⁴. Согласно данным Евростата, в 2015 г. Венгрия приняла больше прошений о предоставлении убежища, чем любое другое государство ЕС [24, p. 11]. Отсутствие опыта по регуляции больших миграционных потоков, а также навыков коммуникации с массами иммигрантов стали для венгерского правительства настоящим шоком. В сложившихся условиях руководство страны прибегло к активной антииммиграционной риторике, пообещав возвести стену против тех, «кто крадёт работу у коренного населения», «живёт за счёт государственных пособий и не хочет трудиться на благо Венгрии»⁷⁵.

На протяжении последних лет правительство В. Орбана активно оппонирует политике Брюсселя в вопросах миграции и открытых границ. Осенью 2017 г. премьер-министр вновь провозгласил Венгрию «страной не для иммигрантов», которая «будет бороться и отстаивать свою безопасность, ценностный, культурный, религиозный и жизненный уклад и идентичность»⁷⁶.

Данные ежегодных социологических опросов наглядно демонстрируют поляризацию мнений в венгерском обществе. Несмотря на проблемы во внешней и внутренней политике, а также экономике, чувство единения венгерских граждан с Евросоюзом неуклонно росло: накануне миграционного кризиса около 60% жителей страны называли себя гражданами ЕС. На пике кризиса, в 2015–2016 гг., количество «европейцев» среди опрошенных увеличилось на 15%, а в 2017 г. на вопрос «Чувствуете ли Вы себя гражданином ЕС?» утвердительно ответили 76% респондентов⁷⁷.

Таким образом, можно говорить о разделении восприятия национальной и европейской идентичности на два «лагеря». Политическая элита страны актив-

⁷⁴ Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. Flucht und Migration als Herausforderung für Europa. Berlin, 2016. S. 24.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Orbán: Die EU braucht Ungarn als Nichteinwanderungsland. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Orban-Die-EU-braucht-Ungarn-als-Nichteinwanderungsland-3835873.html> (дата обращения: 04.02.2018).

⁷⁷ Standart-Eurobarometer 88. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 02.02.2018).

но выступает за сохранение национальной венгерской идентичности, тогда как граждане всё сильнее ощущают свою связь с ЕС и с готовностью называют себя «европейцами». Результаты опросов 2016–2017 гг. показывают, что респонденты обеспокоены не столько внешними, сколько внутренними проблемами – борьбой с коррупцией, политическим и экономическим кризисом, а также состоянием здравоохранения, что вызывает вопросы к национальному правительству и затрудняет для элиты задачу укрепления коллективного самосознания страны и попытках «играть» на этих вопросах в свою пользу.

Национальная идентичность Польши находится в стадии формирования. Польша вступила в Евросоюз в 2004 г., а приверженность европейским ценностям и желание войти в объединение активно демонстрировала с окончанием холодной войны. Симптоматично, что после падения коммунистического режима термину «присоединение к Европе» поляки предпочитали «воссоединение». Политические элиты Польши, равно как и других стран ЦВЕ, декларировали, что ЕС несёт историческую ответственность за воссоединение Европы, символом которого считалось расширение Евросоюза [31, p. 38].

Две ключевые установки образуют основу современной внешнеполитической идентичности Республики Польши. Варшава стремится быть частью Запада и не допустить превращения собственной территории в буферную зону между Россией и ЕС и по-прежнему придерживается русофобских взглядов, на основе которых происходит укрепление приверженности ЕС.

Заметное влияние на европейскую идентичность Польши оказывает сегодня миграционный фактор. Польское правительство выступает против квот на беженцев, утверждая, что они «изменяют национальный характер страны», и настаивая на том, что есть польская нация и другие этнические группы не могут стать её частью. Подобные заявления создают в Брюсселе впечатление, что «Польша отклоняется от идеологии ЕС»⁷⁸.

В 2015 г. с утверждением, что мигранты вносят большой вклад в развитие их страны, 26% поляков соглашались, а 59% – нет⁷⁹. Весной 2016 г. на вопрос «Ваша страна должна помочь беженцам?» 49% (осенью 2015 г. – 50%) респондентов ответили положительно, в то время как 40% (осенью 2015 г. 36%)⁸⁰ – отрицательно. Варшава скептически относится к Единой миграционной политике ЕС. В марте 2017 г. Европейская комиссия подвергла критике Польшу, Венгрию и некоторые другие страны за то, что они не выполнили данное в 2015 г. обещание разместить у себя тысячи беженцев, и те до сих пор находятся в лагерях в Италии и Греции⁸¹.

⁷⁸ Polland Challenges the European Identity. [Электронный ресурс]. URL: <https://geopoliticalfutures.com/poland-challenges-european-identity/> (дата обращения: 12.01.2018).

⁷⁹ Standard Eurobarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf). (дата обращения 12.01.2018).

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Rising Euroscepticism “poses existential threat to EU”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/03/brexit-has-put-other-leaders-off-wanting-to-leave-says-ec-vice-president> (дата обращения: 05.01.2018).

При этом Польская республика остаётся последовательным сторонником свободной мобильности внутри Евросоюза. Осенью 2015 г. и весной 2016 г. 62% опрошенных поддержали свободное движение людей, товаров и услуг – самый высокий показатель среди других характеристик ЕС⁸². Такая поддержка легко объяснима. После вступления в ЕС многие поляки устремились на запад в поисках лучшей жизни. В широкий обиход прочно вошло выражение «польский сантехник» как образ дешёвой рабочей силы из Восточной Европы в «старых» благополучных государствах ЕС. Поляки активно путешествуют, учатся в других европейских странах, участвуют в программах обмена и пользуются иными возможностями открытых границ.

В 2007–2013 гг. из фондов развития ЕС республика Польша получила 47 млрд евро на строительство дорог, спортивных объектов, школ и дошкольных учреждений и других объектов социального и инфраструктурного назначения⁸³. В бюджете ЕС на 2014–2020 гг. на Польшу заложено 106 млрд евро, не считая субсидий польским фермерам в рамках Общей сельскохозяйственной политики ЕС⁸⁴. Однако на другой чаше весов – высокая безработица (14% экономически активного населения) и продолжающаяся эмиграция поляков в «старую» Европу. По оценкам, страну покинули более 2 млн человек; самая большая польская диаспора сформировалась в Великобритании численностью около 1 млн чел⁸⁵. В то же время наблюдается увеличение потока рабочей силы из Украины в Польшу – в 2017 г. 1 млн украинцев легально работали в Польше⁸⁶.

В целом за период пребывания Польши в ЕС её население демонстрировало устойчивую приверженность базовым ценностям Союза. Европейцами считали себя 65% поляков в 2006 г. и 76 % в 2009 г⁸⁷. Даже в 2015 г., в условиях массового наплыва беженцев и возникновения трений с Брюсселем по вопросу обязательных квот на приём мигрантов, 62% населения Польши отнесли себя к гражданам ЕС⁸⁸. Это один из самых высоких показателей – после Венгрии, Румынии и Италии.

Причина такой устойчивости, как представляется, во многом связана с тем, что в Польше, равно как и в некоторых странах ЦВЕ, не завершилось формиро-

⁸² Standard Eurobarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf) P. 9. (дата обращения: 16.01.2018).

⁸³ European Cohesion Policy 2007–2013 in Poland: Priorities and Impact of Cohesion Policy in the Member States [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/factsheets/2009/european-cohesion-policy-2007-2013-in-poland-priorities-and-impact-of-cohesion-policy-in-the-member-states (дата обращения 27.02.2018).

⁸⁴ Poland to get nearly EUR 106 bln from 2014-2020 EU budget pool – expected impact on the Polish economy, chances and challenges. [Электронный ресурс]. URL: <https://msp.gov.pl/en/polish-economy/economic-news/4015,Poland-to-get-nearly-EUR-106-bln-from-2014-2020-EU-budget-pool-expected-impact-o.html> (дата обращения 25.01.2018).

⁸⁵ Polish population of the United Kingdom. 15 July 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7660/CBP-7660.pdf> (дата обращения 22.02.2018).

⁸⁶ Some 1 million Ukrainians now work legally in Poland. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kyivpost.com/ukraine-politics/1-million-ukrainians-now-work-legally-poland.html> (дата обращения 17.02.2018).

⁸⁷ Eurobarometer 71. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения 10.01.2018).

⁸⁸ Residency and Free Movement. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/justice/citizen/document/files/2016-flash-eurobarometer-430-citizenship_en.pdf (дата обращения 08.01.2018).

вание собственно национальной идентичности. Продолжается рефлексия постсоветского опыта и поиск самих себя и своего места в мире. Европейский союз на сегодняшний день объективно представляет для стран ЦВЕ единственную опору, на которой можно укреплять национальную идентичность как составную часть общеевропейского самосознания. Согласно опросам, проведённым весной 2016 г., 37% опрошенных идентифицировали себя только со своей страной, в то время как «полностью европейцами» ощущали себя 61% населения⁸⁹.

На политическом уровне Польша прилагает активные усилия для упрочнения своих позиций и пытается стать региональным лидером, с которым будут считаться в Брюсселе при принятии решений. Эти попытки к настоящему времени не увенчались успехом, во многом по причине политической неустойчивости в самой Польше⁹⁰. В любом случае, амбивалентный характер отношения Будапешта и Варшавы к миграционной политике и принципу открытых границ ЕС наряду с задачами по укреплению национального самосознания усложняет конструкцию европейской идентичности для двух государств. В этих условиях нельзя исключать, что в средне- и долгосрочной перспективе Брюсселю придётся переосмыслить концепцию границ как ключевого элемента общеевропейского самосознания в сторону ужесточения контроля на внешних и отчасти на внутренних границах.

Принцип свободного движения людей, товаров, услуг и капиталов мыслится основателями европейского интеграции в её наднациональном формате как один из базовых принципов и ключевой элемент европейской идентичности. Этот тезис зафиксирован в документах ЕС, но как показано в статье, с практикой на сегодняшний день он не слишком соотносится. Проведённое исследование показывает, что важность открытых внутренних границ и возможность свободной мобильности в целом не подвергается сомнению населением и властными структурами Союза, за исключением кризисных моментов, связанных с обострением миграционного вопроса и угрозами новых террористических атак. Более того, анализ привлечённых материалов свидетельствует о том, что население отдельных стран, таких как Великобритания, Польша, Венгрия и других – приветствует свободную мобильность по территории ЕС для себя и граждан своего государства и с неприятием относится к облегчённым возможностям въезда и передвижения для мигрантов.

В настоящее время, несмотря на значительный спад потока беженцев – в первой половине 2017 г. в Европу въехало 105 тыс. беженцев и мигрантов⁹¹ – миграционная проблема продолжает оказывать влияние на общую повестку дня ЕС. Меры по возвращению беженцев на родину и выделение дополнительной

⁸⁹ Standard Eurobarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf). P. 22 (дата обращения: 24.01.2018).

⁹⁰ Poland Challenges the European Identity. [Электронный ресурс]. URL: <https://geopoliticalfutures.com/poland-challenges-european-identity/> (дата обращения: 15.01.2018).

⁹¹ Europe Situation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unhcr.org/europe-emergency.html> (дата обращения: 14.02.2018).

финансовой помощи государствам Африки и Ближнего Востока для снижения эмиграции из этих стран наряду с укреплением внешних границ носят лишь временный характер. Не случайно критики такого подхода язвительно замечают, что Европа пытается не решить проблему, а лишь «экспортировать» её за свои границы⁹². На этом фоне неприятия иммигрантов будет усиливаться скепсис населения в отношении свободных границ, учитывая выявленную на основе анализа материалов разных опросов общественного мнения тенденцию к ограничению свободного передвижения людей.

Кроме беженцев, внимание Брюсселя продолжают привлекать вопросы выработки новой модели интеграции иностранцев взамен несостоявшейся концепции мультикультурализма, задачи минимизации угрозы исламского фундаментализма и поиска адекватного ответа на угрозы терроризма. Неприятие многими европейцами мигрантов, ярким проявлением чего стало строительство в странах ЦВЕ заграждений вдоль границ в пиковый период притока беженцев, свидетельствует о том, что «единая Европа» не готова быть подлинно открытой.

В настоящее время наблюдается если не физическое закрытие границ, которое нельзя исключать в случае повторного «нашествия» беженцев или других категорий мигрантов, то очевидное возведение символических границ ментально-психологического свойства. Стремление «отгородиться» происходит на фоне укрепления национального самосознания и ослабления солидарности и единства населения с Евросоюзом. Такие процессы происходят не только в покидающей Евросоюз Британии, но также во Франции, Германии и других странах. Происходящие процессы обострения дихотомии «свой – чужой» не позволяют говорить о сформированной идентичности ЕС. Таким образом, Евросоюз стоит перед задачей пересмотра самой концептуальной основы общеевропейского самосознания и отдельных элементов в её структуре, например, свободы передвижения. Этот принцип, дополненный в 1980-е гг. Шенгенским механизмом и в 1990-е гг. Пространством свободы, безопасности и правосудия, долгое время воспринимался как некая данность и уже закреплённое достижение.

В реальности Евросоюз не выдерживает испытание временем и всё больше становится заложником острой дилеммы: как следовать прежним идеологическим установкам на «открытые» границы и при этом адекватно реагировать на внешние угрозы, которые требуют «закрытия» границ. Становится очевидно, что нельзя одновременно следовать идеалам мультикультурализма и адекватно обеспечивать внутреннюю безопасность. От решения этой дилеммы зависит будущее общеевропейской идентичности и повышения уровня единства и солидарности, о которых как об условии успеха всего европейского проекта говорил в сентябре 2015 г. председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер.

⁹² How Europe Exported its refugee crisis to north Africa [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/30/how-europe-exported-its-refugee-crisis-to-north-africa> (дата обращения: 02.02.2018).

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982 // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 33–60.
3. Благова Ю.А. Проблемы национальной самоидентификации в объединённой Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 25 (658). С. 9–22.
4. Васильев В.И. Австрийская идентичность и европейская интеграция // Обозреватель–Observer. 2013. №12. С. 98–115.
5. Караваева Д.Н. Английская идентичность и её дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 344 с.
6. Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности / под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 11–73.
7. Коротецкая Л.В. Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов // Полис. 2012. № 1. С. 92–99.
8. Лёзина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 162–178.
9. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практика. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
10. Соколова Т. Политика интеграции иммигрантов: ассимиляционный подход // Власть. 2009. № 11. С. 121–123.
11. Сосницкая О. Германия: что общего у интеграции и «культуры титульной нации»? // Deutsche Welle. 30.12.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/германия-что-общего-у-интеграции-и-культуры-титульной-нации/a-5069256> (дата обращения: 20.02.2018).
12. Филлипова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2010. 300 с.
13. Хабермас Ю. Границы неохисторизма. Беседа с Жаном-Марком Ферри // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Издательская и консалтинговая группа «ПРАКСИС», 2003. 368 с.
14. Alund A., Schirup C.-U. Paradoxes of Multiculturalism: Essays on Swedish society. Aldershot: Avebury, 1991. 192 p.
15. Alund A., Schirup C.-U. The thorny road to Europe: Swedish immigrant policy in transition. In: Wrench J., Sollors. J. Racism and migration in Western Europe. Oxford, Berg Baldwin-Edwards, 1993. Pp. 199–211.
16. Balázs M. A Game of Values: Particular National Identities Awaken in Europe // Verfassungsblog 2016. URL: <https://verfassungsblog.de/a-game-of-values-particular-national-identities-awaken-in-europe/> (дата обращения: 28.01.2018).
17. Bauer W.T. Zwei Staaten, zwei Nationen – und jede Menge Identitäten. Nationales Selbstverständnis und Umgang mit gesellschaftlicher Vielfalt in Deutschland und Österreich. Gütersloh, Bertelsmann Stiftung, 2016. 96 S.
18. Cohen R. Frontiers of Identity: the British and Others, L., N.Y., Longman, 1994. 227 p.
19. Graubard S.R. Norden: The Passion for Equality (Scandinavian Library). Oslo, Norwegian University Press, 1986. 323 p.
20. Identität & Österreichbewusstsein. Aktuelles zu Migration und Integration. Wien, Fonds zur Integration von Flüchtlingen und MigrantInnen (ÖIF), 2014. 5 S.
21. Ignazi P. Extreme right-wing parties in Western Europe. Oxford, Oxford University Press, 2003. 297 p.
22. Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. Flucht und Migration als Herausforderung für Europa. Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., 2016. 104 S.
23. Jarauschkonrad H. Normalisierung oder Re-Nationalisierung? Zur Umdeutung der deutschen Vergangenheit. // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft, 1995, N. 21, H. 4, S. 571–584.
24. Juhász A., Hunyadi B., Zgut E. Focus on Hungary: Refugees, asylum and migration // Heinrich Böll-Stiftung. Praha, Heinrich-Böll-Stiftung, 2015. 25 p.
25. Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020 // International Journal of Environmental Science and Development. 2010. Vol. 1. No. 2. June. URL: <http://www.ijesd.org/papers/29-D438.pdf> (дата обращения: 14.02.2018).
26. Kreissler F. Der Österreicher und seine Nation. Ein Lernprozess mit Hindernissen. Wien, Boehlau Verlag, 1984. 773 S.
27. Lönnaeus O. I valkampen blir alla folkhemskramare. URL: <https://www.sydsvenskan.se/2009->

- 09-19/i-valkampen-blir-alla-folkhemskramare (дата обращения: 26.01.2018).
28. Pettersson T., Esmer Y.R. Changing Values, Persisting Cultures: Case Studies in Value Change, European Values Studies v. 12. Boston: Brill, 2008. 20 p.
29. Sunjic M., Volf P. Echte Österreicher. Gespräche mit Menschen, die als Flüchtlinge ins Land gekommen sind. Wien, Picus, 1995. 190 S.
30. Tributsch S., Ulram P. Kleine Nation mit Eigen-schaften. Über das Verhältnis der Österreicher zu sich selbst und zu ihren Nachbarn. Wien, Molden Wien/BRO, 2004. 176 S.
31. Trzeciak S. Poland's EU Accession. L., N.Y., Routledge Taylor & Francis Group, 2012. 216 p.

Об авторах:

Елена Владимировна Хахалкина – д.и.н., профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Исторический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Константин Павлович Андреев – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Исторический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru.

Галина Васильевна Грошева – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, Историко-филологический факультет, Томский государственный педагогический университет. 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60. E-mail: groshevagv@mail.ru.

Игорь Александрович Кочев – старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Исторический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: igor-kochev@yahoo.com.

Статья подготовлена в рамках работ по гранту Президента РФ «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» на 2018-2019 гг. (МД-4122.2018.6).

OPEN BORDERS OF THE EUROPEAN UNION: NATIONAL AND EUROPEAN IDENTITY ON THE EXAMPLE OF CERTAIN EU MEMBER-STATES

E.V. Khakhalkina, K.P. Andreev, G.V. Grosheva, I.A. Kochev
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-63-98

National Research Tomsk State University
Tomsk State Pedagogical University

During the acute phase of the migration crisis (2014–2015) in a large number of European Union states, policies restricting internal borders and the strengthening of external borders took place, which raised serious questions about the future of the European Union's borders. Ever since the emergence of supranational structures, freedom of movement, capital, goods, services and labor has all been the principal focus points of the EU countries cooperation. The uncertain nature and complexity regarding migration issues, strengthening of Eurosceptic sentiments in certain EU countries, the commitment to population in certain member states, the EU's future and its main achievements (including such issues as freedom of borders, which is still under threat of illegal migration and criminal-terrorist elements) remain a big question.

The authors of the article aim to evaluate the current state and threats to open borders of the European Union using analysis of common European identity. One of its elements includes the population's attitude to issues such as the mobility and freedom of borders and their relation with national identity on the example of different EU countries, which consistently support and/or criticize the existing supranational model.

In the first part of the article, the author discuss' the main causes for why the EU borders at present have grown so important. Also, their correlation to the task of strengthening solidarity and trust throughout the EU, by overcoming a common European identity crisis.

In the second part of the article the process of forming a common European identity and the reflection of this concept in the basic documents of the EU are presented retrospectively. In the third part the place of migration and its relation to the problem of borders in national and European identities through the example of EU member-states is illustrated by the example of countries whose population is both European oriented and by Eurosceptic states. In the final section conclusions are drawn regarding the importance of «open borders» for the EU in medium and long term outlook.

Key words: borders, the European Union, national identity, common European identity, Great Britain, Germany, France, Austria, Poland, Hungary, Sweden

References

1. Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaia politika* [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (In Russian).
2. Berger Sh. *Istoricheskaia politika i natsional-sotsialisticheskoe proshloe Germanii, 1949–1982* [Historical politics and the national socialist past of Germany, 1949–1982]. *Istoricheskaia politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. Pp. 33–60. (In Russian).
3. Blagova Iu.A. *Problemy natsional'noi samoidentifikatsii v ob'edinennoi Germanii* [Problems of national self-identification in united Germany]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvistikheskogo universiteta*, 2012, no. 25 (658), pp. 9–22. (In Russian).
4. Vasilev V.I. *Avstriiskaia identichnost' i evropeiskaia integratsiia* [Austrian identity and European integration]. *Obozrevatel'–Observer*, 2013, no. 12, pp. 98–115. (In Russian).
5. Karavaeva D.N. *Angliiskaia identichnost' i ee diskurs: Britaniia – Angliia – Severnaia Angliia* [English identity and its discourse: Britain - England - Northern England]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2016. 344 p. (In Russian).
6. Kauganov E.L. *Diskurs natsional'noi identichnosti v poslevoennoi Germanii* [Discourse of national identity in post-war Germany]. *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European Identity and Multiculturalism]. Ed. by M. Iu. Martynova. Moscow, IEA RAS Publ., 2013. Pp. 11–73. (In Russian).
7. Korotetskaia L.V. *Osobennosti intellektual'nogo patrioticheskogo diskursa v Germanii 1990-kh godov* [Features of intellectual patriotic discourse in Germany in the 1990s]. *Polis*, 2012, no. 1, pp. 92–99. (In Russian).

8. Lezina E. Pamiat', identichnost', politicheskaia kul'tura i poslevoennaia germanskaia demokratiia [Memory, identity, political culture and post-war German democracy]. *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 6 (57), pp. 162–178. (In Russian).
9. Malakhov V.S. Integratsiia migrantov: kontseptsii i praktika [Integration of migrants: Concepts and practices]. Moscow, Fond «Liberal'naiia Missiia» Publ., 2015. 272 p. (In Russian).
10. Sokolova T. Politika integratsii immigrantov: assimiatsionnyi podkhod [The policy of integration of immigrants: assimilation approach]. *Vlast'*, 2009, no. 11, pp. 121–123. (In Russian).
11. Sosnitskaia O. Germaniia: chto obshchego u integratsii i «kul'tury titul'noi natsii»? [Germany: What is common in integration and “culture of the titular nation”?]. Deutsche Welle. 30.12.2009. [Электронный ресурс]. <http://www.dw.com/ru/германия-что-общего-у-интеграции-и-культуры-титульной-нации/a-5069256> (дата обращения: 20.02.2018).
12. Fillipova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoi Frantsii* [Territories of identity in modern France]. Moscow, FGNU «Rosinformagrotekh», 2010. 300 p. (In Russian).
13. Khabermas Iu. Granitsy neoistorizma. Beseda s Zhanom-Markom Ferri [Borders of Neo-History. Conversation with Jean-Marc Ferry]. Khabermas Iu. *Politicheskie raboty* [Political works]. Moscow, Izdatel'skaia i konsaltingovaia gruppa «PRAKSIS» Publ., 2003. 368 p. (In Russian).
14. Alund A., Schirup C.-U. *Paradoxes of Multiculturalism: Essays on Swedish society*. Aldershot: Avebury Publ., 1991. 192 p.
15. Alund A., Schirup C.-U. The thorny road to Europe: Swedish immigrant policy in transition. Wrench J., Sollors. J. *Racism and migration in Western Europe*. Oxford, Berg Baldwin-Edwards Publ., 1993. Pp. 199–211.
16. Balázs M. *A Game of Values: Particular National Identities Awaken in Europe*. Verfassungsblog 2016. Available at: [https://verfassungsblog.de/a-game-of-values-particular-national-identities-awaken-in-](https://verfassungsblog.de/a-game-of-values-particular-national-identities-awaken-in-europe/)
17. Bauer W.T. Zwei Staaten, zwei Nationen – und jede Menge Identitäten. *Nationales Selbstverständnis und Umgang mit gesellschaftlicher Vielfalt in Deutschland und Österreich*. Gütersloh, Bertelsmann Stiftung, 2016. 96 S.
18. Cohen R. *Frontiers of Identity: the British and Others*. London, New York, Longman Publ., 1994. 227 p.
19. Graubard S.R. *Norden: The Passion for Equality (Scandinavian Library)*. Oslo, Norwegian University Press Publ., 1986. 323 p.
20. Identität & Österreich-bewusstsein. *Aktuelles zu Migration und Integration*. Wien, Fonds zur Integration von Flüchtlingen und MigrantInnen (ÖIF), 2014. 5 S.
21. Ignazi P. *Extreme right-wing parties in Western Europe*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2003. 297 p.
22. *Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. Flucht und Migration als Herausforderung für Europa*. Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., 2016. 104 S.
23. Jarausch K.H. Normalisierung oder Re-Nationalisierung? Zur Umdeutung der deutschen Vergangenheit. *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*, 1995, N. 21, H. 4, S. 571–584.
24. Juhász A., Hunyadi B., Zgut E. *Focus on Hungary: Refugees, asylum and migration*. Praha, Heinrich-Böll-Stiftung Publ., 2015. 25 p.
25. Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020. *International Journal of Environmental Science and Development*, 2010, vol. 1, no. 2. Available at: <http://www.ijesd.org/papers/29-D438.pdf> (accessed: 14.02.2018).
26. Kreissler F. *Der Österreicher und seine Nation. Ein Lernprozess mit Hindernissen*. Wien, Boehlau Verlag, 1984. 773 S.
27. Lönnaeus O. I valkampen blir alla folkhemsframare. Available at: <https://www.sydsvenskan.se/2009-09-19/i-valkampen-blir-alla-folkhemsframare> (accessed: 26.01.2018).
28. Pettersson T., Esmer Y.R. Changing Values, Persisting Cultures: Case Studies in Value Change. *European Values Studies*,

- vol. 12. Boston, Brill Publ., 2008. 20 p.
29. Sunjic M., Volf P. *Echte Österreicher. Gespräche mit Menschen, die als Flüchtlinge ins Land gekommen sind.* Wien, Picus Publ., 1995. 190 S.
30. Tributsch S., Ulram P. *Kleine Nation mit Eigenschaften. Über das Verhältnis der Österreicher zu sich selbst und zu ihren Nachbarn.* Wien, Molden Wien/BRO Publ., 2004. 176 S.
31. Trzeciak S. *Poland's EU Accession.* London, New York, Routledge Taylor & Francis Group Publ., 2012. 216 p.

About the authors:

Konstantin P. Andreev – Post-graduate student, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of History, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru.

Galina V. Grosheva – PhD (History), Associate Professor, Department of General History, Historical and Philological Faculty, Tomsk State Pedagogical University. 634061, Tomsk, ul. Kievskaya, 60. E-mail: groshevagv@mail.ru.

Igor A. Kochev – Senior Lecturer, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of History, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: igor-kochev@yahoo.com.

Elena V. Khakhalkina – Dr. Sc. (History), Professor, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of History, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

The article is prepared within the framework of works on the grant of the President of the Russian Federation «National identity in the conditions of EU open borders (on the example of individual EU countries)» for 2018-2019. (MD-4122.2018.6).

АЛБАНСКИЙ ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН: СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД

Е.Г. Пономарева

Международный институт развития научного сотрудничества (МИРНАС)

Албанский фактор балканской политики, получивший первое институциональное оформление в конце XIX в. – «Призренская лига», в настоящее время является серьезным деструктором ситуации в странах Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория и частично признанное Косово).

На основе исторических, демографических, культурно-религиозных и политических фактов в статье исследуется природа албанского ирредентизма и даётся обоснование возможности реализации сценария «албанизация», развитие которого может пойти по двум направлениям. В первом случае речь идёт о создании на территориях Албании, Косово, западной Македонии (Республика Илирида), юго-восточной Черногории (Малесия), северо-западной Греции (Чамерия) паналбанской (кон)федеративной политики под условным названием «Великая Албания». Во втором – об объединении территорий проживания албанцев через ассоциацию исламских областей стран региона. Особая роль в реализации сценария принадлежит структурам международного терроризма, рассматривающим Косово как одну из центральных зон подготовки боевиков.

Обоснование вероятности развития и реализации сценария даётся по четырём ключевым параметрам, включающим политическую, экономическую, военную и культурно-религиозную сферы.

В ряду главных акторов сценария выделены вооруженные силы Косова; албанские парамилитарные образования на территории западной Македонии; транснациональные корпорации; частные военные компании, а также поддерживающие проект политически и финансово США, Великобритания, Турция, арабские монархии. В статье делается вывод о необходимости объективной политологической оценки ситуации в регионе, анализа угроз безопасности и рисков очередного витка дестабилизации Западных Балкан, что имеет не только научное, но и практическое значения для формирования российской внешнеполитической повестки.

Ключевые слова: Западные Балканы, албанизация, ирредентизм, сепаратизм, «Великая Албания», международный терроризм, мировая политика

УДК 323.17

Поступила в редакцию 15.01.2018 г.

Принята к публикации 14.03.2018 г.

В силу транзитного положения, чересполосного проживания народов, переплетения традиций, культур и религий, а также обостряющейся в современных условиях борьбы за территории, влияние и ресурсы Западные Балканы и в XXI в. остаются особо уязвимой и турбулентной зоной. Слова «железного канцлера» Отто фон Бисмарка: «если в Европе начнётся война, то из-за какой-нибудь глупости на Балканах», не только не потускнели с годами, но приобрели особый геополитический смысл. Волатильность мировой политики, а также анализ процессов, происходящих в регионе, позволяет утверждать, что Западные Балканы, а именно Албания, Босния и Герцеговина (БиГ), Македония, Сербия, Черногория и частично признанное Косово могут стать как самостоятельным очагом конфликта, так и триггером более масштабных противостояний. Учитывая внутреннюю специфику балканских стран, а также внешний фактор – интересы США, Германии, Турции, Саудовской Аравии, Ирана, НАТО, ТНК и негосударственных акторов мировой политики (ЧВК, международные террористические и криминальные структуры), одним из вероятных сценариев дестабилизации региона может стать албанизация. Термин характеризует процессы активизации албанского населения стран региона по объединению территорией проживания данного сегмента в общую политическую рамку, что влечёт серьёзные геополитические риски.

Изучение албанского фактора в отечественной литературе имеет преимущественно исторический характер, в то время как текущая реальность требует прогностических выводов, что невозможно без серьёзного политологического анализа. В то же время объективная оценка рисков развития региона должна иметь прочную историческую базу – корни настоящего и будущего всегда лежат в прошлом. В ряду авторов, поднимающих проблему албанизации Западных Балкан и на работы которых в той или иной степени опиралось данное исследование следует назвать албанских, болгарских, македонских, сербских и российских историков: В. Ачкоску, Д. Батаковича, Т. Батковски, Е.Ю. Гуськову, А. Желязкову, Ю.В. Иванову, П.А. Искендерова, Б. Коматина, П. Милё, Б. Петрановича, Н.Д. Смирнову, Дж. Стаменковича, С. Терзича, Х. Штепана. Отдельно следует отметить уникальное четырёхтомное издание документов, подготовленное Центром изучения современного балканского кризиса Института славяноведения РАН и охватившее период с 1878 по 2010 гг. – «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии», а также издание ИНИОН РАН «Албанский фактор кризиса на Балканах». Сценарный анализ невозможен без анализа статических данных, а также профессиональных журналистских исследований и публицистической литературы, оперативно реагирующих на изменение социально-экономической и политической ситуации.

Принятие стратегически верных внешнеполитических решений российской стороной требует объективной политологической оценки ситуации в регионе, анализа угроз безопасности и рисков очередного витка хаотизации балканского пространства. Таким образом, применение сценарного подхода к анализу ал-

банского фактора балканской политики, основанного на нарративных данных и авторских работах, необходимо не только с научной, но и с практической точки зрения.

«Албанизация»: общая характеристика сценария

Вокруг ядра албанского сегмента, расположенного в границах Албании и Косово, происходит постепенное расширение зоны его влияния и контроля. Сценарий «Албанизация» тесно связан со структурами транснациональной организованной преступности и, прежде всего, наркомафии. Учитывая историческую поддержку албанского ирредентизма ангосаксонским блоком, сценарий будет осуществляться при поддержке Великобритании, США и ряда стран-членов НАТО. Реализация возможна по двум вариантам и предполагает использование как мирных форм (референдумы, методы ненасильственного сопротивления, создание параллельных государственных структур), так и прямого силового давления на правительства и населения стран региона (создание парамилитарных – по типу Армии освобождения Косова – формирований, террористические методы борьбы).

Первый вариант предполагает создание паналбанской (кон)федеративной политики – «Великой Албании» (название условное). Территории, на которые претендует новообразование: Албания, Косово, западная Македония (Республика Илирида), юго-восточной Черногория (Малесия), северо-западная Греция (Чамерия).

Второй вариант может развиваться путём объединения территорий проживания албанцев через ассоциацию исламских областей, которая в свою очередь станет мостом между Ближним Востоком, Турцией и Санджаком (юг Сербии). Этот проект фактически является частью более широкой стратегии «Аль-Каиды».

Наиболее актуальным видится именно первый вариант, поэтому остановимся на его обосновании.

Исторический бэкграунд

Корни фундаментальных изменений этно-культурной картины Западных Балкан и как следствие их современного политического ландшафта лежат в конце XIV в., когда по итогам битвы на Косовом поле 15 июня 1389 г. в регионе было установлено османское владычество. До прихода турок славяне и албанцы были включены в византийскую культуру. Анализ албанской лексики позволяет утверждать, что албанцы приняли христианство раньше болгар и венгров, получивших крещение в конце IX в. Более того, имеет место предположение, что на землях будущей Албании проповедовал апостол Павел, а значит, христианские идеи распространялись среди местного населения раньше, чем император Кон-

стантин по Миланскому эдикту 313 г. объявил христианство официальной религией римской империи [14, с. 72, 93].

Показателен также следующий факт. Около 30 % современных албанцев, проживающих в Косово, т. н. «арнауты» – это исламизированные сербы, которые не только приняли ислам, но албанизировались и в культурном смысле. Именно арнауты составляли значительную часть армии и занимали ведущие государственные позиции в Османской Турции [32, с. 180]. Например, фамилия Тачи происходит от Читакович. До середины XIX в. в Дренице – родине самого известного боевика Армии освобождения Косова – были распространены сербские фамилии Читаку, Читакович. Чтобы скрыть своё сербское происхождение, во второй половине XIX в. предки нынешнего президента частичного признанного государства взяли фамилию Тачи, распространённую в северной Албании [25, с. 338].

Главным следствием многовекового турецкого владычества, определившим сложность современного албанского вопроса, стала глубокая идентификация албанцев (как этнических, так и культурных – арнаутов) с Османской Турцией. «За свою лояльность албанцы поощрялись, перед ними открывалась возможность переселения в плодородные края на земли разбитого сербского государства – в Косово и Метохию, которые до этого времени были населены преимущественно сербами» [10, с. 645]. Культурная ассимиляция населения Западных Балкан шла на фоне эмиграции славянского населения на запад и север за реки Дунай и Саву, продолжавшаяся вплоть до XIX столетия. Оставленные славянами юго-западные районы Сербии заселялись преимущественно турками и албанцами из горных областей Албании.

Так, поражение австрийских войск, поддержавших сербское восстание против Порты, в 1690 г. в битве при Качанике определило массовый исход православного населения с территорий Косова, южной и центральной Сербии и его переселение за Дунай, на территорию Австрийской монархии. Этот исход вошёл в историю как Великое переселение сербов. Слова князя Г.Н. Трубецкого, сказанные по поводу отступления сербских войск в 1915 г., могли бы быть характеристикой и событий XVII в.: то был «крестный путь страданий сербского народа» [9, с. 59]. Одним из результатов Великого переселения стала албанизация южносербских территорий. Исход сербского населения продолжался и в первой половине XVIII в., особенно после поражения Вены в австро-турецкой войне 1735-1737 гг. В результате туркам удалось закрепить многочисленное мусульманское население в важных со стратегической точки зрения районах Вардарской Македонии, Косова, Метохии, Санджака и Боснии [8, с. 4].

Многовековой процесс изменения этно-культурного состава населения Западных Балкан привёл к возникновению противостояния по линии православные славяне (сербы и македонцы) – албанцы. Ослабление позиций православной церкви (в 1766 г. был упразднен Печский патриархат) серьёзным образом осложнило положение христиан. Тем не менее, вплоть до 1878 г. никто не

воспринимал национализм как «друга и врага» [4] всех албанцев, где бы они ни проживали.

Ирредентистскую активность современных албанцев обычно объясняют якобы имевшей место исторической несправедливостью, причинённой по отношению к этому народу решениями Берлинского конгресса 1878 г., в результате которых к Сербии, Черногории и Греции были присоединены «территории, являющиеся этнически албанскими» [3, с. 120]. На самом деле, выражаясь современным языком, это была хорошо продуманная и подготовленная манипуляция общественным мнением.

Ответ на решения Конгресса был молниеносным. 10 июня 1878 г. в г. Призрен (Косово) была созвана «Призренская лига албанцев». Эта политическая организация типа паннациональной ассамблеи с представителями от всех территорий, населённых албанцами, стала первой институциональной формой албанского национализма. Если на начальной стадии Восточного кризиса (1876-1877) албанцы активно поддерживали восстания в Герцеговине и Болгарии и отказывались служить в османской армии, то после подписания в 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора, не учитывавшего их устремления, в национальном движении произошёл перелом. В результате вопрос об антиосманском восстании потерял свою актуальность и в политической программе-минимум Лиги появилась цель по защите всех исторически населённых албанцами территорий Западных Балкан. Программа-максимум провозглашала объединение всех территорий в автономное государство под властью Османской империи [3, с. 40-41].

Однако после отказа Порты обсуждать вопрос о создании автономного албанского вилайета в 1880 г. руководство Лиги не только заявило о разрыве с ней, но и организовало вооружённый захват основных центров Косова и западной Македонии. В 1881 г. турецкая армия подавила движение. Призренская лига прекратила существование, и албанский национализм временно сдал свои позиции. Тем не менее, само существование, пусть и недолгое, паналбанской ассамблеи стало мощным толчком к дальнейшему росту ирредентистских настроений.

Впоследствии Лига стала символом всеалбанского единства. Особая идеология, аналога которой нет в мире, была сформулирована именно в период её существования: в 1879 г. Пашко Васа Шкодрани в книге «Правда об Албании и албанцах» зафиксировал главный слоган албанцев: «Религия албанцев – это албанизм»¹. Албанцы – вне зависимости от вероисповедания, а среди них есть не только мусульмане, но католики и православные, много атеистов – всегда остаются верными идеям албанизма, которые выражаются в объединении всех земель с большинством албанского населения. Показательно, что на эту цель

¹ Искендеров П.А. Идея «Великой Албании»: вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/06/10/idea-velikoj-albanii-vchera-i-segodnja-i-33761.html> (дата обращения: 20.04.2018)

диаспора по всему миру отчисляет процент от любого заработка. Албанизм – это не мечта, это конкретная цель.

Развитие албанского национализма и ирредентизма связано с именем Шамседдина (алб. Сами) Фрашери. В своей основополагающей работе «Албания – какой она была, какая она есть и какой она будет» (1899) он зафиксировал важнейший принцип всех албанцев: «Албанцы будут как один человек, у которого одно желание и одна единственная цель». И далее: «Беса², религия, труд, забота, желание наше, мысль наша пусть будут ради Албании и ради албанской нации» [14, с. 115]. Таким образом к концу XIX в. были сформулированы идейные основания единства всех албанцев, обоснованы и определены цели построения общего албанского государства.

Однако вплоть до Балканских войн (1912-1913) албанский национализм был «спящим». В октябре 1912 г. Болгария, Греция, Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, пытаясь вернуть свои исторические территории, которые к тому моменту были населены этническими албанцами. В этих обстоятельствах Национальное собрание во Влёре с представителями от всех территорий, населённых албанцами (это принципиально важный момент, показывающий уровень коммуникативных связей общины), провозгласило Албанию независимым государством. 17 декабря 1912 г., «в первый день заседаний Лондонской конференции послов было принято решение о создании автономной Албании под контролем шести европейских держав и с учётом особых интересов Австро-Венгрии и Италии» [15, с. 644], а во второй половине 1913 г. была окончательно признана независимость албанского государства в современных границах. При этом даже сами албанские эксперты признают, что к моменту создания государства у албанского этноса отсутствовал целый ряд ключевых характеристик, присущих единому народу. В частности, декларация «независимой» Албании была написана на турецком языке, поскольку ни один из членов первого правительства не владел албанской латиницей, разработанной всего за несколько лет до этого³.

Несмотря на такую национальную незрелость, присоединение по решению великих держав земель Косова и западной Македонии к Сербии и сохранение провинции Камерия в составе Греции рассматривалось как несправедливое и является, по мнению албанской стороны, корнем современного албанского ирредентизма [1, с. 56-58]. Согласно македонским и сербским источникам, проживающие в то время на территории «этнических албанских земель» албанцы

² Беса – клятва верности, присяга, которую приносит соратникам каждый полноправный член общины/клана. За её нарушение одно наказание – смерть. Руководит кланом уважаемый всеми и требующий безусловного подчинения «крюе». Важные вопросы могут выноситься на совет группы – байрак, но окончательное решение все равно остается за крюе. Законы чести, которыми руководствуются все члены албанских общин, во многом основаны на хорошо знакомом каждому албанцу «Кануне» – формальном своде правил жизни и поведения, составленном ещё в XV в. самым почитаемым албанским князем – Леке III Дукаджини (1410-1481).

³ Искендеров П.А. Идея «Великой Албании»: вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/06/10/idea-velikoj-albanii-vchera-i-segodnja-i-33761.html> (дата обращения: 20.04.2018).

составляли 30 % от общей численности совокупного населения территорий, что никак нельзя назвать большинством [5]. Таким образом, требования албанцев были основаны, выражаясь современным языком, на фэйковой информации.

Великоалбанский прецедент

Начало Первой мировой войны увело в тень этот этно-политический конфликт. Однако к концу войны албанский вопрос вновь вышел на первый уровень мировой политики – существование албанского государства было поставлено под сомнение. В течение 1918-1920 гг. европейскими канцеляриями были разработаны новые проекты разделения Албании между её соседями с целью восстановления общеевропейского баланса сил. Эти проекты не состоялись во многом благодаря президенту США В. Вильсону, который отклонил франко-британский план раскола Албании [24, с. 185].

Руководство Королевства Югославия (до 1929 г. Королевство СХС), созданного по итогам Первой мировой войны, различными способами пыталось решить албанский вопрос, причём эти методы были не всегда «мягкими». Королевское правительство проводило политику ассимиляции и принуждения к эмиграции албанцев (преимущественно в Турцию). Школы с преподаванием на албанском языке были закрыты, албанские земли передавались сербским колонистам, пожелавшим вернуться на историческую родину. Все эти решения оказались временными и не привели к изменению культурно-демографического климата.

В межвоенный период ирредентистские устремления косовских албанцев активно поддерживались режимами Гитлера и Муссолини, а в 1939 г. в Риме было основано бюро по организации албанского движения в Югославии. Однако это не помешало лишению самой Албании статуса независимого государства: 7 апреля 1939 г. правителем страны стал итальянский король Виктор Эммануил III. После вторжения германских и итальянских армий в Югославию в соответствии с королевским декретом, подписанным итальянским регентом в Тиране Ф. Джакомони, в августе 1941 г. албанские территории в итальянской оккупационной зоне в Черногории, Македонии и наибольшей части Космета были переданы оккупированной Албании, сформировав, таким образом, прообраз «Великой Албании» (ВА). Правящая албанская фашистская партия поспешила торжественно объявить, что почти все балканские земли, на которых проживают албанцы, отныне присоединены к Албании. Исключение составили две части Косово, оставшиеся под немецкой оккупацией и переданные Болгарии.

После выхода Софии из состава гитлеровской коалиции в сентябре 1944 г. границы ВА были расширены до Скопье и оттуда вдоль линии Куманово–Прешево–Буяновац. Именно тогда впервые официально было стало употребляться название «Великая Албания». Это новообразование просуществовало вплоть до освобождения территорий сначала от итальянской, а затем от германской

оккупации. Решением держав антигитлеровской коалиции Албания была возвращена к прежним границам, которые в целом соответствовали решениям Лондонского конференции 1912–1913 гг.

Албанцы не только не участвовали в антифашистской борьбе, но стали главным проводником фашизма и нацизма в Западных Балканах, используя самые жёсткие методы борьбы с сербским и македонским населением, евреями и цыганами. В конце 1942 г. была создана националистическая антикоммунистическая организация «Бали Комбетар» (БК, «Народный фронт»), ставившая задачу создания единой этнически чистой «Великой Албании», объединяющей территории Греции, Македонии, Сербии и Черногории, населенные албанцами. Работая на эту идею, албанцы активно осуществляли выселение с территории края неалбанского населения. Премьер-министр албанского марионеточного правительства М. Кроя в июне 1942 г. открыто заявил, что «необходимо приложить усилия к тому, чтобы всех сербов-старожилов из Косова выгнать..., сослать в концентрационные лагеря в Албанию. А сербов-переселенцев надо убить» [29, с. 40]. Только с апреля 1941 г. по август 1942 г. албанцы убили около 10 тыс. сербов [29, с. 40]. Уже позже, лидер коммунистической Албании Э. Ходжа объяснял, что на территории Косово не велась народно-освободительной борьба, поскольку албанцы не были уверены в том, что, «сражаясь наряду с народами Югославии против фашизма, они этим завоевывают себе право на самоопределение для соединения с Албанией» [21, с. 207]. Сомнительное объяснение.

Когда, 8 сентября 1943 г. было объявлено о капитуляции Италии, БК осталась союзником Германии с единственной целью – сохранить «Великую Албанию». Не случайно именно в сентябре 1943 г. в присутствии представителей албанцев из Косова и Метохии, Черногории, западной Македонии и Новопазарского санджака под патронатом фашистской Германии была возрождена Вторая Призренская лига. В своем воззвании Лига в очередной раз поставила задачу объединения всех балканских территорий с большинством албанского населения [7, с. 41]. Нельзя также забывать о том, что во время Второй мировой войны итальянцы активно переселяли в Косово преимущественно молодых албанцев из Албании с целью изменения этнического состава этих территорий [25, с. 349].

В конце 1944 – начале 1945 г. в Косово и Метохии «Бали Комбетар» развернул широкомасштабную партизанскую войну, которую удалось подавить силами пяти армейских дивизий Народно-освободительной армии Югославии. «По всему краю действовали албанские контрреволюционные комитеты, которые ширили дух неповиновения, проводили пропаганду «Великой Албании», организовывали сопротивление народной власти, призывали не вступать в армию Тито» [2, с. 19]. Центр баллистов находился в Дренице. Показательно, что в 1998–1999 гг. сопротивлением Белграду также руководили из Дреницы. Здесь «минутным балканским властителем» [19, с. 100] Х. Тачи была создана самая крупная террористическая структура – «Дреницкая группа». Этот факт даёт многим сербам основание называть БК «дедушкой» Армии освобождения Косова. Не ме-

нее известна своей жестокостью 21 горная Ваффен-дивизия СС «Скандербег», сформированная 1 мая 1944 г. Почти 11 тыс. солдат были набраны из Косова, Метохии и самой Албании: в основном это были мусульмане-сунниты. Первой же акцией дивизии стала депортация 300 евреев Приштины для уничтожения в Берген-Бельзен [25, с. 350].

Зная историю албанского вопроса, мягко говоря, странно читать строки об Албании, как о «важном и исторически близком России факторе стабильности на Балканах» и тем более «о братстве по оружию наших народов в годы Второй мировой войны» [22, с. 75]. Албанский фактор имеет обратно противоположный вектор развития – он дестабилизирует ситуацию в регионе.

Социалистический фундамент албанизации

В социалистический период позиции албанцев в Югославии не только не ослабели, но существенно укрепились. Более того, именно режим Тито завершил дело Османов – подвёл под идею «Великой Албании» прочный социально-экономический, культурно-гуманитарный и политический фундамент.

За время войны территорию Косова и Метохии, по разным данным, покинули от 100 до 200 тыс. сербов, а населили около 70-100 тыс. албанцев из Албании [20, с. 109], которые так и остались в этих краях. По переписи 1948 г. численность албанцев равнялась 498 242 или 68,45%, сербов – 171 911 или 23,62%, черногорцев – 28 050 или 3,85% [6, с. 345]. Аналогичная ситуация имела место в Македонии. В послевоенный период происходит абсолютная депопуляция более чем 500 македонских сел в западной части Македонии, а в 562 поселках остается менее 100 жителей македонской национальности. Исследования демографических изменений в послевоенный период в западной Македонии показывают, что с 1948 г. по 1971 г. численность населения сел, в которых проживало албанское население, увеличилось на 56%; в смешанных по своему этническому составу селах численность албанского сегмента возросла на 50%. В то время как демографический рост македонского населения в том же регионе снизился на 4% [6, с. 346].

Албанизация славянских земель происходила под чётким руководством Компартии Югославии и лично Тито. 6 марта 1945 г. было принято постановление «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания», т. е. в Македонию, Косово, Метохию, Срем и Воеводину. Площадь земель невернувшихся сербов и черногорцев составляла, по некоторым сведениям, около 25 тыс. га – все это было отдано албанцам. Кроме того, после 1948 г. в край были переселены тысячи беженцев из Албании [17, с. 141].

Резкий рост мусульманского населения в Македонии был определён массовой миграцией мусульман из Косова, Санджака, Боснии и Герцеговины. Только с 1951 по 1956 гг. в Македонию из этих районов переселилось около 20 тыс. и

более 50 тыс. мигрантов из Албании, которым, в духе лозунга «братства и единства» югославское руководство предоставило гражданство СФРЮ [28, с. 46]. Усугубляла ситуацию высокая фертильность албанских женщин, что за 40 лет привело почти к четырёхкратному увеличению албанской общины в Македонии, концентрации албанского-мусульманского населения и геттоизации (замкнутости) западной и северо-западной частей Македонии, где албанцы стали большинством. В настоящее время официально албанцы в Македонии составляют чуть более четверти населения страны; эксперты утверждают, что реально эта цифра достигает 30%. В Косово албанцы составляют 93%, тем самым эта политика является одной из самых этнически «чистых». В самой Албании албанцы представляют 82,6% населения⁴.

Необходимо отметить, что албанский элемент в Македонии, будучи самым многочисленным и самым организованным, послужил основой для религиозной и этнической идентификации остального мусульманского населения республики. Произошла албанизация исламской религиозной общины Македонии – ещё в социалистический период албанский язык вытеснил все остальные языки в исламских теологических училищах и мечетях.

Что же касается социально-экономических и политических предпочтений, то Конституция СФРЮ 1974 г. предоставила Косово и Метохии самые широкие за всю историю этой территории политические права: автономия стала полноправным субъектом федерации. При этом экономическое бремя содержания края осталось за федерацией. Косово постоянно дотировалось из Фонда федерации, имело льготы при распределении республиканских валютных средств и кредитов МБРР, пользовалось ассигнованиями из бюджета федерации для финансирования образования и здравоохранения [30, с. 58, 113]. Македонские албанцы пытаются сегодня повторить этот успешный эксперимент. Их действия направлены на создание в стране параллельных политических структур при сохранении единой социально-экономической сферы.

На протяжении всего социалистического периода процесс роста албанского национализма не прекращался, а автономный край Косово и Метохия оставались центром сепаратизма. Тем не менее, несмотря на это, официально «проблемы Косово» и шире – албанского вопроса в Югославии не существовало. В результате непродуманной (а может быть, именно продуманной) политики официального Белграда, албанское сепаратистское движение крепло, меняло тактику и упорно шло к своей неизменной цели – отделению края и объединению всех населенных албанцами территорий. Именно в социалистической Югославии албанский сепаратизм и ирредентизм окончательно сформировался в завершённую институциональную и идеологически обоснованную систему.

Почти сразу после разгрома ячеек «Бали Комбетар» в крае была создана сеть подпольных групп, члены которых занимались пропагандой албанизма, нала-

⁴ The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html> (дата обращения: 20.04.2018).

живали связи в руководстве страны. И уже к концу 1950-х – началу 1960-х гг. нелегальное движение за объединение «этнических албанских земель» приняло организованную форму. В 1961 г. А. Демачи основал «Революционное движение за объединение албанцев», позже оно стало называться «Национальное движение за освобождение Косова и других албанских земель». В Уставе движения было записано: «Основная и конечная цель движения – освобождение шиптарских (албанских) краев, аннексированных Югославией, и их объединение с матерью Албанией» [2, с. 24]. Чтобы достичь поставленных целей, предполагалось «употребить все средства» – и политические, и пропагандистские, и вооруженную борьбу, и общенародное восстание.

Уже в 1960-е гг. сепаратисты действовали довольно агрессивно – устраивали провокации и диверсии, оскверняли православные памятники, запугивали население. Однако для официального Белграда этих проблем словно не существовало, а те, кто все-таки осмеливались открыто обсуждать и осуждать анти-сербскую деятельность косовских, а фактически, албанских властных структур обвинялись в пособничестве «сербским националистам» и даже клеймились «врагами братства и единства» – официальной идеологии СФРЮ. В результате, в конце 1960-х гг. в крае было разрешено использование албанских национальных символов (национальных символов Албании), были созданы условия для максимально научного и культурного сотрудничества с Тираной. Эти достижения не замирили, а лишь придали силы националистам. Рост враждебности и постоянные угрозы жизни и безопасности вынуждали славянское население покидать край сербы и черногорцы: в период с 1961 до 1980 г. из Косова и Метохии уехало более 92 тыс. сербов и 20 тыс. черногорца [17, с. 169].

Причём, чем больше преференций получал край, тем более агрессивным становилось поведение албанцев. По мере расширения прав автономии росли сепаратистские требования. Союзный секретарь по внутренним делам СФРЮ Ф. Херлевич сообщал, что с 1974 до начала 1981 г. органами безопасности было обнаружено свыше тысячи человек, занимавшихся подрывной деятельностью с позиций албанского национализма. Многие из них были связаны с одной из самых экстремистских организаций – «Красным фронтом» – «проалбанской организации, которая базируется на территории западных стран, а направляется Албанской партией труда» [2, с. 25].

Чем были недовольны албанцы, понять довольно сложно. «Сербское рабство», о котором любили порассуждать местные диссиденты, на практике означало уровень жизни в несколько раз выше, чем в соседней Албании; свобода миграции, поездки в соседние европейские страны – были нормой для любого гражданина Югославии. Представители косовских албанцев присутствовали во всех структурах власти. Албанцы занимали должности председателя и заместителя председателя Президиума СФРЮ, заместителя председателя Скупщины СФРЮ, председателя Союзного веча Скупщины СФРЮ, председателя президиума ЦК СКЮ, председателя Президиума Союза социалистической молодёжи, председа-

теля Веча республик и краев Скупщины СФРЮ. В 15 странах албанцы представляли СФРЮ в качестве послов, трое были заместителями министра иностранных дел, трое были генеральными консулами. Албанцы имели генеральские погоны, были заместителями министра обороны, командующими территориальной обороны Косова. Они были представлены также в республиканских структурах Македонии и Черногории [17, с. 170].

Тем не менее, в марте 1981 г. в крае вспыхнуло широкомасштабное восстание, начался этап открытой борьбы за независимость. Кстати, в этом же году активизировалась финансируемая Западом оппозиция («Солидарность») в Польше. Совпадение по времени вряд ли случайно, однако в данном контексте важно другое: Тирана официально высказала поддержку сепаратистскому движению и осудила политику СФРЮ в отношении албанского населения Косова [16, с. 175]. В апреле 1981 г. ситуацию удалось взять под контроль, но жертв избежать не удалось: погибли девять албанцев и пять милиционеров. Силовое подавление не могло изменить ситуацию в крае, а лишь отсрочило решающую битву за отделение Косова.

Военный опыт албанской ирреденты

2 июля 1990 г., в тот же день, когда в Любляне была принята «Декларация о полном суверенитете государства Республики Словении», албанские делегаты Скупщины (законодательного собрания) Косова и Метохии проголосовали за «Конституционную декларацию», которая провозглашала край республикой. В ответ парламент Сербии распустил краевую скупщину, обосновав это решение царящими в крае беззаконием и нарушением порядка. Тогда 7 сентября делегаты распущенного собрания в обстановке полной секретности приняли новую конституцию края, провозгласившую край республикой и приступили к созданию параллельных политических и социальных институтов. Этот акт был расценен Белградом как антиконституционный и подрывающий территориальную целостность Сербии.

В условиях распада всей федерации вряд ли какие-либо меры смогли бы смягчить этот конфликт. Он уже перерос не только республиканские, но югославские границы, став фактором мировой политики – косовский кризис можно было использовать как инструмент давления на Сербию. Нужно было лишь дожждаться часа «X», когда вмешательство принесёт максимальные дивиденды в виде отделения от Сербии. Североатлантический блок уже в августе 1997 г. предупредил югославского президента о возможности вооружённого вмешательства в сербо-албанский конфликт. Кстати, весьма показателен ещё один факт. Буквально сразу после выборов 1992 г. Б. Клинтон в одном из выступлений, затронув тему Балкан, заявил, что в случае сербско-албанского конфликта, США будут на стороне албанцев и обязательно им помогут. В 1999 г. Клинтон сдержал свое слово [25, с. 369]

За два года до интервенции НАТО против Союзной республики Югославии с целью поддержки албанцев и интернационализации ресурсов Косова один из ведущих косовских оппозиционеров А. Власи зафиксировал, что период моделирования концепции будущего политического статуса Косова, период «концентрации политических сил», разработки политической инфраструктуры, интернационализации проблем края, полного единения албанцев на общей политической платформе завершился. «Назревает серьёзный поворот, перестройка политических сил для встречи с будущими событиями, чье дыхание уже ощущается» [36, с. 2-3]. Этот «переворот» ознаменовался выходом в 1998 г. на открытую политическую сцену нового игрока, до того момента подпольной террористической организации – Армии освобождения Косова (АОК). В 1999 г. были созданы её «дочки» – Армия освобождения Прешево, Медведжи и Буяновац (АОПМБ) и Армия национального освобождения (АНО).

Формально эти террористические образования распущены, но их ячейки существуют и могут в любой момент активизироваться. Значительная часть бойцов АОК, АОПМБ и АНО перешли на службу в государственные силовые структуры, не отказавшись от ценностных ориентиров. В марте 2014 г. при одобрении США и ЕС принято решение о преобразовании Сил безопасности Косово, созданных по инициативе и при поддержке стран НАТО, в Вооружённые силы Косова. Все организационные и законодательные процедуры в связи с созданием вооружённых сил завершены в конце 2016 г. Пока новая армия не многочисленная – насчитывает пять тыс. чел. и три тыс. резервистов. Но это лишь начало.

Что же касается АОК, то это была армия классического террористического типа, состоящая как из профессиональных военных, так и бандформирований и разного рода наемников. Самый большой поток исламских наемников шёл из Боснии и Герцеговины, в которой, по разным оценкам, в период с 1992 по 1995 гг. воевало от трёх до шести тысяч моджахедов. По некоторым данным, «в 1998 г. в Косово воевало около тысячи наёмников, из которых до 300 членов были членами «Аль-Каиды». Были среди борцов за «независимое Косово» и граждане США: в 1999 г. туда прибыла «атлантическая бригада» из 385 боевиков, преимущественно албанского происхождения» [31, с. 4]. В разные периоды общая численность АОК колебалась от 10 до 20 тыс. боевиков, что для небольшого края являлось реальной силой. Кроме того, АОК была тесно связана как с международным криминалом и наркотрафиком (деньги от продажи наркотиков шли на покупку вооружения и обогащение местных кланов), так и с международным терроризмом. Члены АОК проходили подготовку в секретных лагерях в Афганистане, Боснии-Герцеговине и ряде других мест; получали средства от посредников «Аль-Каиды» и иных запрещённых структур [25, с. 378].

Однако, несмотря на самые агрессивные методы ведения войны и внешнюю поддержку в виде как террористических организаций, так и благотворительных исламских фондов, АОК не смогла противостоять сербской армии и полиции и

к марту 1999 г. была выдвинута за пределы Косово. Вот именно тогда произошла интервенция США и НАТО – операция «Союзническая сила», как и в 1919 г. план Вильсона, предопределила частичное решение албанского вопроса и обозначила дальнейший вектор албанизации.

Несмотря на обретение независимости, пусть и «фантомной» [23], албанские боевики, лидеры которых стали государственными деятелями, прекрасно понимают, что они проиграли войну сербам. Реванш может быть только один: албанизация – поглощение новых территорий.

Обоснование вероятности сценария «Албанизация»

Высокая вероятность реализации сценария определена:

- особой идеологией (албанизм), которая ставит конкретную цель – включение всех албанонаселенных районов Балкан в общую политическую рамку. Достижение этой цели предполагает использование как «мягких», так и силовых методов;
- демографией (рождаемость в албанских семьях в среднем выше в два раза, чем в обществах соседних стран);
- большой патриархальностью, исключительной ролью кровных отношений, устойчивостью и закрытостью албанских семей, ни с чем не сравнимым жизненным укладом, а также очень сложным в изучении и специфическим языком;
- активной миграцией албанцев в соседние страны, но при сохранении закрытого характера албанской общины – ассимиляция инокультурными обществами практически нулевая;
- способностью формировать теневые и параллельные государственными структуры, начиная от системы обучения и заканчивая политической сферой (схема была апробирована в Косово и Метохии в 1990-е гг. и доказала свою состоятельность);
- тяжёлым и постоянно ухудшающимся социально-экономическим положением, выход из которого воспроизводит исторический путь албанцев: либо идти в служение сильному (Порта, Рейх, Вашингтон), либо криминал. В современных условиях ареал криминальной деятельности албанцев довольно широк: от наркотрафика и до торговли человеческими органами⁵;
- разветвлённой мафиозно-клановой структурой. Согласно «Белой книге» правительства Сербии, в Косово насчитывается 23 влиятельных криминальных клана, среди которых самыми значимыми являются кланы (фисы) Ахимети, Гаши, Геци, Люштаку, Тачи, Халити, Харадиная, Шабани, Яшари. Каждый фис имеет от трёхсот до тысячи членов, включая боевиков, многие из которых слу-

⁵ Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo [Электронный ресурс]. URL: <http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2010/ajdoc462010prov.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

жат в Вооружённых силах Косово. В самой Албании насчитывается до 30 фисов. На сегодняшний день в регионе существует два самых сильных клана – это фис Тачи в Косово и фис Бериша (экс-премьер Албании) в Албании [25, с. 453]. Все они связаны с международным криминалом и активно вписаны в схемы наркоторговли, торговли оружием, и контрафактом и в др. виды нелегальной деятельности;

- активной поддержкой сценария внешними игроками, которые рассматривают албанский фактор как эффективный способ окончательного закрепления своего и сдерживания российского (прежде всего, речь идёт об энергетических проектах) влияния в регионе;
- включённостью в структуры международного терроризма.

Ключевые параметры развития сценария

Выделим четыре ключевых параметра развития сценария, позволяющие посмотреть развитие ситуации в политической, экономической, военной и культурно-религиозной сферах.

1. Политическая сфера реализации.

Начавшееся переформатирование Европейского союза (Брексит) – важный фактор активизации сценария. Меняются не только институты и процедуры, утрачивается, «тает» мифология ЕС как «земли обетованной». В современных условиях вступление в ЕС (которое вряд когда-нибудь состоится для таких стран как БиГ, Македония, Сербия, Черногория, несмотря на принимаемые новые программы, типа «Достойной перспектива расширения и активизация взаимодействия ЕС с Западными Балканами»⁶) не даёт материального благополучия и даже наоборот ведёт к обнищанию (достаточно посмотреть на развитие Болгарии, Румынии, Хорватии), поэтому не рассматривается албанской молодёжью как конечная цель. Албанцы хотят строить полностью свой мир. И готовы бороться за него любыми (силовыми, террористическими, демографическими) способами. Замораживание процессов евроинтеграции снимает с повестки дня вопросы территориальной целостности и территориальных споров, наличие которых служило одним из препятствий к вступлению в ЕС. Таким образом для албанцев открывается «коридор возможностей»: отторжение части территорий с подавляющим албанским населением. Это, во-первых.

Во-вторых, происходит ужесточение политики США-кластера ТНК как меры по сдерживанию и оказанию наибольшего ущерба (включая репутационные издержки) России (своего рода реванш за Сирию) и борьбы за транспортные коридоры. В такой ситуации албанцы (как и сто лет назад – план Вильсона) оказываются главным другом США на Балканах и будут использоваться против

⁶ Братерский А. Жесткие условия: Европа отложила Балканы в долгий ящик. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/07_a_11639893.shtml

фактических и потенциальных союзников России в лице православных народов, прежде всего, сербов и македонцев.

Учитывая исключительное значение внешнего фактора в балканской политике, очевидно, что ключевая роль в активизации начального этапа сценария «А» будет принадлежать МИ-6, ЦРУ и Пентагону, которые являются главными военными и разведывательными кураторами албанцев. Прямое военное вмешательство возможно как реакция на заранее подготовленную провокацию. Например, нарушение прав албанцев, желающих провести референдум об отделении западной части от Македонии или Санджака от Сербии.

События могут развиваться по следующей схеме:

- ▶ столкновения на улицах переходят в горячую фазу,
- ▶ правительство использует войска,
- ▶ албанцы формируют «правительство национального спасения»,
- ▶ диаспора при поддержке ЦРУ создаёт «общество друзей Македонии (Сербии)» и далее все по хорошо отработанному в Ливии и Сирии сценарию (бесполётная зона, резолюции ООН, превентивные удары).

Однако для НАТО будет довольно сложно выработать единую позицию по албанскому вопросу. Сценарий поддержат Албания, Словения и Хорватия, с большой долей вероятности позитивно к нему может отнестись Румыния. Скорее всего не поддержат Болгария, Венгрия, Греция, Черногория. На как показывает исторический опыт, всё зависит от степени давления на политические группы и уровень предпочтений, которые они могут получить.

В условиях реализации сценария Сербия окажется перед выбором: вступить в НАТО либо формировать военный союз с Россией. Очевидно, что от албанского фактора НАТО их не защитит, и население это прекрасно понимает. Понимают и политики, но здесь вступают в силу условия политического торга. Официальный Белград ждёт, что Россия не только полностью возьмёт на себя бремя расходов на защиту Сербии, но и сделает «интересное» предложение политикам. Тем не менее прогнозы по вступлению в НАТО Сербии более адекватны (такой вариант будет самым страшным поражением России в регионе после 1999 г.), чем прогнозы относительно Боснии и Герцеговины (БиГ) или Македонии, где уже есть американские военные базы.

2. Экономическая сфера реализации:

Трансформация ЕС, учитывая что территории проживания албанцев – самые бедные в Европе и существуют в основном за счёт еврокредитов, наркотрафика и иных видов криминальной деятельности, может стать триггером сценария. Не исключено использование прямых угроз в деле выторговывания у деградирующего ЕС ассигнований и иных форм содержания.

На каком-то этапе могут быть сформированы новые региональные экономические блоки-миньоны. Их центрами могут быть Германия (к ней тяготеют Болгария, Словения и Хорватия, возможно мусульманская часть БиГ); Сербия (плюс Республика Сербская, часть Македонии); Венгрия; Румыния. Турция как

«неоосманская империя» для Албании и Косово, южных частей Сербии, части Македонии и северо-восточный районов Греции может стать историческим центром притяжения.

Для России процесс экономического и политического разложения ЕС формирует возможности усиления экономической интеграции со славянскими землями Западных Балкан. Всё это будет происходить на фоне дальнейшего обнищания населения, усиления социального расслоения, роста напряженности. Данные процессы можно охарактеризовать как архаизацию больших пространств и масс населения.

Экономика стран региона импортозависимая. Главным экспортёром останется европейское пространство. Российское присутствие в экономике стран Западных Балкан наиболее ощутимо в сфере энергетики. Строительство «Турецкого потока», противодействие которому будет не меньше, чем «Южному», способно закрепить существующее влияние РФ в регионе. Однако жёсткая конкуренция на мировом энергетическом рынке может привести к реанимации сценария «арабской весны». «Балканская весна» будет направлена на дестабилизацию тех стран, которые будут поддерживать «Турецкий поток». Сирийский «гамбит» вполне применим к Балканам и будет связан с энергетическими транзитными коридорами, что может послужить ускорителем создания «Великой Албании». Кроме того, в Албании, БиГ, Македонии и Сербии будет усиливаться турецкое и китайское экономическое присутствие. Причём речь идёт не только о прямых инвестициях в экономику. Китай и Турция все активнее представлены в гуманитарном пространстве: открываются культурные и образовательные центры, формируются информационно-коммуникативные сети (СМИ, НКО и др.).

Как уже отмечалось, значительную роль в экономике Западных Балкан играет наркотрафик, за балканский маршрут которого отвечают албанские фисы (кланы). В рамках маршрута действуют пять основных каналов транспортировки:

1. *Албанский маршрут* идёт через Албанию, Македонию, Косово и Метохию, Центральную Боснию и далее в Европу. Проходит преимущественно по территориям компактного проживания албанцев.

2. *Зелёный («Зетра»)* – начинается в Турции, проходит через населенную мусульманами Южную Болгарию, захватывает Македонию, использует как перевалочную базу Прешево в Южной Сербии и заканчивается в Боснии. Направление «Зетра» (Турция – Босния), будучи одним из главных направлений криминального транзита, исторически является также магистральным путём проникновения ислама в Европу.

3. *Маршрут «Д»*, или путь через Дубровник. Проходит через пограничный переход «Дебели брег».

4. *Маршрут «Р»*, или путь через Риеку используется только при наличии надежных логистических центров в Хорватии.

5. *Северный маршрут* обеспечивает поставку наркотиков с территории Балкан через Чехию в Скандинавские страны [18, с. 14-15].

Использование того или иного направления во многом зависит от времени года: зимой некоторые маршруты практически непригодны. Военные столкновения, что приведёт к ускорению албанизации, могут начаться за передел зон контроля и/или за расширение коридоров наркотрафика.

3. Военная сфера реализации:

Реальной военной силой в регионе, обладающей современным вооружением, системой военных баз, отработанной логистикой, а также имеющей политическую поддержку политического руководства балканских стран в ближайшие годы, будет оставаться НАТО. Однако наметившийся тренд трансформации альянса и новые условия войны (о чём свидетельствует опыт Сирии) определяет усиление роли частных военных компаний, главной задачей которых будет защита военных и инфраструктурных объектов и новых военных структур национальной дислокации. Например, ускоренными темпами идёт усиление Армии Косово.

В то же время не исключено создание в региональных рамках военных союзов исламских стран. По имеющимся источникам, Саудовская Аравия, Иран, «Аль-Каида» и «Хезболла» совместно работают над созданием исламистской армии в Европе, которая должна насчитывать около 750 тыс. солдат. Центры по рекрутированию расположены в мечетях по всей территории Косово, Сербии, Македонии, БиГ и Албании, построенных за счёт арабских стран⁷.

Однако это пока в планах, но уже сегодня страны Западных Балкан являются важной зоной рекрутинга боевиков для участия на стороне террористических организаций (прежде всего, это ИГИЛ и «Фронт ан-Нусра»). В частности, в Косово на границе с Албанией и Македонией (районы Джаковицы, Урошеваца, Дечани, Призрена и Печа) оборудованы пять тренировочных баз ИГИЛ⁸. Обязательное военное обучение включает такие курсы, как «городская герилья», «системы вооружения», «обработка взрывчатых веществ». После двухмесячного обучения, молодые моджахеды получают оклад в размере 500-700 дол. (внутренняя сумма для бедных балканских стран), а после трёх месячного курса получают униформу и оружие, которое по возвращении домой прячут и ждут приказа на выдвижение в боевые зоны⁹. Сейчас комбатанты едут на Ближний Восток, но в условиях реализации сценарий эти силы будут задействованы на региональном уровне.

⁷ Gulevich V. Balkans: US-Style Wahhabism. URL: http://www.gab-bn.com/IMG/pdf/Re3-_Balkans_US-Style_Wahhabism.pdf

⁸ ISIS-Daesh Training Camps in Kosovo, Recruitment of Terrorists by NGOs [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalresearch.ca/isis-daesh-training-camps-in-kosovo-recruitment-of-terrorists-by-ngos/5537652> (дата обращения: 20.04.2018).

⁹ Дрецун М. Косово легло джихадиста // Документарни серијал «Изазови истине» [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kr6u6yug4_qQ (дата обращения: 20.04.2018).

Обучение ведут боевики формально в 1999 г. Армии освобождения Косово и ИГИЛ. Последних – вернувшихся из зон конфликтов – в каждом лагере по несколько человек. Именно они решают, что делать с «новоиспечённым террористом – отправлять в зону боевых действий или готовить к роли смертника»¹⁰.

В 2014 г. в Сирии на стороне ИГИЛ воевало 120 боевиков из БиГ, 93 – из Сербии (преимущественно из Санджака), более 30 – из Косово, 60 – из Македонии и Черногории. Из балканских ваххабитов была создана отдельная боевая бригада – Йайш Муххамед Катипа. По словам руководства Свободной сирийской армии, эта единица является самым радикальным военным формированием в Сирии. Показательно, что её лидер – Байро Иканович был осуждён за терроризм в БиГ¹¹.

За два года число балканских боевиков выросло в несколько раз. Согласно информации, предоставленной в июне 2016 г. президентом Македонии Г. Ивановым, в Сирии воевали 110 бойцов из Македонии, 25 зарегистрированы как погибшие, а еще 86 уже вернулись в республику¹². В апреле 2015 г. The Economist приводил другие цифры: активное участие в войне на Ближнем Востоке принимают 232 лиц из Косово, 330 – из Боснии, 90 – из Албании, 70 – из Сербии и 12 – из Македонии¹³.

Важно, однако, не количество бойцов на данный момент времени, а тенденции. Ш. Курсани, изучавший рост экстремизма в 22 европейских странах, пришёл к выводу, что по количеству джихадистов на душу населения Косово занимает первое место. БиГ – второе, Албания – четвёртое. По данным на 2016 г., в ряды ИГИЛ вступили 314 косовских албанца, включая двоих террористов-смертников [34]. Все чаще с боевиками в Сирию и Ирак едут женщины и дети.

Косово известно не только разветвлённой сетью подготовки боевиков, но и является важным перевалочным пунктом для радикалов, приезжающих из исламских стран Залива в Европу. Исползованию этого транзитного коридора способствуют низкий уровень пограничного контроля в Косово и существование «зон неправа» в провинции [26, с. 75]. Многие из транзитёров остаются в крае, где становятся либо инструкторами в лагерях подготовки боевиков, либо сами проходят обучение.

4. Культурно-религиозная сфера реализации

Радикальные исламистские взгляды охватывают всё большую аудиторию, формируя симбиоз албанизма и исламизма. Довольно активно ведут себя среди

¹⁰ Канунникова Т. Прогнозы сбываются: Косово становится логовом исламских террористов [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@tdk1/411627> (дата обращения: 20.04.2018).

¹¹ Више од 300 исламиста могло би да се врати у ЦГ, Србију, БиХ, Македонију, Косово [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vijesti.me/svijet/vise-od-300-islamista-moglo-bi-da-se-vrati-u-cg-srbiju-bih-makedoniju-kosovo-171133> (дата обращения: 20.04.2018).

¹² Обраќање на Претседателот на Република Македонија, д-р Горге Иванов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.gov.mk/mk/2011-06-17-09-55-07/2011-07-19-10-40-39/3849.html>

¹³ Balkan warriors abroad: Fight the good fight [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21648697-western-balkans-peace-some-go-abroad-look-war-fight-good-fight>

албанского населения агитаторы ИГИЛ. Вербовочная деятельность всегда начинается в мечети. Поэтому важным фактором роста радикализации молодёжи стран Западных Балкан является строительный бум мусульманских культовых сооружений, продолжающийся на Балканах с середины 1990-х гг. Мечети, как правило, строятся за счёт средств частных компаний из Катара, Кувейта, Саудовской Аравии, Ливии. Хотя и не редки случаи, когда спонсором выступают правительства этих стран. Например, в Македонии только по пути из Скопье до Гостивара построено 88 новых мечетей. Практически, в каждом населённом пункте Македонии сегодня есть мечеть, даже там, где не проживают мусульмане¹⁴. В Косово после 1999 г. на деньги королевского дома Саудов было построено 240 мечетей. Всего в крае сейчас насчитывается 800 мечетей [34].

Обработкой сознания молодёжи занимаются не только проповедники, но и целая сеть исламских НКО. Например, в Косово работают Saudi Joint Relief Committee; Al Haramain Humanitarian Foundation; Al Wakt I Islami; World Association of Muslim Youth; Islamic International Relief Organization; Global Relief Foundation; Revival of Islamic Heritage Society; Kalliri Il Millerise¹⁵.

В Албании пропагандой радикального ислама занимаются, в частности, Хафизии центры, расположенные во многих городах и финансируемые фондом Drita, получающим средства из Саудовской Аравии и Кувейта, а также фондом «Муназат аль Дава аль Исламия», по некоторым данным связанным с «Аль-Каидой». Однако самый известный среди такого рода структур – институт «Эль-Хагри» в городе Эльбасане. Его финансирует кувейтский «Комитет доброты». Все центры и институты имеют свои частные школы, где обязательно изучается Коран на арабском языке. Отобранные по разным критериям учащиеся этих заведений позже отправляются в исламские школы в Саудовскую Аравию, Пакистан, Йемен, Египет. По возвращении в Албанию после четырёхлетнего обучения молодые люди формируют собственные группы или ячейки, плотно вписанные в сеть исламских структур¹⁶.

В Македонии самые влиятельные ваххабитские общины расположены вдоль границы с Косово – в Куманово, Тетово, Гостиваре, Струге, а также в Скопском регионе [12]. Этнический состав движения – преимущественно албанцы и македонцы-мусульмане (торбеши), есть незначительное число боснийцев и турок. Лидерами движений являются албанцы из Скопского региона, у которых имеются прочные связи с Косово.

С 2002 г. в северо-западной части республики действуют две исламистские единицы, состоящие из боевиков-моджахедов из Саудовской Аравии, Афга-

¹⁴ В Македонии растёт число нелегальных мечетей, финансируемых арабскими странами [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/02/19/v_makedonii_rastyot_chislo_nelegalnyh_mechetej_finansiruemyh_arabskimi_stranami/

¹⁵ Дрепун М. Косово легло джихадиста // Документарни серијал «Изаови истине» [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kr6u6ug4_qQ

¹⁶ Локсиф Д. Радикални ислам на Балкану (1): где се школују будући терористи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Tema-dana/334971/Radikalni-islam-na-Balkanu-1-Gde-se-skoluju-buduci-teroristi>

нистана, Боснии, Косово и Чечни¹⁷. Одной из главных целей этих организация является формирование устойчивого базиса для исламского общества в стране, в том числе посредством распространения радикального ислама среди молодёжи [13].

Вместо заключения: можно ли купировать сценарий?

Опрос, проведённый в 2010 г. Институтом Гэллага в сотрудничестве с Европейским Фондом для Балкан, показал, что 62% респондентов в Албании, 81% в Косово и 51,9% респондентов-албанцев в Македонии поддержали создание «Великой Албании». Подавляющее большинство респондентов – более 95 % в целом в трёх странах, заявили, что если такое государство будет создано, то оно должно включать Албанию, Косово и часть Македонии¹⁸. На основе косвенных данных, личных наблюдений и оценки материалов СМИ могут утверждать, что за прошедшие восемь лет эти цифры выросли.

Справедливости ради следует отметить, что представители политических кругов Албании избегают использование выражений «Великая Албания» и «паналбанизм». Они дипломатично говорят об «албанском национальном вопросе», трактуя его как «движение за освобождение албанских земель от иностранной оккупации и их объединение в отдельное национальное государство» [35, с. 5]. Однако, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. На экспертном уровне, не говоря уже о бытовом давно, признано, что мечта албанцев об объединении является «частью их коллективного сознания» и не стала пока политической программой лишь в силу военной и политической слабости албанского политического класса¹⁹. Пока зреет элита, полным ходом идет формирование великоалбанского сознания. Почти в любом книжном киоске в Албании и Косово можно купить карту «Этнической Албании», которая включает собственно Албанию, Косово, южносербские общины Прешево, Медведжа и Буяновац, значительные части Македонии, Черногорию со столицей Подгорицей и греческую область Эпир. Главным городом признается – ни много, ни мало – македонская столица Скопье.

В заключение еще раз следует подчеркнуть, что несмотря на всю мифологию и идеологическое обоснование территориальных претензий албанцев, определяющая роль в албанизации Западных Балкан принадлежит внешним игрокам, оказывавшим непосредственную политическую, информационную, логистическую и финансовую поддержку его проводникам. Среди них выделяются США, Турция, Саудовская Аравия, транснациональные компании, ряд международ-

¹⁷ Dettmer J. Al-Qaeda's Links in the Balkans [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kosovo.net/alqinkos.html> (дата обращения: 20.04.2018).

¹⁸ Poll Reveals Support for «Greater Albania» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/survey-greater-albania-remains-popular> (дата обращения: 20.04.2018).

¹⁹ Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana-Brussels, 2004. P.2 [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/untc/unpan014972.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

ных террористических организаций и преступных группировок, а также частных военных компаний и иностранных спецслужб (МИ-6, БНД, ЦРУ, турецкая разведки). Создание мощного албанского анклава в регионе видится ими как управляемый и эффективный противовес возможности усиления Сербии, за которой стоят российские интересы.

Центром/ядром реализации сценария албанизации будет т. н. «Республика Косово». Главными акторами процессов албанизации являются вооружённые силы Косова, албанские парамилитарные образования, принадлежащие албанской мафии и способные вести партизанскую войну (опыт АОК, АОПМБ и АНО); частные военные компании; поддерживающие проект политически и финансово США, Великобритания, Турция, арабские монархии.

Единственный региональный фактор, способный сдержать албанизацию – сербы. Причём речь идёт не о политических, а об общественных структурах. На политическом уровне имеет место постепенное сближение позиций сербского, македонского, албанского и косовского руководства по целому ряду вопросов. В то же время при усиливающемся давлении и агрессивной риторике по отношению к Сербии и Республике Сербской очевидным вариантом выживания видится создание современных мобильных военных структур, что невозможно, учитывая экономическую слабость этих стран, без прямого участия России. Только при серьёзных финансовых, технологических и организационных вливаниях с нашей стороны можно реанимировать практически уничтоженную сербскую армию.

Реализация сценария «Албанизация» вне зависимости от вариативности процессов – создание паналбанской политики или сообщества исламских общин – приведёт к переформатированию политического пространства Западных Балкан, к открытым конфликтам и даже войнам. В сложившихся условиях единственным способом купирования сценария, прямые последствия которого в мягкой форме – криминализация и архаизация всех сфер жизни; в жёсткой – гетто православных народов, является политическая, экономическая, военно-техническая и информационная поддержка главных союзников России в регионе – сербов. Нужно в срочном порядке и в корне пересмотреть свою внешнеполитическую стратегию и работать над включением Сербии и Республики Сербской, а также Македонии в «цивилизационное пространство России» [27, с. 22]. Необходимо жёстко и чётко зафиксировать геополитическую «красную линию», нарушение которой будет рассматриваться нашей страной как угроза национальной безопасности. Только так можно остановить процессы албанизации и сохранить поликультурную зону Западных Балкан.

Список литературы

1. Албания и албанското идентичности. Софиа: Межд. център по пробл. малцинствата, 2003. 301 с.
2. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. I (1878-1997 гг.). М.: Индрик, 2006. 312 с.
3. Албанский фактор кризиса на Балканах. Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2004. 192 с.
4. Арляпова Е.С. Национализм – друг и враг «Восточного партнерства» // Международная жизнь. 2014. № 9. С. 79-95.
5. Ачкоска В. Идејата за «Голема Албанија» и албанизацијата на Западниот дел на Република Македонија // Вест. 07.05.2001. № 248.
6. Батаковић Д. Нова историја српског народа. Београд: Наш дом, 2002. 362 с.
7. Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. Скопје: Мугри 21, 1994. 276 с.
8. Валев Э.Б. Югославский клубок // География. 1996. № 13. С. 3-6.
9. Вишняков Я.В. «Сербская Голгофа» глазами русских дипломата и генерала // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 52-59.
10. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
11. Документы внешней политики СССР. Т. I (11.07.1917 – 31.12.1918 гг.). Ред. коллегия: Земсков И.Н., Майоров С.М., Садчиков И.В., Хвостов В.М., Штейн Б.Е. М.: МИД СССР, 1957. 772 с.
12. Зафировски Е. Тепаните имами предупредуваат: насилството ќе продолжи се додека Сенун Бриша е на слобода // Време. 2005. 6 јуни.
13. Зафировски Е. Во ИВЗ се води битка меѓу радикалниот ислам и традиционалниот ислам // Време. 2015. 6 јуни.
14. Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 367 с.
15. История Югославии. В 2-х т. / под ред. Ю.В. Бромлея. Т. I. М.: АН СССР, 1963. 735 с.
16. Коматина Б. Југословенско-албански односи 1979-1983: Белешке и сећања амбасадора. Београд: Службени лист СРЈ, 1995. 412 с.
17. Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878-2000. – Београд: Ин-т за савремену историју, 2001. 316 с.
18. Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневого политик. Аналитический доклад. М.: ИНФРА-М, 2008. 32 с.
19. Олдридж Дж. Дипломат // Олдридж Дж. Избранные произведения в 2-х т. Т. I. М.: Радуга, 1984. С. 5-752.
20. Петрановић Б. Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд: Службени лист, 1993. 170 с.
21. Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. Т. II. М.- Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 206-214.
22. Платошкин Н.Н. Эди Рама – новая албанская реальность // Международная жизнь. 2017. № 8. С. 68-75.
23. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. 2009. № 1. С. 69-84
24. Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО-Университет, 2010. 252 с.
25. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / De Conspiratione. Сб. монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 331-522.
26. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Государство-бандит»: Косово в мировой системе // Обозреватель. 2013. № 5. С. 67-76.
27. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель. 2013. № 9. С. 18-30.
28. Студија за регионален развој на Република Македонија. Скопје: Фонд за развој на недоволно развиени општини, 1992. 78 с.
29. Терзич С. Историческая подоплека событий в Косово и Метохии // Обозреватель. 1998. № 10. С. 37-41.
30. Факты о Югославии. Београд: Београдски издавачко-графични завод, 1985. 136 с.
31. Чугунов К.В. Балканский рай для террористов // Неизвестная разведка. 2004. № 1. С. 4-6.
32. Штепан Х.Л. Македонскиот јазол. Скопје: Азбуки, 2005. 439 с.
33. Agani F. Intervju... // Intervju. Beograd. 1996. Br. 374. S. 23.
34. Gall C. How Kosovo Was Turned Into Fertile Ground for ISIS // The New York Times. 21 may 2016
35. Platform for the Solution of the National Albanian Question, Albanian Academy of Sciences. Tirana: Shkenca, 1998. 49 p.
36. Vlasi A. Nojev reflex srpske vlasti // Naša borba. Beograd. 13-14 dec. 1997. S. 2-3.

Об авторе:

Елена Георгиевна Пономарева – д. полит. н., профессор, президент Международного института развития научного сотрудничества (МИРНАС). Россия, 115035, ул. Пятницкая, 25/1.
E-mail: nastya304@mail.ru.

THE ALBANIAN FACTOR OF DESTABILIZATION OF THE WESTERN BALKANS: SCENARIO APPROACH

E.G. Ponomareva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124

International Institute of the Development of Science Cooperation (MIRNaS)

The Albanian factor of the Balkan policy, which received its first institutional design in the late 19th century – “Prizrenskaya League”, is currently a serious destructor of the situation in the Western Balkans (Albania, Bosnia and Herzegovina (BiH), Macedonia, Serbia, Montenegro and partially recognized Kosovo).

On the basis of historical, demographic, cultural, religious and political facts the article explores the nature of Albanian irredentism and provides a substantiation of the possibility of implementing the scenario of “Albanization”, the development of which can proceed in two directions. In the first case the question is of creating a pan-Albanian (con)federative polity under the provisional name of “Great Albania” in the territories of Albania, Kosovo, western Macedonia (Republic of Ilirida), south-eastern Montenegro (Malesia) and north-western Greece (Chameria). In the second case the question is of the unification of the territories of Albanian residence through the association of Islamic provinces of the countries of the region. Special role in the implementation of the scenario is played by the structures of international terrorism which regard Kosovo as one of the central training zones for militants. Substantiation of the probability of the development and implementation of the scenario is given in four key parameters, including political, economic, military and cultural and religious spheres.

Among the main actors of the scenario the author singles out the armed forces of Kosovo, Albanian paramilitary formations on the territory of western Macedonia, transnational corporations, private military companies, as well as the United States, Britain, Turkey and the Arab monarchies who support the project politically and financially.

The article concludes that there is a need for an objective political assessment of the situation in the region, an analysis of security threats and risks of another round of destabilization of the Western Balkans. It has not only scientific but also practical implications for the formation of the Russian foreign policy agenda.

Key words: the Western Balkans, Albanization, irredentism, separatism, “Great Albania”, international terrorism, world politics

References

1. *Albania i albansko identichnosti* [Albania and Albanian identity]. Sofia, International centre for minority issues Publ., 2003. 301 p. (in Bulgarian).
2. *Albanskii faktor v razvitiu krizisa na territorii byvshei Iugoslavii. Dokumenty*. Vol. I (1878-1997). [The Albanian factor in the development of the crisis in the former Yugoslavia. Documentation]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 312 p. (in Russian).
3. *Albanskii faktor krizisa na Balkanakh* [The Albanian factor of the crisis in the Balkans]. Moscow, Institute of scientific information on social sciences Publ., 2004. 192 p. (in Russian).
4. Arliapova E.S. Natsionalizm – drug i vrag «Vostochnogo partnerstva» [Nationalism is a friend and enemy of the “Eastern partnership”]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Life*, 2014, no 9, pp. 79-95 (in Russian).
5. Achkoska V. Idejata za “Golema Albanija” i albanizacijata na Zapadniot del na Republika Makedonija [The idea of “Greater Albania” and albanization of Western Macedonia]. *Vest – News*, 2001, no 248. (in Macedonian)
6. Batakovich D. *Nova istorija srpskog naroda* [New history of Serbia]. Belgrade, Nash dom Publ., 2002. 362 s. (in Serbian)
7. Batkovski T. *Velikoalbanskata igra vo Makedonija* [Albanian game in Macedonia]. Skopje, Mugri 21, 1994. 276 s. (in Macedonian)
8. Valev E.B. Yugoslavskij klubok [The Yugoslav tangle]. *Geografija – Geography*, 1996, no 13, pp. 3-6. (in Russian).
9. Vishnyakov Y.V. “Serbskaya Golgofa” glazami russskih diplomata i generala [“Serbian Calvary” through the eyes of Russian diplomat and General]. *Voennno-istoricheskij zhurnal – Military-historical magazine*, 2016, no 4, pp. 52-59 (in Russian).
10. Gus'kova E.YU. *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990-2000)* [History of the Yugoslav crisis (1990-2000)]. Moscow, Russian law, 2001. 720 p. (In Russian).
11. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. I (11.07.1917 – 31.12.1918). Ed. by I. Zemskov, S. Majorov, I. Sadchikov, V. Hvostov, B. Shtejn]. Moscow, Ministry of Foreign Affairs of the USSR, 1957. 772 p. (in Russian).
12. Zafirovski E. Tepanite imami predupreduvaat: nasilstvoto ke prodolzhi se dodeka Senun Brisha e na sloboda [Imams warn that the violence will continue until Senun of Brisa on the settlement]. *Vreme – Time*, 2005, 6 June (in Macedonian).
13. Zafirovski E. Vo IVZ se vodi bitka među radikalniot islam i tradicionalniot islam [The battle between traditional and radical Islam]. *Vreme – Time*, 2015, 6 June (in Macedonian).
14. Ivanova Y.V. *Albanci i ih sosedi* [Albanians and their neighbours]. Moscow, Science, 2006. 367 p. (in Russian).
15. *Istoriya Jugoslavii. In 2 vol.* [History of Yugoslavia. Ed. by Y. Bromley. Vol. I]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1963. 735 p. (in Russian).
16. Komatina B. *Jugoslovensko-albanski odnosi 1979-1983: Beleshke i sehanja ambasadora* [Yugoslav-Albanian relations: notes and reflections of the Ambassador]. Belgrade, Service record of Yugoslavia, 1995. 412 p. (in Serbian).
17. *Kosovo i Metohija u velikoalbanskim planovima 1878-2000* [Kosovo and Metohija in the great Albanian plans]. Belgrade, Institute of modern history, 2001. 316 p. (in Serbian).
18. Ovchinskij V.S. «Nezavisimost'» Kosovo v zerkale tenevoj politiki. *Analiticheskij doklad* [Kosovo's “independence” is in the mirror of shadow politics. Analytical report.]. Moscow, INFRA-M, 2008. 32 p. (in Russian).
19. Oldridzh Dz. Diplomat [Aldridge J. Diplomat]. *Oldridzh Dz. Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [Selected works in 2 vol.]. Vol. I. Moscow, Rainbow, 1984. Pp. 5-752 (in Russian).
20. Petranovich B. *Jugoslovensko iskustvo sprpske nacionalne integracije* [The Yugoslav art of the Serbian national integration]. Belgrade, Service record, 1993. 170 p. (in Serbian).
21. Piš'mo E. Hodzhi v CK VKP(b) o predystorii vzniknoveniya kosovskogo voprosa

- i metodah ego resheniya. *Vostochnaya Evropa v dokumentah rossijskih arhivov. 1944-1953*. Vol. II [Letter of E. Hodga to the Central Committee of the CPSU(b) on the background of the emergence of the Kosovo issue and the methods of its solution. In "Eastern Europe in the documents from Russian archives. 1944-1953". Vol. II]. Moscow-Novosibirsk, Siberian chronograph, 1998. pp. 206-214. (in Russian).
22. Platoshkin N.N. Edi Rama – novaya albanskaya real'nost' [Edi Rama-new Albanian reality]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International life*, 2017, no 8, pp. 68-75 (in Russian).
 23. Ponomareva E.G. Bosniya i Gercegovina: gosudarstvo-fantom [Bosnia and Herzegovina: the phantom state]. *Svobodnaya mysl' – Free thought*, 2009, no 1, pp. 69-84 (in Russian).
 24. Ponomareva E.G. *Novye gosudarstva na Balkanah* [New States in the Balkans]. Moscow, MGIMO-University, 2010. 252 p. (in Russian).
 25. Ponomareva E.G. Proekt «Kosovo»: mafiya, NATO i bol'shaya politika [The project "Kosovo": the mafia, NATO, and big politics]. *De Conspiratione*. Moscow, Partnership of scientific publications KMK, 2013. Pp. 331-522 (in Russian).
 26. Ponomareva E.G., Rudov G.A. "Gosudarstvo-bandit": Kosovo v mirovoy sisteme ["State-bandit": Kosovo in the global system]. *Obozrevatel' – Observer*, 2013, no 5, pp. 67-76 (in Russian).
 27. Ponomareva E.G., Rudov G.A. Evrazijskaya integraciya i civilizacionnoe prostranstvo Rossii [Eurasian integration and civilizational space of Russia]. *Obozrevatel' – Observer*, 2013, no 9, pp. 18-30 (in Russian).
 28. *Studija za regionalen razvoj na Republika Makedonija* [Study on the regional development of the Republic of Macedonia]. Skopje, Development Fund Publ., 1992. 78 p. (in Macedonian)
 29. Terzich S. Istoricheskaya podopleka sobytij v Kosovo i Metohii [Historical background of events in Kosovo and Metohija]. *Obozrevatel' – Observer*, 1998, no 10, pp. 37-41 (in Russian).
 30. *Fakty o Jugoslavii* [Facts about Yugoslavia]. Belgrade, Belgrade publishing house, 1985. 136 p. (in Russian).
 31. Chugunov K.V. Balkanskiy raj dlya terroristov [Balkan Paradise for terrorists]. *Neizvestnaya razvedka – Unknown intelligence*, 2004, no 1, pp. 4-6 (in Russian).
 32. Shtepan H.L. *Makedonskiot jazol* [The Macedonian knot]. Skopje, A-B, 2005. 439 p. (in Macedonian)
 33. Agani F. Intervju... [Interview...]. *Intervju – Interview*. Belgrade, 1996, no 374, pp. 23 (in Serbian).
 34. Gall C. How Kosovo Was Turned Into Fertile Ground for ISIS. *The New York Times*, 21.05.2016.
 35. *Platform for the Solution of the National Albanian Question*, Albanian Academy of Sciences. Tirana, Shkenca Publ., 1998. 49 p.
 36. Vlasi A. Nojev reflex srpske vlasti [Noah's reflex of Serbian power]. *Nasha borba – Our struggle*. Beograd. 1997. 13-14 December. Pp. 2-3. (In Serbian).

About the author:

Elena G. Ponomareva – Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the President of International Institute of the Development of Science Cooperation (MIRNaS). Russian, 25/1, Pyatnitskaya St., Moscow, 115035. E-mail: nastya304@mail.ru.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р.Р. Гиматдинов, И.Р. Насыров

Аппарат Президента Республики Татарстан

Международные и внешнеэкономические связи субъектов федерации стали важным фактором социально-экономического развития регионов. Осуществляемые в русле единой государственной внешней политики они способствуют укреплению отношений дружбы и сотрудничества России с зарубежными странами. Открытие зарубежных представительств регионов с целью обеспечения их интересов является распространённой практикой. В обширной научной литературе по тематике парадипломатии исследуется вклад института зарубежных представительств в развитие внешних связей субнационального уровня, причины, побуждающие регионы создавать зарубежные миссии, политико-правовые условия деятельности представительств. Однако до настоящего времени не предлагалось унифицированной аналитической модели оценки эффективности работы зарубежных представительств как инструмента совершенствования их деятельности. Для решения задачи повышения эффективности деятельности представительств в дополнение к развитию системы индикативного управления предлагается адаптированный метод многокритериальной оценки, используемый при разработке сложных управленческих решений. Оба рассматриваемых подхода используют показатели результатов деятельности представительств, ориентированные на оценку реализованных проектов различной направленности. Формулировки индикаторов и иных содержательных компонентов описываемых методик уточнялись на основе практики деятельности зарубежных представительств Республики Татарстан. Предлагаемая модель может легко модифицироваться для представительств других субъектов Российской Федерации, которые, несмотря на разнообразие организационных форм деятельности, работают в общем политико-правовом поле и решают близкие по содержанию задачи.

УДК 367, 351/354

Поступила в редакцию 20.01.2018 г.

Принята к публикации 06.04.2018 г.

К важным достоинствам индикативного управления следует отнести стимулирующий эффект целевых индикаторов, который позволяет ориентировать представительства на реализацию приоритетных направлений сотрудничества. Среди преимуществ подхода на основе многокритериальной рейтинговой оценки деятельности представительств – возможность анализа совокупности достигнутых результатов по всем основным направлениям работы представительств, измеримость и удобство применения.

Предлагаемые методы имеют прикладной характер и могут быть рекомендованы для использования в исполнительных органах государственной власти, курирующих деятельность зарубежных представительств субъектов федерации.

Ключевые слова: парадипломатия, зарубежные представительства регионов, эффективность государственного управления, Татарстан

Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации так же, как и регионов многих децентрализованных государств мира, являются широко распространённой практикой. При этом регионы, не будучи полноправными участниками международного сотрудничества, имеют ограниченные и часто различающиеся полномочия в данной сфере. Тем не менее, в настоящее время различные формы международных контактов, среди которых преобладают экономические, поддерживаются регионами практически всех федеративных и децентрализованных стран. Вовлечённость в международные связи характерна также для регионов унитарных и сильно централизованных государств, например, Японии или Китайской Народной Республики [6]. Заметим, что для обозначения комплекса международных и внешнеэкономических связей регионов в литературе часто используется термин «парадипломатия», введённый И. Дучачеком [16, с. 15].

Развитие делового и культурно-гуманитарного международного сотрудничества субъектов Российской Федерации в русле единой внешней политики страны способствует укреплению отношений дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, а также становится одним из инструментов противодействия попыткам изоляции нашего государства.

Для экономически развитых регионов характерна более высокая интеграция в систему мировых хозяйственных связей. Так, объём внешнеторгового товарооборота у Санкт-Петербурга и Татарстана сопоставим примерно с половиной валового регионального продукта, а у Москвы – стабильно превышает половину его объёма. Одновременно эти три субъекта Российской Федерации имеют наиболее развитую систему зарубежных представительств различного формата: культурно-деловые центры «Дома Москвы», информационно-деловые центры Санкт-Петербурга, институт полномочных, постоянных и торговых представительств Республики Татарстан, функционирующий более 25 лет [3].

В целом, по оценке О.В. Плотниковой, к 2005 г. 17 субъектов Российской Федерации имели около 50 представительств в странах ближнего и дальнего зарубежья [7, с. 273].

Открытие зарубежных представительств регионов в иностранных государствах и международных организациях с целью обеспечения их интересов является широко распространённой практикой для регионов многих государств. Большинство американских штатов и канадских провинций имеют постоянные миссии за рубежом [16, с. 27]. Уже к концу 1990-х гг. число представительств американских штатов превышало 200. Канадские провинции содержат около 50 представительств за рубежом. Потенциал зарубежных представительств используют регионы Бельгии, ФРГ, Австрии, Испании, Австралии и других стран [6, с. 239-253]. Количество представительств европейских регионов в Брюсселе приближается к 250, а суммарная численность сотрудников представительств только немецких земель достигает 200 чел. (в среднем до 15 чел. в каждом) и превышает число сотрудников представительства ФРГ в Брюсселе [21, с. 257-258, 263].

Масштаб деятельности зарубежных представительств регионов привлекает к вопросам изучения их деятельности внимание многих зарубежных и отечественных исследователей. Одновременно формируется запрос на создание процедур оценки результативности работы представительств, поскольку большинство из них имеют бюджетное финансирование.

В настоящей работе изучаются подходы к повышению эффективности зарубежных представительств субъектов Российской Федерации, основанные на применении методов многокритериальной оценки теории принятия решений и целевых мотивирующих индикаторов. Исследование опирается на опыт внедрения методик оценки эффективности представительств Республики Татарстан на территории иностранных государств.

Степень изученности вопроса

Большое разнообразие организационно-правовых условий участия регионов в международном сотрудничестве, совокупность связанных с этим явлением внешне- и внутривнутриполитических вопросов, важность его для территориального развития субъектов федерации определяет возрастающий интерес к данной тематике. Актуальные проблемы осуществления внешних связей регионального уровня рассмотрены в выпущенной при поддержке МГИМО МИД России коллективной монографии «Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан» [5].

На начальных этапах формирования системы зарубежных представительств регионов наибольшую актуальность имели правовые и организационные вопросы их создания, статуса представительств и возможных последствий их функционирования для построения взаимоотношений регионов с федераль-

ным центром и, конечно, роль зарубежных представительств в развитии внешних связей регионального уровня.

Одним из первых на проблему выбора мер или индикаторов для измерения эффективности деятельности региональных правительств обратил И. Дучачек, отметивший, что не существует измеримых критериев, с помощью которых можно было бы точно оценить объём ожидаемых иностранных инвестиций на единицу средств, затраченных на эти цели представителями регионов во Франкфурте или в Брюсселе [15, с. 14].

Рассматривая этот вопрос с учётом накопленного к сегодняшнему дню опыта, следует констатировать, что для того, чтобы оценить соотношение затрат на привлечение иностранных инвестиций к объёму привлечённых средств недостаточно учитывать только затраты представительства на проведённую работу по привлечению инвестиций. К используемым ресурсам следует относить всю совокупность сопутствующих расходов. Например, это средства, затраченные на подготовку и проведение официальных и деловых зарубежных визитов, приём иностранных делегаций и участие в выставках, в ходе которых обсуждались вопросы привлечения инвестиций из соответствующей страны. Значительный объём имеют расходы на создание в регионе транспортной и производственной инфраструктуры для размещения промышленных и иных объектов инвесторов, а также на создание соответствующих условий для проживания иностранных специалистов, разработку законодательной базы. Необходимо принимать во внимание вклад в совместный проект отечественных участников, затраты на разработку бизнес-планов, маркетинговые исследования и т.д. Очевидно, что оценить все сопутствующие расходы крайне затруднительно.

Кроме того, существует множество примеров, когда проработка крупных инвестиционных проектов требует многолетних переговоров и большой подготовительной работы. В этой связи О. Айткен писала: «Давайте не будем недооценивать усилий политиков и чиновников, необходимых для обеспечения эффективной реализации международных проектов. Установление стабильных партнёрских отношений требует времени и значительных человеческих усилий» [12, с. 7].

В литературе количество открываемых регионами представительств и число работающих в них сотрудников обычно рассматривается как показатель объёмов и масштабов международных связей субнациональных акторов. Ф. Реквейхео связал это явление с увеличением бюджетных расходов и одновременно признал несовершенство методов исследования политики субъектов федерации в области внешних связей. Была отмечена необходимость создания аналитических моделей с более объективными сравнительными индикаторами, дополняемых процедурами определения соответствия результатов, достигнутых органами власти, сформулированным целям [20, с. 13]

В работе Й. Блаттера с соавторами по итогам анализа модели причинных зависимостей, определяющих географию и численность представительств ев-

ропейских регионов, делается вывод, что число зарубежных представительств отражает экономическую стратегию региона (в первую очередь, большой объём экспорта), а численность сотрудников в представительстве региона в Брюсселе характеризует значение политической составляющей (наличие региональных компетенций в области внешних связей и стремление участвовать в принятии решений на уровне ЕС). В обоих случаях также учитывалась необходимость финансового обеспечения представительств регионов [13, с. 176-177].

М. Тейсэм и М. Тау, анализируя причины высокой представленности европейских регионов в Брюсселе, дополнительно связывают её с численностью и плотностью населения региона, уровнем его экономического развития, а также с принадлежностью населения к этническому меньшинству или наличием особого статуса региона в стране [21, с. 266].

Российские эксперты, изучающие вопросы организации управления внешнеэкономической деятельностью субъектов федерации и совершенствования механизмов управления в данной сфере, не предлагают методик оценки эффективности деятельности зарубежных представительств российских регионов [1; 10]. Анализируя роль зарубежных информационных деловых центров (ИДЦ) Санкт-Петербурга в развитии внешних связей, Ю. Баженов и О. Подшувейт исследуют основные направления деятельности ИДЦ и перспективы её расширения, не останавливаясь на проблематике совершенствования координации деятельности самих деловых центров. Вместе с тем, рассматривая вопросы бюджетного финансирования деятельности ИДЦ, авторы признают актуальность повышения его эффективности [14, с. 53].

При исследовании международного сотрудничества как средства для продвижения региональных интересов и обеспечения стабильного развития на примере северо-западных регионов Российской Федерации П. Йониemi и А. Сергунин указывают на существование проблемы выбора соответствующих критериев оценки и недостаток надёжных (корректных) данных, которые на практике часто оказываются противоречивыми или недоступными. Одновременно признаётся отсутствие единых методик и даже общей терминологии при исследовании внешних связей регионов [17, с. 20]. Открытие зарубежных представительств авторы относят к набору инструментов развития внешних связей. При этом приводимые примеры проблемных ситуаций с финансированием деятельности отдельных представительств подтверждают сложность получения реальной отдачи от их работы, обосновывающей затраты на содержание представительств [17, с. 24]. Однако авторы не предлагают методы решения указанной проблемы.

А.С. Кузнецов, признавая, что многие области парадипломатии очень трудно поддаются формализации и корректной количественной оценке, отдаёт предпочтение качественным характеристикам международного сотрудничества регионов. Число зарубежных представительств региона он также предлагает использовать в качестве одной из показательных характеристик активности реги-

она в области внешних связей [18, с. 11-12]. А. Лекур относит отсутствие общих аналитических моделей для изучения парадипломатии к наиболее серьёзным недостаткам литературы в данной области [19, с. 92].

Отсутствие методик расчёта или измеримой оценки вклада зарубежных представительств в развитие внешних связей регионов в научной литературе можно объяснить ограниченным доступом академических исследователей к детальной информации о деятельности представительств. Эти данные доступны органам власти, которые, со своей стороны, не всегда имеют возможность обеспечить их соответствующую аналитическую обработку.

Необходимость создания модели повышения эффективности деятельности зарубежных представительств регионов на основе измеримых количественных и целевых индикаторов определила предпосылки для настоящего исследования. Предлагаемые в работе методы имеют выраженный прикладной характер. Это связано с тем, что представительства субъектов Российской Федерации большей частью финансируются из региональных бюджетов, поэтому неизбежно возникает задача обеспечения эффективности бюджетных расходов. При этом в системе контроля эффективности использования бюджетных средств в Российской Федерации получение корректных оценок опирается на анализ отраслевых индикаторов результативности бюджетных расходов. Как мы покажем далее на примере Республики Татарстан, использовавшиеся до настоящего времени индикаторы оценки деятельности зарубежных представительств имеют существенные недостатки и ограничения.

В Республике Татарстан для продвижения комплекса региональных внешнеэкономических и гуманитарных интересов за рубежом успешно используется институт зарубежных представительств. В настоящее время Татарстан имеет 15 зарубежных представительств в странах различных континентов – Америки, Европы и Азии. Открытие татарстанских представительств проходило поэтапно с 1992 г. с учётом требований формировавшейся нормативно-правовой базы внешних связей субъектов Российской Федерации [3, с. 137-139].

При решении задач повышения эффективности деятельности представительств Республики Татарстан, в дополнение к проработке целевых индикаторов, использовалась адаптированная техника принятия многокритериальных решений, основанная на методе построения иерархии взвешенных оценок, используемая, в частности, для моделирования процессов выбора товара потребителем [22].

Применение современных инструментов менеджмента и маркетинга к специфике деятельности представительств регионов, интегрированных в систему государственных органов исполнительной власти, осложняется наличием проблем, характерных для реорганизации нерыночной по своей природе государственной службы на основе моделей, разработанных для управления бизнесом. Это было выявлено, например, при реформировании государственного управления в Великобритании и США [11, с. 119]. Ещё один российский исследова-

тель И.В. Баранова, анализируя проблему поиска показателей эффективности для органов власти в целом, отмечает, что сложность их выбора для органов государственной власти и местного самоуправления проявляется в том, что эти учреждения не производят материальной продукции, по которой можно оценить степень удовлетворённости потребителя или иного результата реализации финансовой политики, который можно зафиксировать или количественно измерить [2, с. 130].

Учитывая вышеизложенное, отметим, что при решении поставленных задач многие содержательные компоненты методик пришлось адаптировать к вопросам организации деятельности региональных представительств впервые.

Теоретико-методологическая база исследования

Для субъектов Российской Федерации, вовлечённых в международную кооперацию, координация и поддержка деятельности участников внешних связей со стороны региональных органов власти направлена на осуществление целенаправленной работы по реализации основных задач регионального развития в сфере международного сотрудничества среди которых:

- продвижение продукции, работ и услуг отечественных производителей на внешних рынках, включая вопросы совершенствования структуры внешне-торгового товарооборота в сторону увеличения доли экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и диверсификации экспорта;
- привлечение иностранных инвесторов и передовых технологий для развития производственной базы и повышения конкурентоспособности отечественной продукции, участие зарубежных партнёров в реализации инфраструктурных проектов на территории региона и взаимосвязанные с этим задачи формирования благоприятного инвестиционного климата;
- накопление человеческого капитала, непосредственно затрагивающее сотрудничество в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры, работы с соотечественниками и международные социальные проекты;
- комплекс вопросов развития въездного туризма, а также проведение на территории региона массовых международных мероприятий, включая спортивные соревнования;
- другие направления работы, определяемые комплексными программами социально-экономического развития регионов.

Деятельность зарубежных представительств субъектов федерации направлена на содействие решению всего спектра задач международного сотрудничества регионального уровня.

Приоритетность торгово-экономических связей в данной сфере определяет возможность использования опыта реализации Концепции формирования «нового облика» торговых представительств Российской Федерации в иностранных государствах в части внедрения в их деятельность системы управления про-

ектами [4]. Ключевым показателем эффективности деятельности торгпредств определена работа по паспортам внешнеэкономических проектов российских компаний. Анализируя опыт торгпредств России в Болгарии, Финляндии, Японии и Великобритании, А.В. Комарова отмечает в целом эффективность использования практики внедрения управления проектами [4, с. 117]. Таким образом, для разработки методов оценки и повышения эффективности деятельности зарубежных представительств субъектов федерации целесообразно использовать проектно-ориентированный подход, учитывающий реализацию конкретных проектов.

При этом следует отметить, что спектр направлений работы зарубежных представительств регионов выходит за пределы торгово-экономического сотрудничества, кроме того, в их деятельности присутствует характерная для органов власти необходимость оперативного исполнения поступающих поручений и обращений по самому широкому кругу вопросов. Находясь в стране/регионе пребывания, представители должны решать любые задачи развития двустороннего сотрудничества, от организации мероприятий и официальных визитов, содействия реализации экономических и культурных проектов до оказания поддержки соотечественникам [3, с. 148]. В этой связи было принято решение расширить перечень категорий проектов, по итогам реализации которых проводится оценка, добавив гуманитарную сферу и работу с соотечественниками, а также предусмотреть необходимость учёта уровня организационной работы представительств.

Принимая во внимание необходимость обоснованного сравнения деятельности представительств на основании анализа многочисленных разнородных факторов, предлагается использовать методы теории принятия многокритериальных решений, в основе которых лежит иерархическая декомпозиция сложных задач с последующим синтезом (свёрткой) результатов промежуточных оценок подзадач [8].

Адаптация к практике представительств широко распространённого индикативного подхода оценки эффективности деятельности органов власти с использованием целевых показателей, ориентированных на объёмные характеристики внешнеэкономической деятельности, затрудняется необходимостью расчёта их прогнозных значений. Многие отечественные компании самостоятельно работают на внешних рынках, не взаимодействуя с зарубежными представительствами регионов. На государственном уровне, к которому относятся представительства регионов, осуществляется координация и организационная поддержка деятельности участников международного сотрудничества, её законодательное регулирование, реализуются налоговая и финансово-кредитная политика, а также применяются стимулирующие меры в рамках государственных целевых программ. Иными словами, органы власти в основном формируют условия развития международных и внешнеэкономических связей. Применение целевых индикаторов, привязанных к объёмным показателям итогов внешне-

экономической деятельности, осложняется высокой волатильностью конъюнктуры мировых рынков, включая зависимость от трудно прогнозируемых политических факторов. Однако, как мы покажем ниже, использование отраслевых целевых индикаторов может успешно использоваться для активизации работы представительств по актуальным направлениям сотрудничества.

Существует ещё один аспект, который необходимо учитывать при определении целевых показателей оценки эффективности представительств, финансируемых из бюджета. Это проблема рациональности выбора конечных целей и целевых показателей, к которым необходимо стремиться, сформулированная Яном Тинбергеном применительно к экономической политике. Основные шаги выработки оптимальной политики состоят в последовательном определении целевых показателей, инструментов, которые органы власти могут использовать для их достижения, и опоры на модель экономики, связывающую целевые показатели и политические инструменты их достижения, что должно обеспечить выбор оптимального масштаба применяемых мер [9, с. 641]. Интерпретируя данный подход к задаче выбора целевых показателей оценки эффективности представительств, следует стремиться к рациональному, комплексному решению, связывающему формулируемые целевые установки с административными, финансовыми и иными ресурсами, выделяемыми для их достижения, и организационной моделью, обеспечивающей достижение целевых показателей с использованием выделенных ресурсов.

Результаты исследования

Подверженность внешних связей совокупности динамично изменяющихся внешних (международных) и внутренних (внутригосударственных и региональных) факторов требует постоянного совершенствования организационных форм и методов их координации. В послании Президента Татарстана Государственному Совету республики была поставлена задача реформирования структуры представительств и организации их работы с учётом интересов дальнейшего развития Республики¹. Одновременно была начата работа по разработке методики оценки результативности и эффективности деятельности представительств Республики Татарстан.

В рамках системы индикативного управления экономикой региона в Татарстане введён государственный заказ на управление, который формируется для каждого органа исполнительной власти. В систему ежегодно утверждаемых индикаторов входят и плановые показатели для представительств республики.

Некоторое время в качестве индикатора оценки конечных результатов деятельности представительств Республики Татарстан использовался показатель

¹ Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Татарстан. 9 октября 2014. Режим доступа: <http://president.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/345897.htm>, (дата обращения 27.02.2018).

«Соотношение расходов на обеспечение деятельности представительств и объёма поставок несырьевой республиканской продукции в страны (регионы) пребывания представительств»². Впоследствии были предложены два индикатора: «Прирост экспорта продукции из Республики Татарстан в страну пребывания представительства, процентов» и «Прирост числа иностранных студентов и специалистов, прибывающих в республику для получения базового или дополнительного образования по рекомендации представительства, процентов»³. Однако указанные индикаторы не обеспечивают решения поставленных задач в полном объёме. В частности, это вызвано тем, что финансируемые из бюджета региональные представительства не занимаются непосредственно заключением и реализацией внешнеторговых контрактов. Они выступают организационно-связующими звеньями между отечественными производителями и деловыми партнёрами в странах и регионах пребывания, содействуя созданию благоприятных условий для сотрудничества и сопоставляя запросы предприятий-экспортёров с состоянием зарубежных рынков товаров и услуг. Причём это происходит на начальных этапах проработки проектов.

Что же касается второго индикатора, отражающего привлечение иностранных студентов в региональные вузы, то он оказался недостаточно корректным для оценки вклада в поддержку международного сотрудничества в образовательной сфере представительств, работающих в странах с высокоразвитыми системами образования (США, Франции, Финляндии, Швейцарии и др.).

Использование одного-двух индикаторов не позволяет отразить результаты работы представительств по ключевым направлениям их работы, охватывающим сферу внешнеэкономической деятельности, культурную, гуманитарную и иные составляющие внешних связей. С другой стороны, избыточное количество целевых показателей и индикаторов может привести к усложнению форм отчётности, что нежелательно для зарубежных представительств, зачастую имеющих ограниченные штаты сотрудников. Для каждого представительства целесообразно установить индивидуальный ограниченный набор целевых индикаторов, отражающий актуальные задачи развития внешних связей в данном географическом направлении, с учётом политического, экономического и социально-культурного контекста сотрудничества.

Методика использования групп целевых индикаторов проходит апробацию в ходе пилотного проекта, реализуемого по поручению президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова. Среди целевых индикаторов, разработанных отраслевыми органами власти Республики Татарстан, можно выделить следующие:

² Постановление Кабинета министров Республики Татарстан. Об утверждении Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014 - 2020 годы», 31 октября 2013 г. № 823 // Сб. постановлений и распоряжений КМ РТ. 12.11.2013. № 83, ст. 2783.

³ Постановление Кабинета министров Республики Татарстан. Об утверждении государственного задания на управление исполнительным органам государственной власти Республики Татарстан по индикаторам оценки качества жизни населения и эффективности их деятельности на 2016 - 2018 годы, 2 марта 2016 г. № 129 // Сб. постановлений и распоряжений КМ РТ. 15.03.2016. № 20. ст. 0678.

- количество предприятий, занимающихся экспортом/вывозом несырьевой продукции из Республики Татарстан в страну/регион пребывания представительства (индикатор Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан);
- количество контрактов, заключённых между предприятиями страны/региона пребывания представительства и субъектами малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан (индикатор Министерства экономики Республики Татарстан);
- количество совместных проектов в сфере сельского хозяйства с участием сельхозтоваропроизводителей Республики Татарстан и страны/региона пребывания представительства (индикатор Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан);
- привлечение резидентов в ОЭЗ «Иннополис»⁴, либо привлечение участников в программы, проводимые ГАУ «ИТ-Парк» (количественный индикатор по выполнению плановых показателей Министерства информатизации и связи Республики Татарстан);
- количество мероприятий (выставок, презентаций, форумов), на которых был представлен туристический потенциал Республики Татарстан (индикатор Государственного комитета Республики Татарстан по туризму);
- количество культурных мероприятий, проводимых совместно с татарскими общественными организациями при поддержке представительств Республики Татарстан на местах (индикатор Министерства культуры Республики Татарстан).

Приведённый перечень не является исчерпывающим, т.к. ряд индикаторов уточняется и дорабатывается. При этом обращает на себя внимание то, что в процессе реализации пилотного проекта были отобраны индикаторы, отражающие количество проектов, реализуемых при поддержке представительства в той или иной отрасли, без учёта объёмов внешнеэкономических контрактов или масштабов мероприятий (например, числа и статуса участников мероприятия). Это подтверждает сформулированный выше тезис, что выбор в качестве целевых индикаторов для зарубежных представительств субъектов федерации конкретных значений объёмных характеристик внешнеэкономической деятельности или международного сотрудничества осложняется необходимостью трудоёмкого и не гарантированно точного прогнозирования целевых значений.

Например, рассмотрим формулировку индикатора «рост общего объёма инвестиций, привлечённых из страны/региона пребывания представительства». Его применение означало бы возложение на представительство из одного штатного сотрудника ответственности за общий объём инвестиций во все отрасли экономики региона, поступающих, например, из Китая или Франции. Заметим, что благоприятный инвестиционный климат определяется, во многом,

⁴ Деятельность ОЭЗ «Иннополис», направленную на развитие информационных и инновационных технологий, и ГАУ «ИТ-парк» курирует Министерство информации и связи Республики Татарстан.

работой органов власти в самом регионе, уровнем предлагаемой инвесторам производственной и транспортной инфраструктуры, оперативным решением сопутствующих административных и хозяйственных вопросов в ходе строительства и запуска производства, характеристиками предполагаемого рынка сбыта и множеством других факторов. Дополнительным источником неопределённости является санкционная политика в отношении Российской Федерации, проводимая рядом развитых стран.

Использование уточнённой формулировки индикатора «рост объёма инвестиций из страны/региона пребывания, привлечённых при содействии представителя» требует ввода дополнительных форм статистической отчётности предприятий для его оценки, либо возложения обязанностей по учёту объёмов привлечённых иностранных инвестиций на сами представительства. И то, и другое сложно реализуемо.

Кроме того, как показывает опыт создания совместных предприятий, международные корпорации со штаб-квартирами в США или в Китае могут направлять финансовые ресурсы для реализации своих проектов в России через третьи страны, например, Нидерланды. Это ограничивает возможность использования информации органов статистики для оценки результатов деятельности представительств субъектов федерации по привлечению иностранных инвестиций.

Использование целевых индикаторов можно рассматривать как важную стимулирующую меру реализации наиболее актуальных направлений работы представительств. Однако для получения интегрированной оценки требуется иной, комплексный подход. Принимая во внимание хорошую структурируемость рассматриваемой проблемы, представляется целесообразным построение процедур анализа эффективности деятельности представительств на базе методики многокритериальной сравнительной оценки теории принятия решений [22, с. 743].

Оценка производится на основе построения двухуровневой иерархии. Первый уровень отражает декомпозицию основных направлений работы представительств на три группы: экономику, культурно-гуманитарное сотрудничество и организационную работу. На следующем уровне иерархии каждое направление работы разбивается на несколько категорий проектов, реализуемых при поддержке представительств, с последующим учётом их количества.

Акцент делается на количестве реализованных проектов и проведённых мероприятий. Объёмные характеристики деятельности представительств в качестве прямого индикатора не используются, но косвенно могут быть отражены за счёт дополнительного разделения проектов соответствующей группы на категории. Например, по разделу «Организационная работа» отдельно оценивается количество организованных при участии представительства визитов официальных делегаций региона (предусматривающих проведение множества мероприятий и переговоров по широкой тематике двустороннего сотрудниче-

ства), и отдельно – количество проведённых визитов деловых делегаций или рабочих поездок официальных лиц.

Для расчёта итоговой оценки представительств методом свёртки каждой группе индикаторов первого уровня (экономика, гуманитарное сотрудничество, организационная работа) присваивается вес, в сумме составляющий единицу. Индикаторы по категориям проектов на втором уровне внутри каждой группы также имеют весовые коэффициенты, нормированные к единице по группе. Весовые коэффициенты устанавливаются на базе экспертной оценки с учётом актуальности соответствующего направления работы для региона.

Предлагаемая система индикаторов для комплексной оценки результатов деятельности представительств выглядит следующим образом:

1. Экономическое сотрудничество (вес группы 0,5)

1.1. Совместные инвестиционные проекты *в стадии реализации* на территории региона, по которым за отчётный период велась работа представительства (вес индикатора 0,35)⁵.

1.2. Совместные инвестиционные проекты *на стадии проработки* (вес – 0,15).

1.3. Количество контрактов, *заключённых* при содействии представительства на экспорт продукции, работ и услуг региональных производителей, реализуемых проектов по созданию в стране пребывания представительства сборочных и иных производств, сервисных центров, торговых домов по продвижению продукции региональных производителей (вес – 0,35).

1.4. Количество *проработанных представительством запросов* экспортно-ориентированных предприятий региона (вес – 0,15).

2. Культурно-гуманитарное сотрудничество (вес группы 0,25)

2.1. Мероприятия и проекты в области взаимодействия с соотечественниками и культуры, осуществлённые при поддержке представительства (вес индикатора 0,6).

2.2. Мероприятия и проекты в сфере науки, образования, СМИ, спорта и туризма, осуществлённые при поддержке представительства (вес – 0,4).

3. Организационная работа (вес группы 0,25)

3.1. Организация визитов *официальных делегаций* региона и официальных зарубежных делегаций, посещающих регион (вес индикатора 0,5).

3.2. Организация визитов *деловых делегаций и рабочих поездок* официальных лиц Республики Татарстан, а также визитов деловых делегаций, посещающих Татарстан (вес – 0,2).

3.3. Участие руководителей представительства от имени Республики Татарстан в работе межправкомиссий, рабочих групп, торжественных мероприятиях, форумах, конференциях, выставках, встречах с официальными лицами страны/региона пребывания (вес – 0,2).

⁵ Сумма весов индикаторов внутри каждой группы равна единице (здесь – группа 1. «Экономическое сотрудничество»).

3.4. Количество зарегистрированных входящих документов, поступивших в адрес представительства (вес – 0,1).

Для ввода значений индикаторов используются данные из ежеквартальных отчётов представительств. В отчёте представительств по каждой категории (индикатору) указывается количество реализованных проектов/мероприятий и приводится их краткое перечисление, что используется для сверки исходных данных. В итоге отчёт приобретает строгую унифицированную структуру и не-большой объём.

Значения индикаторов вводятся в форму электронных таблиц Excel, где они суммируются для каждого представительства с учётом присвоенных весов. В целях построения рейтинга в качестве базового значения каждого индикатора используется относительное число проектов соответствующей категории (число проектов, реализованных самим представительством, поделённое на общее количество проектов данной категории по всем представительством). В итоге суммирования значений методом свёртки каждое представительство получает балльную оценку по итогам отчётного периода, позволяющую ранжировать их между собой. Управление весовыми коэффициентами позволят «настраивать» результат оценки.

При необходимости более строгого анализа объёмных показателей внешних связей, например, по иностранным инвестициям, можно дополнительно выделять в подкатегории с разными весами совместные проекты с учётом объёма привлечённых инвестиций (проекты до 1 млн долл. США, проекты от 1 до 10 млн долл. США и т.д.).

Принимая во внимание различие условий и содержания работы представительств, итоговые оценки представительств, действующих в ближнем и дальнем зарубежье, разносятся в отдельные рейтинги. Это объясняется значительными различиями в специфике и условиях работы представительств, что сказывается на значениях индикаторов. Страны ближнего зарубежья характеризуются хорошими перспективами для диверсификации экспорта и наличием в них большого числа соотечественников, в том числе – представителей деловых кругов, которые имеют возможность поддержки гуманитарных проектов. Сотрудничество со странами дальнего зарубежья, особенно с партнёрами из развитых государств, часто ориентируется на реализацию совместных экономических проектов в регионе, связанных с привлечением инвестиций, технологий, созданием совместных производств для выхода на российский рынок.

Предлагаемый подход позволяет получить наглядную измеримую рейтинговую оценку эффективности деятельности представительств по основным направлениям работы. Это предоставляет возможность принятия решений по мерам координации, поддержки и оптимизации представительств на основе анализа объективных данных, отражающих реализованные проекты как результаты работы представительств.

В работе решается актуальная задача совершенствования деятельности зарубежных представительств субъектов федерации путём использования мотивирующих целевых индикаторов и внедрения многокритериальной рейтинговой оценки эффективности деятельности представительств. Предлагаемые методы могут использоваться для повышения эффективности деятельности зарубежных представительств различных субъектов Российской Федерации, которые, несмотря на разнообразие организационных форм деятельности, работают в общем политико-правовом поле и решают близкие по содержанию задачи поддержки и координации внешних связей регионального уровня. При этом для каждого субъекта федерации формулировки целевых индикаторов и весовые коэффициенты многокритериальной оценки могут легко адаптироваться с учётом актуальных задач регионального развития.

Оба предлагаемых подхода используют показатели результатов деятельности представительств, ориентированные на оценку реализованных проектов различной направленности. Индикаторы, привязанные к объёмным показателям сотрудничества, не всегда отражают специфику работы представительств.

К основным достоинствам применения целевых индикаторов следует отнести их стимулирующий эффект, который позволяет ориентировать представительства на реализацию приоритетных проектов. Среди недостатков – ограниченность оценки, не отражающей всего многообразия видов сотрудничества даже по отдельному отраслевому направлению. Кроме того, возникает вопрос о выделении представительств соответствующих ресурсов для обеспечения деятельности, направленной на достижение целевых индикаторов.

Среди преимуществ подхода на основе многокритериальной рейтинговой оценки деятельности представительств – возможность анализа совокупности достигнутых результатов по основным направлениям работы представительств, измеримость и простота расчёта. Выбор в качестве индикаторов количества реализуемых проектов в трёх областях: экономике, культурно-гуманитарном сотрудничестве и организационной работе позволяет оценивать результаты работы представительств, не используя объёмных показателей, требующих трудоёмкого прогнозирования и анализа статистических данных.

К особенностям метода можно отнести то, что для получения высокой рейтинговой оценки представительство должно отчитаться о результатах работы по всем выделенным направлениям. Вклад отдельного индикатора в общий результат ограничен его весом, поэтому даже многократное превышение объёмов работы по одному или двум видам деятельности позволяет получить максимальный балл только по соответствующим индикаторам. Кроме того, поскольку в основе ранжирования лежит сравнение набранных итоговых оценок, то это предполагает наличие нескольких сравниваемых представительств, имеющих схожие условия и направления работы.

Метод основан на анализе отчётных данных о деятельности зарубежных представительств. Поэтому предлагаемая методика многокритериальной рей-

тинговой оценки деятельности представительств в большей степени ориентирована на использование в органах власти, обладающих детальной информацией по итогам работы представительств и решающих управленческие задачи повышения эффективности их деятельности. Предлагаемый подход не даёт абсолютно точного рейтинга, но позволяет в интерактивном режиме получить результат, который наилучшим образом согласуется с пониманием основных задач работы представительств.

Субъективный характер выбора критериев и их весов можно отнести к недостаткам метода, предъявляющего требования к квалификации сотрудников органов власти, участвующих в формировании иерархической структуры рейтинга. Привязка индикаторов к данным из отчётов, подготовленных представителями, может вызвать необходимость дополнительной сверки вводимых значений.

Оценивая значимость и место формальных методов оценок в деятельности органов власти, координирующих работу представительств, необходимо понимать, что любая модель основана на определённом уровне абстракции, обобщения и унификации исходных данных. Невозможно математически точно отразить все нюансы работы в той или иной стране с её политическими, экономическими и культурными особенностями, количественно оценить совокупность индивидуальных личностных и профессиональных качеств руководителей представительств. Поэтому предлагаемые методики многокритериальной рейтинговой оценки и выполнения целевых индикаторов могут рассматриваться как составляющие инструменты общей системы координации и повышения эффективности деятельности представительств. Следует стремиться к балансу между сложностью реализации той или иной методики и значимостью ожидаемых результатов, планирование и отчётность сочетать с постоянной оперативной координацией и контролем деятельности представительств, внедрять современные кадровые технологии.

Список литературы

1. Баженов Ю.Н. Управление внешнеэкономической деятельностью Санкт-Петербурга: программный и институциональный подход // Экономика и Управление. 2015. № 5 (115). С. 34–39.
2. Баранова И.В. Концептуальные модели оценки эффективности деятельности органов власти // Вестник Томского государственного университета. Серия экономика. 2009. № 10 (327). С. 129-134.
3. Гиматдинов Р.Р., Насыров И.Р. Институт зарубежных представительств Республики Татарстан // Международная жизнь. 2015. № 3. С. 136-149.
4. Комарова А.В. Использование инструментов управления проектами в деятельности торговых представительств России за рубежом // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 2. С. 111-118.
5. Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан. Буланкина Е.В., Гафуров И.Р., Гибадуллин М.З. и др. / под ред. Гафурова И.Р., Гиматдинова Р.Р., Насырова И.Р. и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 472 с.
6. Насыров И.Р. Государство и регионы в системе современных международных отношений. Казань: Университет управления «ТИС-

- БИ», 2011. 400 с.
7. Плотникова О.В. Международное сотрудничество регионов: концептуальные подходы. Новосибирск: СО РАН, 2005. 356 с.
 8. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Пер. с англ. М.: «Радио и связь», 1993. 278 с.
 9. Сакс Дж.Д., Ларрен Ф.Б. Макроэкономика. Глобальный подход / Пер. с англ. М.: Дело, 1996. 848 с.
 10. Шуваев А.В. Модель управления региональной экономикой в глобальном пространстве // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 4. С. 84-88.
 11. Юрченко Н.Н. Теоретико-методологические аспекты политологического исследования административной реформы в современной России // Известия Саратовского университета. 2009. т. 9. Сер. Социология. Политология, вып. 2. С. 117-120.
 12. Aitken O. Developing the global agenda // Global places and local forces. London: SOLACE Foundation Imprint, January 2008. Pp. 6-7.
 13. Blatter J., Kreutzer M., Rentsch M., Thiele J. Preconditions for Foreign Activities of European Regions: Tracing Causal Configurations of Economic, Cultural and Political Strategies // Publius: The Journal of Federalism. 2009. Vol. 40. № 1. Pp. 171-199.
 14. Bazhenov Yu., Podshuveit O. St Petersburg business information centers and their role in increasing the efficiency of international business activities // Baltic Region. 2014. № 3 (21). Pp. 45-57.
 15. Duchacek I.D. The international dimension of subnational self-government // Publius: The Journal of Federalism. 1984. Vol. 14. № 4. Pp. 5-31.
 16. Duchacek I.D. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / Ed. by Michelmann H.J., Soldatos P. Oxford: Clarendon Press, 1990. Pp. 1-33.
 17. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy. The Case of Russia's Northwestern Subnational Actors // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. № 6. Pp. 18-33.
 18. Kuznetsov A.S. Theory and practice of paradiplomacy: Subnational governments in international affairs. London and New York: Routledge, 2015. 174 p.
 19. Lecours A. Paradiplomacy: reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions // International Negotiation. 2002. Vol. 7, № 1. Pp. 91-114.
 20. Requejo F. Foreign policy of constituents units in a globalised world // Foreign policy of constituents units at the beginning of 21st century / Ed. by Requejo F. Barcelona, 2010. Pp. 11-13.
 21. Tatham M., Thau M. The more the merrier: Accounting for regional paradiplomats in Brussels // European Union Politics. 2014. Vol. 15. № 2. Pp. 255-276.
 22. Yang J.B., Xu D.L. Knowledge Based Executive Car Evaluation Using the Evidential Reasoning Approach // Advances in Manufacturing Technology XII / Ed. by Baines, Taleb-Bendiab and Zhao. London: Professional Engineering Publishing, 1998. Pp. 741-749.

Об авторах:

Радик Рустамович Гиматдинов – к.полит.н., помощник президента Республики Татарстан по международным и внешнеэкономическим вопросам. Россия, 420014, г. Казань, Кремль.
E-mail: Radik.Gimatdinov@tatar.ru.

Ильдар Рустамбекович Насыров – д.полит.н., заведующий отделом международного сотрудничества Департамента внешних связей президента Республики Татарстан. Россия, 420014, г. Казань, Кремль.
E-mail: Ildar.Nasyrov@tatar.ru.

ON THE QUESTION OF EVALUATION AND IMPROVEMENT ACTIVITIES OF FOREIGN REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBORDINATE ENTITIES

R.R. Gimatdinov, I.R. Nasyrov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144

Administration of the President of the Republic of Tatarstan

International and foreign economic relations of the subordinate entities of the Federation are an important factor of the socio-economic development of the regions. While being implemented in the mainstream of a state foreign policy, they contribute to strengthening the relations of friendship and cooperation between Russia and foreign countries.

Foreign representations of regions are widely used to promote international interests of subnational actors. Contribution of foreign representations to the development of external relations is analyzed in numerous articles on paradiplomacy. Among the most studied issues are motivation the opening of foreign missions, political and legal conditions of their activities. However, up to the present there was no analytical models for assessing the effectiveness of foreign missions and improvement their activities.

Two mutually reinforcing approaches to solving the problem of increasing the efficiency of representative offices are suggested. First one is further development of indicative management and the second one is an adapted method of multi-criteria evaluation, which is used in the decision analysis. Both proposed approaches use performance indicators focused on the evaluation the variety of projects implemented by regional representations.

Indicators and other content components of the described methods are specified using the experience of foreign representations of the Republic of Tatarstan. The proposed approach can be easily modified for representations of the other subordinate entities of the Russian Federation, which, despite of the diversity of organizational forms of activities, work in a common political and legal environment and solve problems of similar content.

Stimulating effect is one of the main advantages of using target indicators. They are helpful in orienting missions to priority areas of cooperation. The method based on the multi-criteria rating of the representative offices' activity focuses on the general assessment of their work. It is easy to use and gives measurable results.

The proposed methods are of an applied nature and can be recommended to government bodies coordinating foreign representations of the regions.

Key words: paradiplomacy, foreign representations of regions, management efficiency of public administration, Tatarstan

References

1. Bazhenov Iu.N. Upravlenie vneshneekonomicheskoi deiatel'nost'iu Sankt-Peterburga: programmnyi i institutsional'nyi podkhod [Management of the external

- economic activity of St. Petersburg: a program and institutional approach]. *Ekonomika i Upravlenie*, 2015, no. 5 (115), pp. 34–39. (In Russian)
2. Baranova I.V. Kontseptual'nye modeli otsenki effektivnosti deiatel'nosti organov vlasti [Conceptual models for assessing effectiveness of the government work]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya ekonomika*, 2009, no. 10 (327), pp. 129-134. (In Russian)
 3. Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. Institut zarubezhnykh predstavitel'stv Respubliki Tatarstan [Institute of Foreign Representations of the Republic of Tatarstan]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2015, no. 3. pp. 136-149. (In Russian)
 4. Komarova A.V. Ispol'zovanie instrumentov upravleniia proektami v deiatel'nosti torgovykh predstavitel'stv Rossii za rubezhom [Usage of project management tools in the activities of Russia trade missions in foreign countries]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2017, no. 2, pp. 111-118. (In Russian)
 5. Bulankina E.V., Gafurov I.R., Gibadullin M.Z. and others. *Mezhdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi regionov Rossii: opyt Respubliki Tatarstan* [International and Foreign Economic Relations of Russian Regions: Experience of the Republic of Tatarstan]. Ed. by Gafurov I.R., Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. and others. Kazan, Kazan State Univ. Publ., 2017. 472 p. (In Russian)
 6. Nasyrov I.R. *Gosudarstvo i regiony v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [State and Regions in the Modern System of International Relations]. Kazan, Univ. of management TISBI, 2011. 400 p. (In Russian)
 7. Plotnikova O.V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov: kontseptual'nye podkhody* [International cooperation of regions: conceptual approaches]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. 356 p. (In Russian)
 8. Saati T. *Priniatie reshenii. Metod analiza ierarkhii* [Decision Making. Method of Hierarchy Analysis]. Transl. from English. Moscow, Radio i svyaz, 1993. 278 p. (In Russian)
 9. Saks Dzh.D., Larren F.B. *Makroekonomika. Globalnyi podkhod* [Macroeconomics in the Global Economy]. Transl. from English. Moscow, Delo Publ., 1996. 848 p. (In Russian)
 10. Shuvaev A.V. Model' upravleniia regional'noi ekonomikoi v global'nom prostranstve [The model of regional economy management in the global space]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriia, metodologiya, praktika*, 2012, no. 4, pp. 84-88. (In Russian)
 11. Iurchenko N.N. Teoretiko-metodologicheskie aspekty politologicheskogo issledovaniia administrativnoi reformy v sovremennoi Rossii [Theoretical and methodological aspects of the political study of administrative reform in modern Russia]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, 2009, vol. 9, Ser. Sotsiologiya. Politologiya, Issue 2, pp. 117-120. (In Russian)
 12. Aitken O. *Developing the global agenda. Global places and local forces*. London: SOLACE Foundation Imprint, January 2008. Pp. 6–7.
 13. Blatter J., Kreutzer M., Rentsch M., Thiele J. Preconditions for Foreign Activities of European Regions: Tracing Causal Configurations of Economic, Cultural and Political Strategies. *Publius: The Journal of Federalism*, 2009, vol. 40, no. 1, pp. 171–199.
 14. Bazhenov Yu., Podshuveit O. St Petersburg business information centers and their role in increasing the efficiency of international business activities. *Baltic Region*, 2014, no. 3 (21), pp. 45-57.
 15. Duchacek I.D. The international dimension of subnational self-government. *Publius: The Journal of Federalism*. 1984, vol. 14, no. 4, pp. 5–31.
 16. Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Ed. by Michelmann H.J., Soldatos P. Oxford, Clarendon Press, 1990. Pp. 1-33.
 17. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy. The Case of Russia's Northwestern Subnational Actors. *Problems of Post-Communism*. 2014,

- vol. 61, no. 6, pp. 18–33.
18. Kuznetsov A.S. Theory and practice of paradiplomacy : Subnational governments in international affairs. London and New York, Routledge, 2015. 174 p.
 19. Lecours A. Paradiplomacy: reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions. *International Negotiation*. 2002, vol. 7, no 1, pp. 91-114.
 20. Requejo F. Foreign policy of constituents units in a globalised world. *Foreign policy of constituents units at the beginning of 21st century*. Ed. by Requejo F. Barcelona, 2010, pp. 11-13.
 21. Tatham M., Thau M. The more the merrier: Accounting for regional paradiplomats in Brussels. *European Union Politics*. 2014, vol. 15, no. 2, pp. 255-276.
 22. Yang J.B., Xu D.L. Knowledge Based Executive Car Evaluation Using the Evidential Reasoning Approach. *Advances in Manufacturing Technology XII*. Ed. by Baines, Taleb-Bendiab and Zhao. London, Professional Engineering Publishing, 1998, pp. 741-749.

About the authors:

Radik R. Gimatdinov – PhD in Political Sciences, Aide to the President of the Republic of Tatarstan on international and foreign economic issues. Russia, 420014, Kazan, Kremlin. E-mail: Radik.Gimatdinov@tatar.ru.

Ildar R. Nasyrov – Doctor of Political Sciences, Head of Division of International Cooperation Department of Foreign Affairs to the President of the Republic of Tatarstan. Russia, 420014, Kazan, Kremlin. E-mail: Ildar.Nasyrov@tatar.ru.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СУБГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ФЕДЕРАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ И ВЕНГРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.)

С.П. Артеев

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Статья посвящена динамике международных связей субгосударственных акторов мировой политики в контексте эволюции федеративных отношений. В работе рассматривается этнорегиональный аспект взаимодействия Российской Федерации и Венгерской Республики в первой половине 1990-х гг. Под этнорегиональным аспектом подразумеваются связи между субъектами РФ, прежде всего, финно-угорскими, и Венгрией, а также её областями. Основное внимание уделено взаимодействию Венгрии и Республики Коми. Для раскрытия темы привлечена обширная информационная база, включающая многочисленные материалы из Архива внешней политики РФ, публикации в венгерской и российской периодической печати, а также междисциплинарную литературу в области международных отношений, истории, права, социологии и политологии. В качестве теоретико-методологического инструментария в работе применяется исторический институционализм вкупе с общенаучными (классификация, терминологический), политологическими (моделирование) и историческими (историко-системный, историко-генетический) методами исследования. В статье представлен анализ этнорегионального аспекта российско-венгерских отношений. Обосновывается эволюция позиции федерального центра по вопросу о международных связях российских регионов (на примере Республики Коми) с зарубежными государствами (на примере Венгрии). Упор делается на анализе специфики асимметричного взаимодействия по линии «субгосударственный актор – зарубежное государство». С целью раскрытия темы предварительно рассматривается модель российского федерализма обо-

УДК 327, 342.1

Поступила в редакцию 10.02.2018 г.

Принята к публикации 30.03.2018 г.

значенного периода, предлагается классификация субъектов РФ применительно к их внешним связям, указываются возможные варианты дефиниций ключевых терминологических понятий по международной деятельности российских регионов и делается краткий обзор установления российско-венгерских отношений на новых основаниях в позднесоветский и ранний постсоветский периоды. При этом необходимо отметить, что модель взаимодействия Коми и Венгрии является типичной по многим базовым параметрам для международной деятельности российских регионов в указанные хронологические рамки. В заключение делается вывод о партнёрской позиции федерального центра и, прежде всего, МИД России, относительно международной деятельности российских регионов в первой половине 1990-х гг., в целом, и благожелательной позиции относительно взаимодействия Коми и Венгрии, в частности. По мнению автора, асимметричные международные связи субнациональных акторов в период демократического транзита и ослабления центра тем не менее способны при определённых обстоятельствах сыграть позитивную роль.

Ключевые слова: международные связи регионов государств, Россия, Венгрия, Коми, федерализм, МИД России, исторический институционализм

В эпоху глобализации международные отношения претерпевают мощные быстрые трансформации. Помимо прочего, это проявляется и в значительном изменении качественного и количественного состава акторов международных отношений. Среди новых участников мировой политики особое положение занимают так называемые субгосударственные/субнациональные игроки, то есть внутренние регионы/субъекты государств. Изучение роли нетрадиционных акторов является неотъемлемой частью современных мирополитических исследований. В то же время проблематика взаимодействия асимметричных акторов, особенно по линии «государственный актор – субгосударственный актор», заслуживает большего внимания со стороны академического сообщества, так как субнациональные акторы оказывают всё более возрастающее влияние на эволюцию Вестфальской модели мира в текущий период. *Несмотря на исторически обусловленную высокую степень централизации системы управления международной деятельностью в России, в первой половине 1990-х гг. произошла быстрая эволюция позиции центра от патернализма к партнёрским отношениям с регионами в международной сфере, поскольку непростые внешнеполитические условия и тяжёлые внутренние социально-экономические обстоятельства вынуждали искать новые эффективные пути решения задач, стоящих перед страной и её составными частями.* В данной статье представлен анализ этнорегионального аспекта российско-венгерских отношений и обосновывается эволюция позиции Федерального центра (далее – ФЦ) на международное взаимодействие российских регионов (на примере Республики Коми, далее – РК) с зарубежными государствами (на примере Венгерской Ре-

спублики, далее – ВР). С целью раскрытия темы предварительно рассматривается модель российского федерализма обозначенного периода, предлагается классификация субъектов РФ применительно к их внешним связям, указываются возможные варианты дефиниций ключевых терминологических понятий по международной деятельности российских регионов и делается краткий обзор установления российско-венгерских отношений на новых основаниях.

К работе привлечены различные источники и междисциплинарная литература. Основу источниковой базы составляют информационные и информационно-аналитические документы из Архива внешней политики РФ, хранящиеся в фонде референтуры по Венгрии¹. Многие документы впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, привлечены опубликованные и неопубликованные международные нормативно-правовые акты Республики Коми². Помимо этого, задействованные публикации в прессе Венгрии и РК позволяют полнее реконструировать картину событий³. Научные работы представлены трудами специалистов из различных областей гуманитарного знания: политология, история, право. Изучение международных субгосударственных связей на Западе имеет длительную традицию и началось практически одновременно с выходом внутригосударственных регионов на мирополитическую сцену. При этом ведущую роль играли политологи и правоведы из государств, чьи регионы как раз стремились к активизации своей международной деятельности. Важно отметить, что исследование поведения субнациональных акторов тесно сопряжено с проблематикой политической регионалистики и вопросами федерально-регионального взаимодействия [19; 20; 21; 23; 24; 26; 29]. Российское научное сообщество подключилось к процессам изучения международной деятельности регионов государств в 1990-е гг., при этом центры изучения внешних связей регионов располагаются как в столицах [1; 2; 3; 4; 6; 10; 18], так и в регионах⁴ [7; 8; 9; 11; 15; 16]. Необходимо отметить, что российские исследователи проделали большую работу по анализу институциональных основ международных связей субъектов РФ и изучению механизмов федерально-регионального взаимодействия в контексте международной деятельности регионов. В то же время слабоизученным остаётся опыт ведения международных дел многими российскими

¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 77.

² Соглашение между Министерством культуры, Министерством образования Республики Коми и Министерством культуры и образования Венгерской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования. Сыктывкар, 23 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. 1993. № 3. С. 40-43; Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-2385. Оп. 1. Д. 5. На 8 л.

³ A komi kapcsolat // Magyar Nemzet. 1991. December 7. 9 old.; A Komi Köztársaság és a finnugor népek mozgalmá // Magyar Hírlap. 1993. Junius 24. 1, 3 old.; Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Magyar Hírlap. 1993. Junius 23. 3 old.; Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Nemzet. 1993. Junius 23. 3 old.; Кармановский В. Мы нужны друг другу // Красное знамя. 1991. 25 декабря. С. 1.

⁴ Внешние связи российских регионов: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «10 лет внешней политики России», 20-21 апреля 2001 г., Москва. Секция № 9. Внешние связи российских регионов / отв. ред. И.М. Бусыгина. М.: МГИМО(У) МИД России, 2001. 124 с.

регионами в исторической ретроспективе в контексте внешнеполитического курса ФЦ, без чего невозможно создать адекватное представление о моделях поведения субъектов РФ на международной арене. Отсутствие широкого спектра моделей в свою очередь затрудняет стратегическое планирование, приводит к упущенным возможностям и повышает риск неудачи для конкретного российского региона в сфере международных связей. Научная значимость рассмотрения сотрудничества Коми и Венгрии в указанные хронологические рамки связана с расширением представления о демократическом транзите за счёт фокусировки на международном измерении данного явления через призму субъектов федерации. Таким образом, информационная база работы создаёт предпосылки для раскрытия темы исследования с использованием определённой теоретико-методологической составляющей.

В качестве теоретико-методологических основ в статье применяется междисциплинарная методология на основе комбинирования общенаучных (терминологический, классификации), политологических (моделирование) исторических (историко-системный, историко-генетический) методов исследования. При этом интегрирующую функцию выполняет исторический институционализм, который уже давно зарекомендовал себя в качестве эффективного инструмента для полидисциплинарного синтеза [22; 25; 27; 28]. Как теоретико-исследовательский подход, исторический институционализм позволяет провести исследование на приемлемом уровне и выйти на валидные результаты.

Важно отметить, что федерализм является одним из ключевых понятий, которое следует учитывать при анализе политической ситуации России в 1990-е гг. В политико-правовом плане именно от реализованной модели федерализма во многом зависит способность/неспособность субъектов федеративного государства осуществлять международную деятельность. В связи с этим необходимо дать краткую характеристику российского федерализма в первое постсоветское десятилетие. В силу многоаспектности понятия «федерализм» представляется необходимым обозначить его дефиницию. В этой статье федерализм понимается как политический принцип, суть которого заключается в разделённом правлении и партнёрских отношениях между центром и регионами [17]. Исходя из этого формируются определённые правовые критерии федеративного устройства:

1. одна и та же территория и население одновременно находятся под юрисдикцией двух уровней власти;
2. каждый уровень власти обладает собственной компетенцией;
3. ни один из уровней власти не имеет права упразднить другой;
4. на федеральном уровне в обязательном порядке обеспечивается представительство региональных интересов;
5. предусмотрен институт медиации для разрешения споров между федеральными и региональными властями [17].

Наряду с правовыми компонентами, следует учитывать и политические критерии федеративного государственного устройства:

1. разрешение конфликтов между уровнями власти происходит в публичной сфере, а не административным способом;
2. формально не связанным, но практически всегда присутствующим спутником реальной федерации является демократический политический режим;
3. общество является главным «заказчиком» федералистского проекта и проявляет свою глубокую заинтересованность в его успешной реализации и функционировании.

Большую часть своей истории Советский Союз являлся федеративным государством лишь номинально и резкое изменение такой ситуации не могло быть безболезненным. Ситуация стала стремительно меняться в 1989-1991 гг. В этот период не только союзные республики, но и автономии РСФСР получили значительные полномочия. Однако результаты были неоднозначными. С одной стороны, многие вопросы стали решаться быстрее в силу упразднения ряда бюрократических цепочек. С другой стороны, центробежные тенденции стали трендом во взаимодействии с центром со стороны как союзных, так и автономных республик и других национально-территориальных и административно-территориальных субъектов РСФСР. Следовательно, федерализм способен работать при двух обязательных компонентах – наличия нормативно-правовой базы и соответствующей постоянной практики во взаимодействии между центром и регионами.

В 1990-е гг. в России происходили драматические изменения во всех ключевых сферах, в том числе в полную силу смогла развиваться модель взаимоотношений между центром и субъектами федерации, черты которой стали формироваться еще в 1989-1991 гг. Такую модель федерализма можно обозначить как систему разделённого/двойного суверенитета. И конечно, это не могло не проявиться во внешних связях регионов РФ. Хотя некоторые юристы-международники отстаивают постулат о невозможности деления суверенитета в рамках одного государства [12, с. 59; 64; 68; 70], на практике это случается. Многочисленные примеры можно найти как в истории, так и на современной политической карте мира. Система разделённого/двойного суверенитета была связана с тем очевидным обстоятельством, что федеративный центр не имел реальной возможности контролировать ряд процессов в регионах, явно не подпадающих под принцип субсидиарности. Это вынуждало его идти на различные сделки с региональными элитами, если только последние не предпринимали открытых военных мер с целью сепарации. Наличие регионального уровня суверенитета способствовало международной активности субъектов РФ, так как суверенитет по природе своей обращен «наружу», «относительного внешнего». Следовательно, модель российского федерализма в первое постсоветское десятилетие хотя и содержала в себе избыточный центробежный потенциал, но также способствовала активному развитию международных связей российских регионов. Кроме того, центр рассчитывал, что благодаря активным внешнеэкономическим связям регионы РФ смогут самостоятельно решить свои многочисленные социально-экономические проблемы.

Наряду с федерализмом, понятия «федеральный центр» и «регионы» также нуждаются в пояснении. Под «федеральным центром/центром/ФЦ» в контексте темы понимается деятельность органов власти федерального уровня так или иначе связанная с международной деятельностью субъектов РФ. В число таких федеральных органов входят президент России вкупе с его Администрацией, Правительство, МИД и другие министерства и ведомства, обе палаты Федерального Собрания, а также суды высшей инстанции (Конституционный суд, Верховный суд, Высший Арбитражный суд). Иначе говоря, позицию федерального центра формируют решения и действия исполнительных, законодательных, судебных органов власти и институт президентства (который занимает особое место и не может быть однозначно отнесён ни к одной из ветвей власти). «Регион» и «субъект РФ», наряду с «субгосударственным/субнациональным актором», в данной статье рассматриваются как взаимозаменяемые понятия, то есть территориальная единица верхнего уровня (республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа). При этом отличается качественный состав непосредственных участников международной деятельности региона/субъекта РФ. Наряду с губернаторами и их администрациями и правительствами (исполнительные органы власти регионального уровня), а также парламентами субъектов РФ (законодательная власть) и в редких случаях судебными органами, значимую роль играют частные лица и организации. При этом организации могут быть государственными (театры, музеи, библиотеки), частными (коммерческой и некоммерческой направленности). Кроме того, муниципальный уровень международных связей также органически входит в состав субгосударственного/субнационального уровня.

Исторически Россия является асимметричным государством и проблема «Центр – периферия» не теряет свою актуальность на протяжении многих столетий. Именно для сохранения единства страны и понадобилось реализовать проект федералистского государственного устройства. В связи с этим неудивительно, что и регионы сильно различаются между собой не только в природно-климатическом, но и в социально-экономическом аспекте. Последнее, в свою очередь, влияет и на международную деятельность субгосударственных акторов. Субъекты РФ можно классифицировать следующим образом:

1. экстраверты (центральные, приморские, пограничные, экспортноориентированные);
2. интроверты (не пограничные, не имеющие выхода к морю, обладающие слабым экспортным потенциалом);
3. амбиверты (сочетают черты экстравертов и интровертов в различных пропорциях).

При этом особо следует отметить, что регионы-экстраверты и регионы-интроверты в «чистом виде» встречаются крайне редко. Значительная часть субъектов РФ как раз относится к «серой зоне» амбивертов. Именно они способны при благоприятных обстоятельствах стать субгосударственными экстравертами.

Вместе с тем не меньшее значение для понимания поведения субнациональных акторов на международной арене имеет и чёткая классификация видов, форм и форматов их международной деятельности. К сожалению, на сегодняшний день, российские исследователи-международники далеки от консенсуса по вопросам терминологии. Зачастую одна и та же деятельность относится к самым разным категориям международной жизни, отсутствуют и общепринятые разграничения между понятиями «вид», «форма», «формат» и т.п. применительно к международной активности субъектов РФ. Это вносит определённую путаницу. Очевидно, что формирующееся сообщество исследователей-международников в области внешних связей регионов нуждается во взаимодействии по операционально-терминологическим вопросам своей тематики и создании общепотребительного «понятийного поля».

В данной статье предлагается следующая классификация вышеобозначенных ключевых понятий (термин «международная деятельность» равнозначен понятию «внешние связи», хотя в 1990-е гг. под «внешними связями» зачастую понималось и взаимодействие не только с международными партнёрами, но и с другими субъектами РФ):

- направление – сфера, в которой проявляется международная активность субъектов РФ: внешнеэкономическое, культурно-гуманитарное, научно-образовательное и т.п.;
- вид – поднаправление международных связей регионов (например, научно-образовательное направление сотрудничества может включать в себя следующие виды: академические обмены студентов и преподавателей, совместные научные проекты и т.д.);
- форма – внешний видимый способ осуществления международной деятельности: заключение соглашения, официальные и неофициальные визиты, выставки и т.д.
- формат – способ организации внешних связей:
 - по количественному параметру: двусторонний, многосторонний, с привлечением ФЦ в качестве активного участника, с привлечением муниципальных образований;
 - по качественному составу участников: официальные лица, бизнес-сообщество, представители общественности, НПО, НКО и т.п.;
 - по участию/неучастию официальных властей: парадипломатия, публичная дипломатия и др.;
 - по способу взаимодействия: лично или посредством дистанционных технологий передачи информации.

Переходя к основной части, следует указать, что Республика Коми является субъектом РФ, который одним из первых проявил себя на международной арене в качестве субгосударственного игрока, хотя с самого начала был скорее амбивертом. И это произошло ещё на излете советской эпохи. За несколько недель до формального прекращения существования СССР и руководство РСФСР, и

первые лица Коми ССР занимались налаживанием отношений с одним и тем же государством – с Венгрией. Конечно, спектр обсуждаемой проблематики различался, но имелись и точки пересечения. Следует отметить, что в годы существования СССР между Коми АССР и ВНР были контакты. Однако в основном они сосредотачивались в научной сфере (главным образом в сфере финно-угорского языкознания, так как коми и венгры имеют общее этногенетическое происхождение, а коми и венгерский языки являются родственными). Также происходили редкие визиты по партийной и комсомольской линиям.

В силу субгосударственного статуса Коми, важно отметить, что первоначально отношения России и Венгрии складывались весьма благоприятно. Ещё в последние недели существования СССР, 6 декабря 1991 г. президент РФ Б.Н. Ельцин и венгерский премьер-министр Й. Антал в Москве провели отдельные (без участия союзного руководства) переговоры и установили прямые российско-венгерские дипломатические отношения. Венгрия стала первым зарубежным государством, с которым РФ подписала межгосударственный договор (точно так же Венгрия стала первым зарубежным государством, с которым РК подписала своё первое межправительственное международное соглашение, причём произошло это в тот же день – 6 декабря 1991 г., но в Будапеште). В ноябре 1992 г. Ельцин в качестве президента РФ посетил Венгерскую Республику. Он принёс официальные извинения за советское военное вторжение в 1956 г., чтобы сформировать новый образ России в венгерском обществе. Однако хорошее начало не смогло обеспечить достойного продолжения в 1990-е гг. Об этом говорит и тот факт, что в опубликованной, пусть и избранной, переписке Б.Н. Ельцина, письма (всего их три) к первым лицам Венгерской Республики и от них занимают неполные четыре страницы (объём примерно соответствует переписке с наиболее отсталыми государствами третьего мира)⁵. Венгерские аналитики, занимающиеся международной проблематикой, также отмечали потерю интереса российской стороной к Венгрии и Центрально-Восточной Европе в целом⁶.

В тот же период, когда РСФСР как уже самостоятельный игрок на международной арене занималась выстраиванием новых отношений с бывшими союзниками Советского Союза, в результате проведённой работы, которой занимались сотрудники Комитета по внешнеэкономическим связям Коми ССР и соответствующие правительственные структуры Венгрии, было подготовлено рамочное коми-венгерское соглашение. В итоге, 6 декабря 1991 г., в Будапеште было подписано соглашение о торгово-экономическом и научно-техническом

⁵ Переписка президента РФ Б.Н. Ельцина с президентом ВР А. Гёнцом, с премьер-министром ВР В. Орбаном. № 214. А. Гёнц – Б.Н. Ельцину. 25 октября 1996 г.; № 215. Б.Н. Ельцин – А. Гёнцу. 22 января 1997 г.; № 216. В. Орбан – Б.Н. Ельцину. 11 июня 1999 г. // Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. 1996-1999: в 2 т. Т. 1. Австралия – Монголия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. С. 196-199.

⁶ Об оценке венгерскими политологами политики России в Восточной Европе (Информация) // АВР РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 59-61.

сотрудничестве между Венгрией и Коми ССР⁷ (в 1990-1992 гг. Коми имела статус союзной республики). В качестве представителей сторон выступили министр международных экономических связей ВР Б. Кадар и председатель Совета министров Коми ССР В.И. Худяев⁸. Помимо процедуры подписания, делегация Коми ССР участвовала в ряде встреч и переговоров с различными заинтересованными властными структурами и ведомствами ВР: с депутатами венгерского парламента, представителями Министерства международных экономических отношений, Министерства иностранных дел, Министерства земледелия, Министерства промышленности и торговли, государственного имущественного комитета, а также состоялись встречи с представителями венгерских предпринимательских кругов⁹. Прежде всего, данное соглашение оформляло вопросы торгово-экономического сотрудничества Коми и Венгрии. Именно ему была посвящена большая часть текста документа¹⁰. Это было первое соглашение Республики Коми, в котором Коми ССР фактически выступила субъектом международного права. Однако не стоит преувеличивать роль фактора этнического родства во внешней торговле. Ещё до того, как Коми ССР и ВР подписали между собой межправительственное соглашение, 17 сентября 1991 г. подобное соглашение было заключено между Башкирской ССР и ВР, там же – в Будапеште¹¹. Исполнение соглашения между Коми и Венгрией продвигалось непросто в силу объективно существующих экономических трудностей с обеих сторон. Лучше всего удалось исполнить его «торговую» часть. Тем не менее, коми-венгерское экономическое сотрудничество стало значимым явлением в международной составляющей деятельности властей РК в 1990-е гг.

Центр в целом достаточно благосклонно относился к внешнеэкономическим связям субъектов РФ, особенно неприграничных. Прежде всего, на протяжении первого постсоветского десятилетия ФЦ рассчитывал, что благодаря активному участию субъектов РФ в международной жизни, регионы смогут эффективнее решать многочисленные социальные проблемы и быстрее модернизировать экономику. Можно говорить о совпадении интересов ФЦ и регионов РФ в этом вопросе.

МИД СССР как центральный внешнеполитический орган изначально занял выжидательную позицию по вопросу о международной деятельности субъектов РФ, которая стала активно разворачиваться в форме заключения согла-

⁷ Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-2385. Оп. 1. Д. 5. На 8 л.

⁸ A komi kapcsolat // Magyar Nemzet. 1991. December 7. 9 old.

⁹ Кармановский В. Мы нужны друг другу // Красное знамя. 1991. 25 декабря. С. 1.

¹⁰ Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-2385. Оп. 1. Д. 5. На 8 л.

¹¹ Соглашение между Правительством Башкирской ССР и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях. Будапешт, 17.09.1991 г. // Региональное законодательство. Башкортостан. URL: <http://ufa.regionz.ru/index.php?ds=37660> (дата обращения: 24.03.2013).

шений в 1991 г. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что первые прямые соглашения субъектов тогда ещё РСФСР с Венгрией не привлекли достаточного внимания сотрудников дипломатических и консульских учреждений СССР в Венгрии. По крайней мере, данные Архива внешней политики РФ свидетельствует именно об этом – соответствующие информационно-аналитические материалы за 1991 г. не обнаружены¹², хотя в последующие годы их немало.

Однако вскоре вследствие взаимного наложения этнонационального фактора появилась определённая напряжённость. С одной стороны, общественность и влиятельные политические круги Венгрии стали поднимать тему венгерских меньшинств за рубежом. С самого начала «смены режима», ещё летом 1989 г. на форуме демократических сил в Лакителеке вопрос о зарубежных венграх был внесён в качестве одного из ключевых пунктов в создаваемую концепцию будущего Венгрии, ведь в 1950-1980-е гг. вопрос зарубежных венгерских меньшинств замалчивался на официальном уровне и не поднимался первыми лицами ВНР [5; 14]. Правительство Й. Антала, сформированное в основном из членов партии Венгерский демократический форум, вплоть до поражения на парламентских выборах 1994 г. достаточно жёстко следовало этому курсу¹³. И это ещё раз подтверждает фундаментальность этнической проблематики для понимания Венгрии. Вопрос этнического идентитета оказал существенное влияние на внешнеполитический курс Венгрии после глобальных трансформаций на мировой арене на рубеже 80 – 90-х гг. XX в.¹⁴ С другой стороны, подъём этнических движений в СССР в 1985-1991 гг. в первой половине 1990-х гг. ещё далеко не исчерпал свой потенциал. Более того, в национальных регионах РФ важные руководящие посты в системе органов власти стали активно занимать как раз представители этноэлит. При этом в их программах этническая проблематика занимала значительное место. В результате Венгрия и финно-угорские регионы РФ стали быстро сближаться.

Между тем ситуация 1991 – 1993 гг. в России характеризовалась огромным правовым вакуумом в вопросе о будущем государственном устройстве страны. Советские нормы перестали действовать, а процесс поиска новых решений шёл трудно. Существование реального риска сецессии многих субъектов РФ вкупе с фактической слабостью ФЦ не могли не беспокоить МИД России. При этом следует отметить, что финно-угорские регионы России в силу множества причин представляли в этом плане наименьшую угрозу. Тем не менее, с целью соблюдения единой линии в таких вопросах были предприняты энергичные усилия для уменьшения «сепаратистского потенциала» «Декларации о принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Венгерской Республикой по

¹² АВП РФ. Ф. 77. Оп. 71. Папка 107. Д. 3.

¹³ К вопросу о национальном факторе в отношениях Венгрии с сопредельными странами (Информация). 16 мая 1994 г. // АВП РФ. Ф. 77. Референтура по Венгрии. Оп. 74. Папка. 112. Д. 5. Л. 20.

¹⁴ Terényi János. 1989-2009: húsz év a magyar külpolitikában // Официальный портал Правительства Венгрии. URL: http://www.mfa.gov.hu/kulkepvisolet/DE/hu/20_eves_jubileum/terenyi.htm (дата обращения: 15.12.2017).

обеспечению прав национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств», принятой в Будапеште 11 ноября 1992 г. во время визита Ельцина. В результате предложение венгерской стороны о повышении юридического статуса национальных групп было отклонено¹⁵.

В то же время сотрудники дипломатической службы в зарубежных учреждениях МИД России внимательно отслеживали и анализировали новые форматы межрегионального трансграничного сотрудничества, появившиеся на границах бывшего Советского Союза. Немало информационно-аналитических материалов посвящено именно этой теме¹⁶. Иначе говоря, субъекты РФ рассматривались ФЦ как один из дополнительных ресурсов в осуществлении внешнеполитического курса.

Естественно, что обмен визитами между представителями венгерской стороны и российских финно-угорских регионов также не оставались без внимания заграничных учреждений российского внешнеполитического ведомства, расположенных в Венгрии. Так, информационный материал посольства РФ в ВР, подготовленный по итогам визита в Будапешт председателя Комитета возрождения коми народа В.П. Маркова 1-7 июня 1993 г., содержит детальную информацию по высказываниям президента ВР А. Генца и председателя Государственного собрания ВР Д. Сабода о государственном-правовом статусе финно-угорских субъектов РФ¹⁷. Надо отметить, что официальные лица ВР вели себя весьма корректно и старались избежать спорных моментов в ходе своих бесед. Венгерские руководители делают акцент на необходимости развития культурного и экономического направлений сотрудничества с РК¹⁸. Следует указать на то, что официальные лица РК, в отличие от властей некоторых других регионов РФ, никогда не пытались бравировать своими международными связями перед ФЦ и не демонстрировали намеренного стремления к превышению полномочий. Приведенные факты говорят о потребности как властей РК, так и Венгрии осуществлять сотрудничество в рамках адекватного образа действий, чтобы не вызвать нареканий со стороны ФЦ.

Однако ФЦ и связанные с ним информационно-аналитические структуры по-прежнему относились к взаимодействию финно-угорских регионов РФ и Венгрии с долей недоверия. По итогам турне А. Генца в ряд российских финно-угорских регионов (Коми, Удмуртия, Мордовия, Марий Эл, Ханты-Мансийский автономный округ), а также Башкортостан и Татарстан в июне-июле 1993 г., отмечались протокольные нарушения (на фоне отсутствие опыта в международ-

¹⁵ Письмо заместителя министра иностранных дел РФ В.И. Чуркина – министру иностранных дел РФ А.В. Козыреву. 2 ноября 1992 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 72. Папка 108. Д. 4. Л. 5-6.

¹⁶ К вопросу о создании регионального сообщества «Тисса-Карпаты» (Информация). 31 января 1992 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 72. Папка 108. Д. 4. Л. 85; Об организации «Еврорегион Карпаты» (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 112. Д. 5. Л. 78-80; Об организации регионального сотрудничества «Еврорегион - Карпаты» (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 112. Д. 5. Л. 12-16.

¹⁷ Венгерские руководители о контактах с финно-угорскими республиками России (Информация). 11.06.1993 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 73. Папка 109. Д. 3. Л. 86-87.

¹⁸ Там же.

ных делах у субъектов РФ вполне объяснимое явление), а также стремление венгерской стороны дистанцироваться от центра путём подписания с субъектами РФ соглашений, в которых содержатся положения, относящиеся к совместному ведению ФЦ и регионов [13]. Посол РФ в Венгрии И.П. Абоимов, сопровождавший Генца, буквально в последний момент предотвратил подписание договора об основах отношений между Коми и Венгрией¹⁹. Во-первых, само наименование договора выходило за пределы предметов ведения Республики Коми как субъекта РФ. Во-вторых, текст не был согласован с МИД России. Председатель Верховного Совета Ю.А. Спиридонов и Генц были растеряны²⁰. Очевидно, что подготовка данного соглашения не носила злонамеренный характер. Тем не менее, напряжение в Центральном аппарате внешнеполитического ведомства продолжало нарастать. В конце концов, президента Венгрии посреди турне внепланово пригласили в МИД России в Москве, где заместитель министра В.И. Чуркин в жёсткой форме потребовал объяснений о «подстрекательских высказываниях», а также сообщил о подготовленном разгромном сообщении для прессы. Последствия могли быть весьма тяжёлыми как для российско-венгерских отношений на межгосударственном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Однако неожиданно Ельцин принял Генца очень тепло²¹. В итоге конфликт был исчерпан, и широкая публика так ничего и не узнала.

Между тем, в венгерской прессе поездка президента ВР по субъектам РФ хотя и получила освещение²², но нельзя сказать, что находилась в центре внимания. И сами материалы носили, в основном, информационный характер и выходили в жанре коротких новостных сообщений²³. Позиционирование связей Венгрии с российскими финно-уграми в венгерской прессе не шло во внешнеполитическом ключе как таковом. Скорее такие контакты подавались как внешнее измерение этнических связей: «ближняя родня» (венгерские меньшинства в сопредельных государствах) и «дальняя родня» (Финляндия, Эстония, российские финно-угорские народы). В то же время подписание Соглашения в области культуры и образования между соответствующими ведомствами РК и ВР²⁴ в ходе визита А. Генца в Сыктывкар не вызвало возражений у ФЦ.

По мере постепенного создания нормативно-правовой базы по внешним связям российских регионов в середине 1990-х гг. наметилась тенденция к установлению партнёрских отношений между центром и РК. Помимо соблюдения

¹⁹ Калашникова М. «Руководство рассматривало ГДР как отрезанный ломоть» [интервью с бывшим заместителем министра иностранных дел СССР, послом РФ в Венгрии в 1990 – 1996 гг. И.П. Абоимовым] // Коммерсант-Власть. 2005. 18 апреля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/570876> (дата обращения: 12.08.2016).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² A Komi Köztársaság és a finnugor népek mozgalma // Magyar Hirlap. 1993. június 24. 1, 3 old.

²³ Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Magyar Hirlap. 1993. június 23. 3 old.; Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Nemzet. 1993. június 23. 3 old.

²⁴ Соглашение между Министерством культуры, Министерством образования Республики Коми и Министерством культуры и образования Венгерской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования. Сыктывкар, 23 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. – 1993. - № 3. Июнь. С. 40-43.

правовых процедур это было связано ещё и с недостатком соответствующего опыта в международных делах у органов власти РК, то есть речь о нехватке информационных и организационных ресурсов. В своём обращении в МИД России в феврале 1994 председатель Верховного Совета РК Ю.А. Спиридонов отмечает этот фактор²⁵. Помимо непосредственно участия сотрудников дипломатической службы, республиканским властям были необходимы информационно-аналитические и справочные материалы. Подразделения российского МИД удовлетворили просьбу региональных властей²⁶. Можно предположить, что к середине 1990-х гг. в ФЦ, в целом, и в МИД, в частности, появилась определённая дифференциация подходов относительно международной активности субъектов РФ. Стало ясно, какие регионы используют внешние связи в негативном ключе, а какие стремятся действовать в рамках правил. В соответствии с этим и избиралась стратегия поведения центрального внешнеполитического ведомства России.

В то же время Венгрия проявляла высокую активность по налаживанию экономического сотрудничества не только с финно-угорскими республиками РФ. В первой половине 1990-х гг. можно выделить три группы российских регионов в зависимости от доминирующих направлений и видов сотрудничества с Венгрией:

- финно-угорские автономии – культура, наука и образование, экономика (с/х, машиностроение);
- области центра, юга, Поволжья и Приуралья – экономика (с/х)²⁷;
- Башкортостан и Татарстан – экономика (машиностроение) [13].

Помимо этого, к середине 1990-х гг. развернулись и процессы по налаживанию «горизонтальных» связей между областями Венгрии и субъектами РФ²⁸. Однако прогресс осложнялся, помимо прочего, запутанностью системы венгерских органов государственной власти и органов местного самоуправления, созданной после «смены режима». Например, областные органы власти относились к муниципальному уровню (поэтому не вполне корректно именовать сотрудничество субъектов РФ с областями Венгрии в 1990-е гг. «межрегиональным»)²⁹. Кроме того, во всех областях располагалась густая сеть центральных/государственных органов власти. В результате был сформирован огромный бюрократический, но неэффективный аппарат³⁰. И Генеральное консульство РФ в Дебрецене прямо указывало на негативные последствия такого состояния дел

²⁵ Председатель Верховного Совета РК Ю.А. Спиридонов – заместителю министра иностранных дел РФ С.Б. Крылову. 09 февраля 1994 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3 Л. 18.

²⁶ Председатель Верховного Совета РК Ю.А. Спиридонов – заместителю министра иностранных дел РФ С.Б. Крылову. 15 апреля 1994 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 44.

²⁷ О развитии связей субъектов Российской Федерации с Венгрией в 1995 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 114. Д. 5. Л. 4-5; 1.О сотрудничестве с Венгрией по линии АПК (Справка) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 110.

²⁸ Об опыте связей между областями Восточной Венгрии и России (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 184-185.

²⁹ О системе органов местного самоуправления в Венгрии // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 72. Папка 108. Д. 4. Л. 48-50.

³⁰ Дискуссии о схемах органов местного самоуправления // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 75. Папка 113. Д. 5. Л. 63.

для развития связей субъектами РФ³¹. Тем не менее, к 1996 г. десять из девятнадцати венгерских областей имели связи с сорока тремя из восьмидесяти девяти субъектов РФ³².

Эволюция позиции Венгрии по связям с российскими регионами к середине 1990-х гг. также в немалой степени повлияла на установление партнёрского принципа взаимодействия между ФЦ и РК в вопросе международного сотрудничества, в том числе и с Венгрией. По мнению дипломатов посольства РФ в Венгрии, к этому времени со стороны Будапешта наметилось явное изменение стратегии. Если в начале 1990-х гг. Будапешт делал ставку на обособленные от ФЦ отношения с крупными субъектами РФ (Татарстан, Башкортостан, Коми), то теперь ранг взаимодействия с ними приблизился к сотрудничеству с другими регионами РФ³³. К тому же, по их мнению, акценты были смещены от политики в сторону экономики и культуры³⁴. Изменение стратегии было обусловлено не слишком успешными результатами экономического взаимодействия – трансформация экономик России и Венгрии шли весьма не просто, хотя ВР и выглядела по ряду показателей более благополучно по сравнению с другими государствами бывшего соцлагеря. Между тем, ФЦ был заинтересован в улучшении российско-венгерского торгово-экономического сотрудничества за счёт субъектов РФ³⁵.

Изменение позиции ФЦ, представленного в данном случае МИД России, на более благосклонную относительно коми-венгерских международных связей проявляется и ещё в ряде моментов. Так, при анализе проблем экономического сотрудничества российских регионов с Венгрией отмечается, что среди субъективных сложностей немалую роль играет позиция управленческих структур регионов РФ. По мнению венгерских бизнесменов, в ряде случаев чиновники блокируют исполнение принятых соглашений и достигнутых договорённостей, если не видят в их реализации личной выгоды³⁶. Кроме того, венгры отмечают и нежелание российских партнёров из числа региональных органов власти субъектов РФ выстраивать долгосрочные, стратегические отношения (упор на разовые простые проекты, нежелание совместно прорабатывать долговременные инициативы)³⁷. В определённой мере такая оценка МИД РФ характерна и непосредственно для РК.

Для преодоления имеющихся препятствий в экономическом сотрудничестве российских регионов с ВР МИД России разработал ряд рекомендаций, некоторые из которых были воплощены в жизнь и дали определённый эффект:

³¹ Там же.

³² О развитии связей субъектов Российской Федерации с Венгрией в 1995 г. // АВРП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 114. Д. 5. Л. 4-5.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

- с целью координации действий властей федерального и регионального уровня создать Экономический совет при посольстве РФ в Венгрии;
- предпринять усилия по налаживанию более тесного сотрудничества с Минсельхозом РФ и другими заинтересованными ведомствами;
- усилить роль Торгово-промышленной палаты РФ;
- разработать долгосрочные программы сотрудничества;
- издавать информационные вестники с целью наведения мостов между российским и венгерским бизнес-сообществами³⁸ [26].

С установлением партнёрских отношений ФЦ стал гораздо спокойнее относиться и к такому новому формату международного этнического взаимодействия как Всемирные конгрессы финно-угорских народов. Первый конгресс состоялся в 1992 г. в Сыктывкаре, а второй прошёл в 1996 г. в Будапеште. Понятно, что к делегациям Коми (возглавил глава РК Ю.А. Спиридонов) и Венгрии было приковано особое внимание. Дипломаты посольства России в ВР отметили деполитизацию венгерской позиции по финно-угорскому движению³⁹. Кроме того, ФЦ указал на необходимость поддержки финно-угорского движения, так как это способствует улучшения отношений РФ с Венгрией, Финляндией и Эстонией⁴⁰. Как видно, политическая составляющая имплицитно присутствует в международных связях субнациональных акторов и может с выгодой применяться и на межгосударственном уровне.

ФЦ выражал обеспокоенность не только в связи с неудовлетворительными результатами экономического сотрудничества между Венгрией вместе с её областями и субъектами РФ, но и в связи со сходными проблемами в сфере научно-образовательного сотрудничества. Очевидно, надеясь с помощью финно-угорских регионов восполнить потери, возникшие после распада СССР, центр стремился содействовать академическим обменам как среди студентов, так и среди преподавателей. Особенно если учесть, что Венгрия обладала весьма значительным научно-образовательным потенциалом, а венгерские вузы очень быстро интегрировали западные образовательные стандарты и сумели занять достойную нишу на международном образовательном рынке. Однако в силу проблем с финансами этого сделать не удалось⁴¹. Общей тенденцией стало то, что обучавшиеся в Венгрии по президентским стипендиям А. Гёнца российские финно-угры не возвращались на родину, а оставались на постоянное место жительства в Венгрии. Впрочем, это было общей тенденцией для всех российских студентов, учившихся в вузах в Венгрии, в 1990-е гг.⁴². Это относится и к коми

³⁸ О развитии связей субъектов РФ с Венгрией в 1996 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 77. Папка 116. Д. 4. Л. 9.

³⁹ Об участии Венгрии в финно-угорском сотрудничестве (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 115. Д. 9. Л. 41.

⁴⁰ О Втором Всемирном конгрессе финно-угорских народов (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 115. Д. 9. Л. 56.

⁴¹ О сотрудничестве между субъектами РФ и Венгрией в области образования (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 77. Папка 117. Д. 8. Л. 221.

⁴² О подготовке в Венгрии российских стипендиатов // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 77. Папка 117. Д. 8. Л. 265.

студентам. В свою очередь, это порождало естественные вопросы у венгерской стороны и выглядело как нецелевое расходование средств.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в России сформировалась достаточно благоприятная модель федеративных отношений для развития международных связей субъектов РФ, хотя в целом ощущалась её незрелость. Существовали серьёзные противоречия между Центром и регионами по многим вопросам внутренней жизни, что нашло своё отражение в известной фразе о России как стране, балансирующей между авторитаризмом и демократией. Несмотря на это, в международной сфере у центра и целого ряда субъектов РФ намечился устойчивый позитивный вектор, формировалось общее видение ситуации, что косвенным образом смягчало остроту внутривнутриполитических разногласий. Такое положение свидетельствует против упрощённого подхода, согласно которому в условиях ослабления центра любые международные связи и контакты субнациональных акторов, особенно асимметричные, несут угрозу целостности государства. Можно сказать, что асимметричные субгосударственные связи способны сыграть позитивную роль в демократическом транзите. В то же время российско-венгерские отношения находились на полупериферии интересов Москвы и Будапешта. Между тем, Республика Коми, как и многие другие субъекты РФ, стремилась перейти из статуса региона-амбиверта в число регионов-экстравертов через активное участие в международном финно-угорском движении в целом и развитие связей с Венгрией в частности. ФЦ сыграл весьма значимую роль в становлении РК в качестве международного актора. Изначально осторожная позиция ФЦ эволюционировала в сторону установления партнёрских отношений с РК в сфере международной деятельности, во многом благодаря прагматичной позиции, занятой и Венгрией, и РК. Важно отметить, что нестабильная мирополитическая обстановка в текущий период в то же время создаёт необходимые предпосылки для перезапуска партнёрских отношений между ФЦ и субъектами РФ с целью решения сложных задач, особенно в плане модернизации экономики и повышения уровня социально-экономического развития российских регионов, в том числе через активную международную деятельность российских субгосударственных акторов.

Список литературы

1. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М.: МГИМО(У) МИД России, 2005. 187 с.
2. Барбанов О.Н. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ // Общество, политика, наука: новые перспективы. М.: МОНФ, 2000. № 114. С. 477-501.
3. Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // Аналитические записки. Выпуск 3 (32). Апрель 2008 / Центр региональных политических исследований Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, М.: МГИМО-Университет, 2008. 28 с.
4. Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политике страны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 192-198.

5. Ижак Л. Политическая история Венгрии. 1944-1990. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 246-247.
6. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
7. Лихачев В.Н. Россия и Европейский союз в международной системе (дипломатия, политика, право) 1998-2004 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 53-66.
8. Макарычев А.С. Российские регионы как международные акторы: Аналитический доклад. Нижний Новгород, 2000. 114 с.
9. Макарычев А.С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. 2000. № 5. С. 81-97.
10. Маркушина Н.Ю., Харлампова Н.К. Северо-Западный федеральный округ: внешние связи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 260 с.
11. Международные отношения в XXI веке. Глобальное в региональном, региональное в глобальном / под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: НГЛУ, 2000. 183 с.
12. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М.: Восток-Запад, 2009. 384 с.
13. Монич Ю.И., Волотов О.Г. Российско-венгерские отношения: проблемы и перспективы / Институт международных экономических и политических исследований РАН. Проект «Россия и Восточная Европа». М., 1994. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 27.
14. Петраш Э., Шпанненбергер Н. Непрерывность венгерского национализма под знаком системной трансформации // Национализм в позднее- и посткоммунистической Европе : В 3 т. / под общ. ред. Э. Яна. Т. 2. Национализм в национальных государствах. М.: РОССПЭН, 2010. С. 435.
15. Плотникова О.В. Теория, система и практика международных связей регионов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 262 с.
16. Толстых В.Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2004. 176 с.
17. Федерализм // Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 227-228.
18. Яровой Г.О., Белокурова Е.В. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Нормма, 2012. 368 с.
19. Bolleyer N. Federal Dynamics in Canada, the United States, and Switzerland: How Substates' Internal Organization Affects Intergovernmental Relations // Publius: The Journal of Federalism. 2006. Vol. 36. No. 4, Pp. 471-502.
20. Cantori L.J., Spiegel S.L. The International Relations of Regions // Polity. 1970. No. 4. Pp. 397-425.
21. Farrell H., Newman A.L. Domestic Institutions Beyond the Nation-State: Charting the New Interdependence Approach // World Politics. 2014. No. 2. Pp. 331-363.
22. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. No. 44. Pp. 936-957.
23. Kukucha C.J. An Independent Foreign Policy for Canadian Provinces? International Trade and Sub-Federal Autonomy // An Independent Foreign Policy for Canada? Challenges and Choices for the Future. Toronto: University of Toronto Press. Pp. 163-182.
24. Michelmann H.J. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units // Canadian Journal of Political Science. 1991. No. 4. Pp. 865-866.
25. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change // World Politics. 1993. No. 45. Pp. 595-628.
26. Reynolds P.A. Non-state Actors and International Outcomes // British Journal of International Studies. 1979. No. 2. Pp. 91-111.
27. Shu-Yun M.A. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review. 2007. No. 28 (1). Pp. 57-78.
28. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. No. 2. Pp. 369-404.
29. Tierney S. Reframing Sovereignty? Sub-State National Societies and Contemporary Challenges to the Nation-State // The International and Comparative Law Quarterly. 2005. No. 1. Pp. 161-183.

Об авторе:

Сергей Павлович Артеев – выпускник исторического факультета Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Россия, 167001, Сыктывкар, пр.Октябрьский, д. 55.
E-mail: artsp7@yandex.ru.

SUB-STATE ACTORS IN INTERNATIONAN RELATIONS AND THE EVOLUTION OF FEDERALISM (COOPERATION BETWEEN THE KOMI REPUBLIC AND HUNGARY IN THE FIRST HALF OF THE 1990s.)

Sergey P. Arteev

DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164

Piritim Sorokin Syktyvkar State University

The paper is devoted to the problem of asymmetrical international interaction of sub-state actors. It touches upon the erosion of Westphalian sovereignty at present time. This problem is under discussion in conjunction with the evolution of federalism. Author attempts to clarify the relation of international activity of world politics sub-state actors and type of interaction between central and regional levels of government. For this purpose the article presents the analysis of the cooperation between the Republic of Komi (part of Russian Federation) and the Republic of Hungary in the first half of the 1990s. In addition author focuses on the role of international relations of sub-state actors in the democratic transition. The main method of the investigation is historical institutionalism. This research method provides a necessary result. The investigation based on data from the Foreign policy archive of the Russian Federation and publications in Hungarian and Russian newspapers. There are foreign and Russian research papers on the question. Scientists from different fields develop this issue. For carrying out the purpose of investigation offer typology of Russian regions regarding to their external relations, indicate the possible definitions of the key terminology of international activities of Russian regions and is a brief overview of the establishment of Russian-Hungarian relations on a new base in the late Soviet and early post-Soviet periods. It should be noted that the model of interaction between the Komi Republic and Hungary is typical of many of the basic parameters for international activities of Russian regions in the chronological framework. In conclusion the paper reads that to the medium of the 1990s came a partnership type of relationship between Centre and Komi concerning Komi-Hungarian cooperation. This fact proves the possibility of the positive role of asymmetric international relations of sub-state actors, including the period of democratic transition.

Key words: international relations of the state regions, Russia, Hungary, Komi Republic, federalism, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, historical institutionalism

References

1. Alexandrov O. B. *Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [Regions in Russia's foreign policy. The Role Of The North-West]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet) Publ., 2005. 187 p. (In Russian).
2. Barabanov O.N. *Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnykh otnosheniakh: zarubezhnye tendentsii i polozhenie sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. Obshchestvo, politika, nauka: novye per-*

- spektivy* [Domestic regions as actors in international relations: foreign trends and the situation of subjects of the Russian Federation. Society, politics, science: new perspectives]. Moscow, Moskovskii Obshchestvennyi nauchnyi fond Publ. 2000. no. 114. pp. 477-501 (In Russian).
3. Busygina I., Lebedeva E. Sub'ekty federatsii v mezhdunarodnom sotrudnichestve [The subjects of the Federation in international cooperation]. *Analiticheskie zapiski*, 2008, iss. 3 (32). Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet) Publ., 2008. 28 p. (In Russian).
 4. Ivanov I.S. *Novaia rossiiskaia diplomatiia. Desiat' let vneshnei politike strany* [The New Russian diplomacy. Ten years of foreign policy]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. Pp. 192-198. (In Russian).
 5. Izhak L. *Politicheskaia istoriia Vengrii. 1944-1990* [The political history of Hungary. 1944-1990]. Moscow, The Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences Publ., 2006. Pp. 246-247. (In Russian).
 6. Lebedeva M.M. *Mirovaia politika* [World politics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2007. 365 p. (In Russian).
 7. Likhachev V.N. *Rossiiia i Evropeiskii soiuz v mezhdunarodnoi sisteme (diplomatiia, politika, pravo) 1998-2004 gg.* [Russia and the European Union in the international system (diplomacy, politics, law), 1998-2004] Kazan', Tsentri innovatsionnykh tekhnologii Publ., 2004. Pp. 53-66. (In Russian).
 8. Makarychev A.S. *Rossiiskie regiony kak mezhdunarodnye aktory* [The Russian regions as international actors]. Nizhnii Novgorod, 2000. 114 p. (In Russian).
 9. Makarychev A.S. *Federalizm epokhi globalizma: vyzovy dlia regional'noi Rossii* [The Federalism of the epoch of globalism: the challenges for regional Russia]. *Polis*, 2000, no.5, pp. 81-97 (In Russian).
 10. Markushina N. Y., Kharlampieva N. T. *Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [The North-West Federal Okrug: external relations]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press Publ., 2008. 260 p. (In Russian).
 11. *Mezhdunarodnye otnosheniia v XXI veke. Global'noe v regional'nom, regional'noe v global'nom* [International relations in the XXI century. Global to regional, regional to global] / Ed. by A.S. Makarycheva. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet Publ., 2000. 183 p. (In Russian).
 12. Moiseev A.A. *Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave* [State sovereignty in international law]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2009. 384 p. (In Russian).
 13. Monich Iu.I., Volotov O.G. *Rossiisko-vengerskie otnosheniia: problemy i perspektivy* [Russian-Hungarian relations: problems and prospects] / Institut mezhdunarodnykh ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniia Rossiiskoi Akademii nauk. Proekt «Rossiia i Vostochnaia Evropa». Moscow, 1994. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [The Foreign policy archive of the Russian Federation]. Collection 77. Inventory 74. Folder 111. Case 3. Sheet 27. (In Russian).
 14. Petrash E., Shpannenberger N. *Nepreryvnost' vengerskogo natsionalizma pod znakom sistemnoi transformatsii* [The continuity of Hungarian nationalism under the sign of transformation]. *Natsionalizm v pozdnee- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in late and post-Communist Europe. In 3 volumes]. Ed. by E. Ian. Vol. 2. *Natsionalizm v natsional'nykh gosudarstvakh* [Nationalism in national states]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 435.
 15. Plotnikova O. V. *Teoriia, sistema i praktika mezhdunarodnykh sviazei regionov* [Theory, system and practice of international relations of the regions]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 262 p. (In Russian).
 16. Tolstykh V. L. *Mezhdunarodnaia deiatel'nost' sub'ektov Rossiiskoi Federatsii* [International activity of subjects of the Russian Federation]. Moscow, International relations Publ., 2004. 176 p. (In Russian).
 17. *Federalizm* [Federalism]. Busygina I., Zakharov A. *Sum ergo cogito. Politicheskii mini-leksikon* [Political mini-lexicon]. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniia Publ., 2006. P. 227-228. (In Russian).

18. Iarovoi G.O., Belokurova E.V. *Evropeiskii Soiuz dlia regionov: chto možno i nužno znat' rossiiskim regionam o ES* [The European Union for regions: what can and should know the Russian regions of the EU.]. Saint-Petersburg, Norma Publ., 2012. 368 p. (In Russian).
19. Bolleyer N. Federal Dynamics in Canada, the United States, and Switzerland: How Substates' Internal Organization Affects Intergovernmental Relations. *Publius: The Journal of Federalism*, 2006, vol. 36, no. 4, pp. 471–502.
20. Cantori L.J., Spiegel S.L. The International Relations of Regions. *Polity*, 1970, no. 4, pp. 397-425.
21. Farrell H., Newman A.L. Domestic Institutions Beyond the Nation-State: Charting the New Interdependence Approach. *World Politics*, 2014, no. 2, pp. 331-363.
22. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*, 1996, no. 44, pp. 936-957.
23. Kukucha C.J. An Independent Foreign Policy for Canadian Provinces? International Trade and Sub-Federal Autonomy. *An Independent Foreign Policy for Canada? Challenges and Choices for the Future*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 2009. Pp. 163-182.
24. Michelmann H.J. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. *Canadian Journal of Political Science*, 1991, no. 4, pp. 865-866.
25. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change. *World Politics*, 1993, no. 45, pp. 595–628.
26. Reynolds P.A. Non-state Actors and International Outcomes. *British Journal of International Studies*, 1979, no. 2, pp. 91-111.
27. Shu-Yun M.A. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism. *International Political Science Review*, 2007, no. 28 (1), pp. 57-78.
28. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics. *Annual Review of Political Science*, 1999, no. 2, pp. 369-404.
29. Tierney S. Reframing Sovereignty? Sub-State National Societies and Contemporary Challenges to the Nation-State. *The International and Comparative Law Quarterly*, 2005, no. 1, pp. 161-183.

About the author:

Sergey P. Arteev – Alumnus of History Department, Piritim Sorokin Syktyvkar State University. Russia, 167001, Syktyvkar, avenue Oktyabrsky, 55. E-mail: artsp7@yandex.ru.

ВЛИЯНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛОББИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ

И.Д. Лошкарёв, Д.А. Пареньков, А.А. Сушенцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается потенциал политического влияния украинского этнического лобби на внешнюю политику США. Исходя из того, что этнические лобби в США способны преодолевать институциональную систему сдержек и противовесов, авторы пытаются установить степень и пределы влияния украинского лобби.

Рассматриваемое лобби опирается на немногочисленную украинскую диаспору. Будучи сформированной в ходе четырёх волн миграции с территории современной Украины, обусловленных различными причинами, украинская диаспора в США представляет собой крайне неоднородное и многослойное сообщество.

Основной организацией диаспоры выступает Комитет Конгресса украинцев в США. Это зонтичная структура для организаций экономического, культурного и политического профиля, а также для объединений ветеранов, женщин и молодёжи.

В политических целях украинская диаспора в США использует несколько инструментов. Во-первых, диаспоральные организации стремятся поощрять деятельность своих членов-госслужащих низшего и среднего звена по формированию оптимальной повестки дня. К этому процессу подключаются выходцы из диаспоры среди экспертов и медиаперсон. Во-вторых, украинская диаспора наладила взаимодействие с другими восточноевропейскими диаспорами, что позволяет ей использовать электоральный потенциал в штатах северо-запада и Среднего Запада США и выступать с совместными инициативами в общении с Конгрессом. В совокупности это оказывает на внешнеполитическую деятельность Конгресса некоторое влияние, однако его не стоит преувеличивать. Скорее наоборот, в американском истеблишменте сложился запрос на антироссийские аргументы, что выводит повестку дня украинской диаспоры на передний план внешнеполитической дискуссии. Это позволяет сделать вывод о том, что в отсутствие подходящего международного контекста потенциал политического влияния украинского этнического лобби в США ограничен.

УДК 94 (73)

Поступила в редакцию 18.02.2018 г.

Принята к публикации 20.04.2018 г.

Ключевые слова: украинская диаспора, этническое лобби, внешняя политика США, лоббизм.

Политическая система США основана на постоянном состязании интересов различных групп избирателей. Эта особенность несёт с собой не только ряд преимуществ, но и некоторые негативные последствия, ключевое из которых состоит в постепенной фрагментации общества. Джеймс Мэдисон, один из отцов-основателей США, был автором «теории фракций», которая предупреждала грядущие поколения американцев об опасности постоянных групп интересов: «Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на фракции, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага»¹. Мэдисон полагал, что уничтожить фракции невозможно, но можно ослабить их влияние с помощью сложного устройства федеральной власти и создания большого числа штатов, что усложнило бы горизонтальные политические связи.

За два с половиной века существования США многие группы интересов смогли приспособиться к такой системе сдержек и противовесов [12, р. 69]. Прежде всего, речь идёт об этнических и мигрантских сообществах (диаспорах), которые при наличии должной степени консолидации могут преодолевать сопротивление американских политических институтов.

Одно из таких сообществ – украинская диаспора. Несмотря на определённый исследовательский ажиотаж вокруг тем, связанных с Украиной, проблематика диаспоры в США остаётся практически не исследованной. Лишь несколько отечественных американистов (П.С. Каневский, П.А. Шариков, М.А. Троицкий) попытались рассмотреть вопрос продвижения интересов диаспорой в контексте формирования внешней политики США [1; 2]. В самой Украине исследования диаспоры в основном касаются культурных и экономических вопросов, преобладает простая констатация наличия политического влияния украинской диаспоры [4; 5; 6]. Редким исключением можно считать статью Д. Горелова, в которой содержится вдумчивый институциональный анализ украинской диаспоры в США, а также сложностей, преодолеваемых ею в ходе продвижения собственных интересов [3]. Большинство зарубежных авторов (В. Сацевич, М. Холмс)

¹ The Federalist Papers by Alexander Hamilton, John Jay, and James Madison. №10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gutenberg.org/files/1404/1404-h/1404-h.htm#link2H_4_0010.

обращают внимание на культурные особенности развития диаспоры, отмечая, что для формирования идентичности иногда возникала необходимость отстаивать собственные интересы [11; 14]. Иными словами, тема влияния украинской диаспоры во внешней политике США нуждается в основательной научной дискуссии, которую мы предлагаем начать настоящей публикацией.

Формирование украинской идентичности в условиях диаспоры

Украинская диаспора сформировалась в ходе четырёх волн миграции из Российской империи, Австро-Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, СССР и Украины в США. Первая волна пришлась на период 1870–1914 гг. и включала в себя преимущественно крестьян из Буковины и Галиции, которые были частью Австро-Венгерской империи. Вторая волна (1918–1939 гг.) также состояла преимущественно из крестьян выше перечисленных регионов, вошедших после распада Австро-Венгрии в состав Польши, Румынии и Чехословакии. С третьей волной (1945–1955 гг.) в США прибыли в основном активисты украинских националистических организаций и сочувствовавшие им жители Западной Украины, бежавшие из СССР. Последняя – четвёртая волна – началась в конце 1980-х гг. и формально продолжается до сих пор. Как и первые две волны, она включает в себя главным образом экономических мигрантов [4, с. 31]. По существующим оценкам, до 1914 г. в США переселилось до 350 тыс. украинцев (малороссов, русинов, карпаторосов, галичан, буковинцев). В межвоенный период в страну прибыло 10–30 тыс. украинцев, в 1945–1955 гг. – до 100 тыс. [5, с. 12–15]. В украинской литературе диаспора в США называется «западной» и активно противопоставляется проживающей на постсоветском пространстве «восточной»: именно «западная» диаспора считается хранителем «украинскости», едва ли не единственным ресурсом политической модернизации современной Украины [3, с. 53–55].

Интересно, что «украинскость» диаспоры, то есть её отождествление с украинцами, выработалась уже после переселения в США. Дело в том, что до середины XIX в. жители Галиции и Буковины не осознавали себя в качестве отдельной этнической группы, часто считали себя поляками, хотя говорили не на польском языке². Почти всю вторую половину XIX в. местные интеллектуалы отстаивали самоназвание «русины», нередко с прибавлением локальных топонимов (галицко-русский народ, карпаторосы и т.д.): самоназвание «украинцы» начало закрепляться лишь в начале XX в. Более того, мыслители Галиции, Буковины и Закарпатья в этот период не вполне понимали, являются ли малороссы (украинцы) в Российской империи отдельной этнической группой или частью единого народа [8, с. 342–347]. Естественно, что эти дилеммы не слишком зани-

² Речь не идёт о том, что украинцев в принципе не существовало или что они были выдумкой австро-венгерского Генштаба. Украинцев не существовало как общности (как «воображаемого сообщества» Б. Андерсона).

мали крестьян, мигрировавших в Новый Свет. Однако вслед за экономическими мигрантами в Северную Америку устремились и интеллектуалы – прежде всего, священнослужители греко-католической церкви. Именно они перенесли в диаспору дискуссии о самосознании и необходимости чётко очертить границы собственной идентичности.

Как и в некоторых других американских диаспорах (например, польской и ирландской), дискуссия о самоидентификации велась двумя крупными группами – условными клерикалами и секуляристами. Греко-католический союз придерживался мадярофильской ориентации и отстаивал самоназвание «русины» (иногда даже «угро-русины» и «греки»), поскольку этот союз представлял выходцев из Австро-Венгрии: в империи доминировали именно такие этнонимы. Свою лепту в дискуссию пытались вносить немногочисленные сторонники ортодоксального православия, связанные с РПЦ и продвигавшие идею «триединого народа» (великоросы-малоросы-белорусы) – например, священнослужители Алексей Товт и Александр Хотовицкий. «Украинофильское» течение возникло лишь в конце XIX в. и обычно связывается с приездом семи национально ориентированных греко-католических священнослужителей из Львова. Хотя окончательно самоназвание «украинцы» устоялось только в межвоенный период (1918–1939 гг.), «украинофильское» течение начало набирать силу несколько ранее: первая социально-политическая организация украинцев, Русинский национальный союз (возник в 1894 г.), в 1914 г. переименовалась в Украинскую национальную ассоциацию [14, p. 35–46].

Формирование украинской идентичности в условиях диаспоры привело к двум важным последствиям.

Во-первых, большинство украинской диаспоры в США (за исключением четвёртой волны) стало исповедовать т.н. «оборонительный национализм»³, который с подозрением относится к другим этническим группам в силу собственной шаткости. Вторая и, в особенности, третья волна миграции украинцев в США добавили в этот «оборонительный национализм» значительную долю антисоветизма и неприятия России (СССР воспринимался ими как политический проект Москвы). Впоследствии это вызвало стремление потомков мигрантов второго и последующих поколений перенести знакомые им американские политические институты на украинскую почву: других институтов эти представители диаспоры нередко не знали [11, p. 143].

Во-вторых, сложный процесс формирования диаспоральной идентичности обусловил возникновение разветвлённой сети организаций, которые стали

³ «Оборонительным национализмом» называется совокупность идеологических установок, выдвигаемых от имени определённой этнонациональной или (реже) религиозной группы. Эти идеологические установки представляют собой попытки легитимации права данной группы на существование при наличии как минимум одного из трёх вызовов: отсутствие собственной государственности, сомнения в способности создать собственную государственность, слабость или (и) многосоставность идентичности группы. Нередко «оборонительным национализмом» называют защиту народами своих политико-культурных прав в условиях оккупации или колониализма, то есть противодействие внешним факторам дезинтеграции этнонациональной группы.

конкурировать друг с другом. По разным данным, в настоящее время в США существует 13 политических, 12 профессиональных, 29 кредитных и несколько молодёжных и женских украинских организаций [4]. Среди наиболее значимых необходимо отметить Лигу американских украинцев (создана в 1924 г.), Ассоциацию украинской культуры (возникла в 1965 г.), Украинский научный институт Гарвардского университета (открыт в 1973 г.). Большинство этих организаций носит культурный или социальный характер, то есть способствует сохранению и распространению украинской культуры, а также осуществляет поддержку отдельных членов диаспоры (так называемые «братства» – fraternal organizations) [4, с. 32].

По разным данным, на сегодняшний день в США проживают до 2 млн украинцев [7, с. 164]. Очевидно, что часть украинцев находится в стране нелегально (например, в результате превышения разрешённого срока пребывания), поскольку официальная статистика насчитывает менее миллиона человек (986 тыс.)⁴. Преимущественно, нынешние представители диаспоры – это мигранты во втором (третья волна) и третьем–четвёртом (первая волна) поколениях. В то же время, увеличение численности украинцев в США происходит, в основном, за счёт прибытия новых выходцев из Украины. В последние десятилетия наблюдается сокращение участия молодёжи в деятельности диаспоральных организаций (в том числе, в скаутской организации «Пласт»). По имеющимся оценкам, процессы ассимиляции выходцев из Украины также приобретают определённую динамику: лишь около 20% представителей «западной» диаспоры свободно владеют украинским языком. Это делает практически неизбежным «конфликт поколений» – только прибывших мигрантов и их детей с потомками тех, кто прибыл в США три или четыре поколения назад. Этот конфликт касается определения приоритетных вопросов для диаспоры (проблемы исторической памяти, религиозная принадлежность – или проблемы обустройства на новом месте, финансовая взаимопомощь, акцент на локальной повестке дня), вопросов лидерства (какие организации представляют диаспоры, могут ли организации мигрантов четвёртой волны действовать отдельно от остальных американцев украинского происхождения) и отношений с остальными группами населения в США (например, с выходами из России или Польши) [3, с. 55]. Иными словами, «конфликт поколений» – это борьба за определение доминирующей идентичности украинской диаспоры в США.

Стимулировать консолидацию диаспоры могли бы интенсивные контакты со страной происхождения – Украиной. С 2014 г. такие связи стали крепче: ряд представителей диаспоры даже получил должности в исполнительных органах власти Украины (бывший министр финансов Н. Ярьсько, министр здравоохранения У. Супрун). Ежегодные встречи с представителями украинской общины в

⁴ Бюро переписи США [Электронный ресурс]. URL: <https://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?src=bkmk> (дата обращения: 10.09.2017).

США стал проводить президент П. Порошенко, а украинское посольство в Вашингтоне активно взаимодействует с диаспоральными организациями и привлекает их к сотрудничеству через институт почётных консулов. Однако пока преобладает формальное отношение украинских органов власти к отношениям с диаспорой: если представители власти Украины и занимаются продвижением своих интересов Вашингтоне, то предпочитают нанимать профессиональных лоббистов.

Институты и действующие лица украинского лобби в США

Ключевая политическая зонтичная организация американцев украинского происхождения и украинцев в США – это Комитет Конгресса украинцев в Америке (ККУА), который избирается Конгрессом украинцев Америки раз в четыре года. Комитет был создан для преодоления внутренних разногласий и заменил существовавшее до этого Объединение украинских организаций Америки (создано в 1922 г.). Идеологически Комитет близок к крайним националистическим позициям; примечательно, что в него входят представители таких организаций, как «Братство ветеранов 1-ой дивизии Украинской национальной армии»⁵ и «Братство ветеранов Украинской повстанческой армии». Обычно в условиях американского общества столь сильный национализм считается крайностью, но из-за склонности к пропаганде антироссийских взглядов национализм украинской диаспоры в значительной степени ограждён от подобной критики.

Внутри Комитета возникали и возникают разногласия между сторонниками двух разновидностей украинского национализма, в частности, между «мельниковцами» и «бандеровцами» – разными ответвлениями Организации украинских националистов (ОУН)⁶. Внутренним брожением среди диаспоры способствовал переезд в Чикаго из Мюнхена уроженца Буковины адвоката и издателя Д.В. Квитковского, который был первым заместителем руководителя, а затем и главой мельниковской ОУН (1977–1979). Именно поэтому дважды (в 1966 и в 1980–1981 гг.) Комитет переживал крупные расколы, когда некоторые представители диаспоры пытались ослабить позиции «бандеровцев в эмиграции».

Комитету подчинены 48 региональных отделений, расположенных преимущественно на восточном побережье США (в основном, в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси). Одно из отделений расположено в г. Вашингтон и осуществ-

⁵ В конце апреля 1945 г. дивизия СС «Галиция» была номинально передана в подчинение УНА, которая, в свою очередь, входила в состав вермахта.

⁶ В 1940 г. Организация украинских националистов раскололась. Часть членов организации последовала за Андреем Мельником, формальным «вождем» ОУН. Более молодые участники ОУН, имевшие опыт подпольной работы на украинских территориях в составе Польши, провозгласили своим руководителем Степана Бандеру. Идеологически эти ветви ОУН практически не различались: «мельниковцы» более открыто выступали за сотрудничество с Германией, пытались копировать принципы организации фашистских партий в Европе. После 1945 г. разногласия сторонников Мельника и Бандеры свелись, в основном, к вопросу о лидерстве.

влияет коммуникацию с представителями органов исполнительной и законодательной власти. Традиционно, для продвижения собственных интересов представители украинской диаспоры используют возможности «встроенных лоббистов» (представителей и сторонников диаспоры в государственном аппарате и выборных органах) и воздействия на политическую дискуссию с помощью экспертной среды. Эту традицию заложил профессор экономики Джорджтаунского университета Лев Добрянски, президент Комитета в 1949–1954 и 1962–1983 гг. Добрянски позиционировал себя как специалист по «тоталитарным» экономикам и высказывался за усиление давления на СССР. В качестве эксперта-советолога глава Комитета Конгресса украинцев в Америке консультировал Государственный департамент, разведывательные службы США и палату представителей, что помогло ему наработать контакты в Вашингтоне. В 1960–1970-е гг Л. Добрянски сблизился с Республиканской партией и на общественных началах помогал в организации съездов партии. В благодарность за эти услуги президент Р. Рейган назначил Добрянски послом США на Багамских островах (1982–1986)⁷.

В карьере Л. Добрянски отметим два ключевых момента. Первый произошёл в 1959 г., когда обе палаты Конгресса приняли написанную Добрянски резолюцию «О покорённых народах» с призывом к президенту ежегодно проводить Неделю покорённых народов. Президент Д. Эйзенхауэр положил начало традиции объявлять данную Неделю: в это время проводились мероприятия, посвящённые борьбе за свободу народов СССР и стран Варшавского договора. Во-вторых, рост политического веса Л. Добрянски был связан с приходом к власти Дж. Форда, ставшего президентом США после отставки Р. Никсона. Форд более двадцати лет (1949–1973) представлял в палате представителей штат Мичиган, а на территории его округа до сих пор проживает значительное число потомков выходцев из Польши, Литвы и Украины. Более того, будущий президент изучал историю Восточной Европы в Университете Мичиган и потому с уважением относился к восточноевропейским диаспорам в США. Дж. Форд стал проводить регулярные встречи с лидерами восточноевропейских организаций, и Лев Добрянски участвовал в этих встречах как представитель украинской общины в США⁸.

В 1984 г. американцы украинского происхождения, работавшие в Вашингтоне в различных ведомствах, создали так называемую «Вашингтонскую группу». Эта группа позиционирует себя как объединение «профессионалов украинско-американского и иного происхождения», созданное для обсуждения проблем Украины и американо-украинских отношений. Группа регулярно проводит светские мероприятия для широкой публики и организует научные конферен-

⁷ Lev E. Dobriansky, 89; Professor and Foe of Communism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/02/05/AR2008020503179.html> (дата обращения: 10.09.2017).

⁸ Memorandum of conversation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fordlibrarymuseum.gov/library/document/0314/1553184.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).

ции⁹. Через созданный ею Культурный фонд и Фонд стажировок осуществляется поддержка творчества украинцев и американцев украинского происхождения, а также прохождение студенческой практики в украинском посольстве в США. Один из прежних руководителей Вашингтонской группы, бывший служащий Министерства юстиции И. Котлярук сейчас возглавляет региональное отделение ККУА в Вашингтоне¹⁰. Именно благодаря его личным связям под неформальным контролем вашингтонского отделения ККУА находится не только «Вашингтонская группа», но и Фонд «США–Украина», Украинский федеральный кредитный союз, Украина-американская военная ассоциация, а также Федерация украино-американского бизнеса и профессионалов¹¹.

Характерным примером продвижения своей повестки дня украинской диаспорой в США стали дебаты 1998–1999 гг. в Конгрессе по поводу выделения Украине финансовой помощи. Председатель Подкомитета по внешним операциям, финансированию экспорта и смежным программам Комитета по ассигнованиям республиканец Гербер «Сонни» Кэлахан (1994–2000) резко выступал против предоставления помощи различным государствам, стремясь сократить расходы федерального бюджета. Мишенью Кэлахана стала и финансовая помощь Украине – прежде всего, речь шла о средствах, выделяемых в соответствии с законом «О поддержке свободы» 1992 г. В 1997 г. администрация У. Клинтона предложила выделить Киеву 225 млн дол., однако республиканцы из числа фискальных консерваторов настаивали на значительном уменьшении этой суммы. Поводом для их атак стали сообщения о проблемах американского бизнеса на Украине и росте коррупции в стране. В порядке компромисса Конгресс обязал президента уведомлять парламент о положении американских предпринимателей на Украине. В 1998 г. Конгресс утвердил ассигнования Киеву в несколько меньшем объёме – 195 млн дол. В 1999 г. украинские диаспоральные организации и Украинский кокус в Палате представителей добились проведения слушаний в подкомитете Кэлахана. Помимо членов кокуса демократа Мориса Хинчи (украинец по матери) и республиканца Роберта Шаффера, на слушаниях в подкомитете Кэлахана выступил представитель ККУА Майкл Савкив-младший. Аргументация Хинчи, Шаффера и Савкива сводилась к тому, что Украина демонстрирует прогресс на пути демократизации, а экономическая ситуация на Украине недостаточно стабильна, так что сокращение помощи может замедлить демократизацию в стране и только увеличит коррупцию¹². В результате в 2000 г. вместо 219 млн дол., запрошенных администрацией Клинтона, Укра-

⁹ Our mission [Электронный ресурс]. URL: <http://twgadmin.webhost4life.com/whoweare.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁰ The Washington Group elects Ihor Kotlarchuk as president [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrweekly.com/old/archive/2000/240015.shtml> (дата обращения: 10.09.2017).

¹¹ Directory of Ukrainian Organizations in the Diaspora. Sorted by Region [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brama.com/diaspora/us-washingtondc.html> (дата обращения: 10.09.2017).

¹² Hearings before a subcommittee of the Committee on appropriations. House of Representatives. One hundred sixth Congress. First session [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg56751/html/CHRG-106hhrg56751.html> (дата обращения: 10.09.2017).

ина получила чуть более 180 млн¹³. Несмотря на сокращение объёма средств (приблизительно на 20% за три года), лоббистские усилия ККУА и Украинского кокуса в нижней палате Конгресса позволили сохранить помощь Украине как таковую.

Как правило, организации украинской диаспоры предпочитают косвенные методы воздействия на принятие решений – особенно на этапе формирования политической повестки, обсуждения возможных альтернатив. Продвижение интересов украинской диаспоры через экспертные круги и бюрократов низшего и среднего эшелона позволяет вышеперечисленным организациям в меньшей степени обращаться к таким прямым механизмам лоббизма, как официальные (и оплачиваемые) контакты лоббистов с представителями органов власти, подготовка законопроектов и проектов резолюций палат Конгресса, выступления на официальных слушаниях.

Среди наиболее значимых американских экспертов и чиновников, которые, будучи представителями диаспоры, активно участвовали в дискуссиях по украинской проблематике, необходимо отметить специального помощника президента Дж. Форда по этническим вопросам М. Куропася, бывшего директора Украинского исследовательского института Гарвардского университета Р. Шпорлюка, бывшего заместителя Госсекретаря США П. Добрянски (дочь Л. Добрянски), профессора Ратгерского университета историка А. Мотыля, профессора экономики Гарвардского университета и советника по экономическим вопросам Дж. Буша-младшего Г. Манкива, бывшего сотрудника организации «Фридом хаус» и старшего исследователя Атлантического Совета А. Каратницкого. Широко известно, что, например, Каратницкий активно публикуется в крупнейших печатных изданиях, выступает на экспертных мероприятиях и одновременно возглавляет консалтинговое агентство¹⁴.

На ход обсуждения американской внешней политики по проблематике Украины известное влияние оказывают журналисты украинского происхождения, в т.ч. А. Фечко (кинодокументалист, ранее телекомментатор), М. Смеркониш («Си-Эн-Эн», телеведущий). Однако их высказывания нередко связаны с редакционной политикой и обусловлены общим идеологическим настроем в СМИ. Аналогично, позиции экспертов часто завязаны на мнение заказчиков, отточены в результате конструктивной и, наоборот, идеологизированной критики коллег.

Представляется, что из имеющихся не прямых механизмов лоббизма [9, р. 151–155] украинские диаспоральные структуры предпочитают политическую

¹³ New independent states [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/3971.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁴ Для сравнения: с 2014 г. Адриан Каратницкий опубликовал в New York Times 4 материала, в The Washington Post – 2, в The Atlantic – 1, в Foreign Policy – 2, на сайте журнала World Affairs – 2; Александр Мотыль опубликовал в The Washington Post – 4 материала, в The Atlantic – 5, в Foreign Policy – 5, в Foreign Affairs – 16 (в том числе, 1 статью в печатной версии издания), на сайте журнала World Affairs – 3. Учтены печатные публикации и публикации на сайтах соответствующих изданий.

рекламу, интервью в СМИ, массовые акции (например, протесты перед посольством России), но избегают участия в политических кампаниях и взносов в поддержку определённых кандидатов. Об этом свидетельствует отсутствие официальных данных о взносах диаспоральных организаций в фонды избирательных кампаний и комитетов политического действия, а также открытых призывов зонтичных организаций украинской диаспоры голосовать за того или иного кандидата. Тем самым, украинские диаспоральные структуры в большей степени обращаются к информационным, а не финансовым инструментам продвижения своих интересов.

Усилению украинской диаспоры в США способствует отсутствие серьёзных оппонентов в публичной дискуссии. Более того, любые попытки России выступить с содержательными возражениями приводят скорее к обратному результату [2, с. 83]. К сожалению, экспертное и медийное обсуждение проблем постсоветского пространства в США практически полностью воспроизводит позицию антироссийских сил [1, с. 50–51]. Представляется, что такое положение дел стало результатом не только пассивности пророссийских групп интересов, но и следствием исторических особенностей положения восточноевропейских диаспор в американском обществе. В течение всей холодной войны организации и отдельные представители восточноевропейских диаспор были самыми яркими оппонентами коммунизма, выступали с наиболее резкими оценками политики СССР. Безусловно, это совпадало с общими настроениями американского общества и вряд ли восточноевропейские диаспоры определяли повестку дня [10, с. 315–318]. Тем не менее, заикленность на вопросах противодействия СССР и «глобальному коммунизму» создала этим диаспорам (в т.ч. украинской) определённую репутацию. В наши дни риторика холодной войны в США вновь находит свою аудиторию, многие американцы не различают СССР и современную Россию. В таких условиях, многолетний «этнический антикоммунизм» восточноевропейских диаспор становится востребованным. Более того, тиражирование недостоверных сведений о действиях России в отношении США (кибершпионаж, «вмешательство в выборы») даёт основания таким диаспорам утверждать, что они были правы всегда.

Сотрудничество украинской и других восточноевропейских диаспор по политическим вопросам

Важной стороной политической деятельности организаций украинской диаспоры является участие в работе Коалиции центрально-европейских и восточноевропейских народов. Эта зонтичная структура диаспоральных организаций была создана в 1994 г. и первоначально имела весьма узкую цель содействовать приёму в НАТО Польши, Венгрии и Чехии. Постепенно состав Коалиции расширился, так что сейчас она объединяет 13 различных диаспор, включая гру-

зинскую и армянскую¹⁵. Американцев украинского происхождения и выходцев из Украины в Коалиции представляет Комитет Конгресса украинцев в Америке. Коалиция стремится координировать деятельность диаспоральных организаций и оказывать влияние на органы законодательной и исполнительной власти США по актуальным вопросам.

Деятельность Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов сосредоточена вокруг четырёх ключевых направлений политики США в Европе и на постсоветском пространстве.

1. Вопросы исторической памяти и исторической политики: признание геноцида армян в 1915 г. и Голодомора как геноцида; официальное утверждение «Дня чёрной ленты» – даты памяти коммунистических и нацистских режимов.

2. Финансирование проектов по «продвижению демократии», особенно в Грузии, Армении, Беларуси и на Украине.

3. Расширение НАТО на Восток: подготовка Украины и Грузии к перспективе членства в Альянсе.

4. Усиление мер военно-политического и экономического сдерживания в отношении России: мониторинг исполнения «Акта Магнитского», поддержка санкционных законопроектов, диверсификация поставок энергоресурсов в Восточную и Центральную Европу.

После событий «Революции достоинства» на Украине в 2014 г. и воссоединения Крыма и Российской Федерации, в Коалиции естественным образом возникла ещё одна тема для лоббистской деятельности – «борьба с российской агрессией». Однако среди участников коалиции нет единого понимания того, какие формы эта борьба должна приобретать. Представительские структуры прибалтийских, польской и украинской диаспор заняли наиболее жёсткую позицию и продвигали меры по усилению военного потенциала НАТО в Восточной Европе, высказываясь за предоставление Украине всех форм помощи, включая передачу наступательных вооружений. В частности, в типовом письме Объединённого американо-балтийского национального комитета по поводу воссоединения Крыма и России сказано: «Это опасные прецеденты, подрывающие принцип неприкосновенности границ. В 2008 г. Москва уже создала такой прецедент путём захвата грузинской территории и продолжающейся оккупации Абхазии и Южной Осетии. Набирающая обороты практика вмешательства Москвы во внутренние дела других стран демонстрирует видение Путина того, как должна быть устроена Украина, чтобы удовлетворять экономические интересы России»¹⁶.

В то же время венгерская и армянская диаспоры заняли компромиссную позицию, они декларативно поддерживали новый режим в Киеве, но не видели необходимости оказывать ему активную поддержку.

¹⁵ В составе Коалиции организации, представляющие следующие диаспоры: армянскую, белорусскую, болгарскую, венгерскую, грузинскую, латышскую, литовскую, польскую, румынскую, словацкую, украинскую, эстонскую, чешскую («чехословацкую»).

¹⁶ JBANC delivers Ukraine support letters to all Senate offices [Электронный ресурс]. URL: <http://jbanc.org/?page=blog&v=4&id=33> (дата обращения: 10.09.2017).

Американо-венгерская ассоциация выразила обеспокоенность судьбой венгерской диаспоры на Украине и указала на недостатки революционного режима, обосновывая тем самым свою выжидательную позицию: «В то время как значительное внимание уделяется вопросам конфликта украинской и русской этнических общин и спорам по поводу законов, направленных на разрешение или ограничение использования русского языка на официальном уровне, потребности венгерского меньшинства в основном игнорируются. [...] Парадоксально, но венгерская этническая община оказалась в более выгодном положении, когда пророссийский президент Янукович с целью поддержки своего русскоязычного электората снял законодательные ограничения в языковой сфере. Хотя венгры на Украине не поддерживали Януковича и не занимали пророссийские позиции, они опасаются украинских националистов, которые продемонстрировали своё пристрастие к вандализму над памятниками венгерской общины и к насилию над гражданами по этническому принципу»¹⁷.

Армянская ассамблея Америки (ААА) вообще воздержалась от официального высказывания своей позиции по Украинскому кризису и предпочла сфокусироваться на более узкой повестке – урегулировании нагорно-карабахского конфликта, финансовой помощи США Армении, официальном признании геноцида армян. Позиция Армянской ассамблеи Америки оказалась предельно нейтральной, организация отказывается от высказывания поддержки как Украины (к чему формально обязывает участие в Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов), так и России. В то же время, один из ключевых лоббистов армянской диаспоры, вице-председатель армянского кокуса в палате представителей А. Шифф стал одним из основных спикеров Демократической партии по российской проблематике, причём его выступления носят ярко выраженный антироссийский характер.

По итогам внутренних дискуссий 2014–2016 гг. Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов всё же заняла позицию осуждения «российской агрессии» и высказалась за оказание мер экономического давления на Москву. В частности, Коалиция поддержала законопроекты и заявления палат Конгресса с требованиями освобождения Надежды Савченко, вывода «российских войск» с территории Донбасса, проведения экономических и институциональных реформ на Украине, непризнания «аннексии» Крыма, сотрудничества американских и украинских спецслужб, борьбы с «российской пропагандой» и др. Такой подход фокусировал внимание на России и неприятию её действий, но, в то же время, позволял избегать характеристики политического режима, сложившегося в Киеве.

Вместе с тем Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов воздержалась от поддержки популярной среди украинских националистов (как в самой Украине, так и за её пределами) идеи в интересах будущего

¹⁷ AHF Statement for Immediate Release (February 28, 2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.americanhungarianfederation.org/docs/AHFStatement_Ukraine_2014-02-27.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

отказаться (хотя бы временно) от русскоязычного Донбасса, который служил тормозом развития украинского этнического государства. В частности, эту точку зрения активно продвигал известный представитель украинской общины Нью-Йорка А. Мотыль¹⁸.

Организациям украинской диаспоры и Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов удалось установить контакты с целым рядом американских законодателей. В 1997 г. в палате представителей был создан украинский кокус, который ныне возглавляют члены палаты представителей демократы от штата Огайо М. Каптур (польско-украинского происхождения) и штата Мичиган С. Левин, а также республиканцы от штата Мэриленд Э. Харрис (венгерско-польского происхождения) и от штата Пенсильвания Б. Фитцпатрик. В 2015 г. украинский кокус возник и в Сенате; его возглавили демократ от штата Иллинойс с литовским корнями Д. Дурбин и республиканец от штата Огайо Р. Портман. Установлению контактов Коалиции с некоторыми конгрессменами и сенаторами, вероятно, способствовало их восточноевропейское происхождение.

Большое значение для политической деятельности имеет и географическое расселение восточноевропейских (и, в частности, украинской) диаспор. Все вышеперечисленные законодатели представляют северо-западные штаты и Средний Запад, где преимущественно и проживают представители восточноевропейских диаспор [2, с. 77]. По существующим оценкам, к представителям украинской диаспоры в штате Нью-Йорк относятся 101 тыс., в Пенсильвании – 91 тыс., в Нью-Джерси – 49 тыс., в Иллинойсе – 35 тыс. чел. В относительном выражении, это не такие значительные цифры: всего лишь в 20 графствах доля американцев украинского происхождения и выходцев из Украины превышает 1%. Однако с учётом других восточноевропейских диаспор (даже без учёта диаспор из Закавказья) доля диаспоральных голосов вырастает до уровня более в штатах Коннектикут, Иллинойс, Мичиган, Нью-Джерси, Пенсильвания и Висконсин превышает 10%, а в штате Огайо достигает 8%¹⁹.

Электоральное влияние выходцев из Восточной Европы связано с высокой степенью натурализации, то есть получения гражданства после переселения в США. Если до Второй мировой войны доля натурализованных восточноевропейских мигрантов колебалась на уровне 20–30%, то после 1965 г. этот показатель стабильно один из самых высоких по сравнению с другими группами мигрантов (60–70%). По имеющимся данным, 74% переселившихся из Украины получили гражданство США в 1965–2000 гг., а в период 1991–2000 гг. этот показатель составил 67%. В то же время, получение гражданства не равносильно участию в выборах. По существующим расчётам, не учитывающим мигрантов

¹⁸ Motyl A.J. Putin's Trap. Why Ukraine Should Withdraw from Russian-Held Donbas. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-09-01/putins-trap> (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁹ Ukrainians in the U.S.: The importance of voting [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrweekly.com/uwwp/ukrainians-in-the-u-s-the-importance-of-voting/> (дата обращения: 10.09.2017).

второго и последующих поколений, в 2010 г. только треть (37%) натурализованных мигрантов из Восточной Европы участвовали в выборах (у выходцев из Украины показатель выше – 47%), ещё 16% были зарегистрированы в качестве избирателей, но не приняли участие в выборах (среди мигрантов из Украины 19%) [13, p. 177–181, 198].

Особенности расселения восточноевропейских диаспор, а также деятельность их Коалиции наглядно демонстрируют определённые слабости украинской диаспоры. Во-первых, в повестке дня диаспоры практически отсутствуют вопросы внутренней политики США, которые традиционно значимы для представителей органов законодательной и исполнительной власти. Более того, наличие таких вопросов (здравоохранение, миграционная система, налоговая реформа) могло бы способствовать включению диаспоральных организаций в крупные зонтичные структуры с другими типами организаций – религиозными, корпоративными, профсоюзными. Во-вторых, украинская диаспора в США остаётся младшим партнёром в Коалиции восточноевропейских и центрально-европейских народов и вынуждена поддерживать коалиционную дисциплину. В частности, организации украинской диаспоры должны поддерживать проект документов с упоминанием о геноциде армян в 1915 г. и о визовых послаблениях для граждан Польши. Очевидно, что эти темы не входят в круг приоритетов для украинской диаспоры: тем самым, размывается повестка дня диаспоры, ослабляются её сигналы для СМИ.

В то же время, при консолидированном голосовании голоса украинской диаспоры могут оказывать некоторое влияние на итоги выборов, особенно на локальном уровне и на уровне штата. Для усиления эффекта и выхода на федеральный уровень необходимы голоса всех восточноевропейских диаспор.

Антироссийская кампания в США и роль украинской диаспоры

Традиционно украинская диаспора в США имеет более тесные контакты с Республиканской партией. Этим можно объяснить участие в диаспоральных мероприятиях сенаторов-республиканцев Дж. Маккейна (Аризона) и Дж. Баррассо (Вайоминг). Однако в последнее время многие украинские этнолоббистские структуры делают выбор в пользу связей с обеими системными партиями в США, правда, с переменным успехом.

Президентская кампания 2016 г. способствовала глубокому идеологическому расколу украинской диаспоры. Среди диаспорантов распространено мнение, что администрация Б. Обамы и лично госсекретарь Х. Клинтон не сделали всего возможного для защиты Украины от «российской агрессии». С другой стороны, республиканский кандидат Д. Трамп неоднократно выступал с идеей наладить отношения с Россией, что не могло не оттолкнуть тех, кто убежден в негативном влиянии Москвы на процессы на Украине. Прежний глава ККУА Т. Олексий даже публично заявила о своём недоумении соответствующими высказывани-

ями Трампа²⁰. По данным СМИ, чтобы вернуть расположение украинской диаспоры законодатели-республиканцы (например, сенатор Р. Портман) устраивали частные встречи с лидерами восточноевропейских диаспор, где фактически пообещали выполнять практически всё, что от них потребуют²¹.

Президентская кампания и последовавший за ней шлейф скандалов, связанных с обвинениями России во вмешательстве в выборы в США, привели к тому, что повестка дня восточноевропейских диаспор получила национальное звучание и широкую двухпартийную поддержку. Если в 2015 г. Конгресс принял только два документа, о поддержке которых публично заявила Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов, то в 2017 г. таких законопроектов и проектов резолюций палат Конгресса стало 11. Конечно, речь не идёт о том, что восточноевропейские (в частности, украинская) диаспоры диктуют в США внешнеполитическую повестку дня. Правильнее говорить об особом политическом моменте: проигравшие движению Д. Трампа демократы и их сторонники в ведущих СМИ объявили ключевой причиной своего поражения «российское вмешательство». В этой обстановке особым вниманием стали пользоваться любые антироссийские аргументы, набор которых издавна пестует Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов. Такие активисты борьбы с «российской угрозой», как сенатор Дж. Маккейн, используя политическую конъюнктуру, переключились на украинский конфликт, хотя ещё несколько лет назад призывали американцев солидаризироваться с Грузией (в августе 2008 г. кандидат от республиканцев Дж. Маккейн на одном из митингов своей президентской кампании провозглашал: «Сегодня мы все – грузины»)²².

Отметим, что у исполнительной власти США более сложные отношения с украинской диаспорой и её лобби, чем у американских законодателей. С одной стороны, в ходе своей избирательной кампании Д. Трамп стремился получить голоса в штатах со значительными восточноевропейскими диаспорами – в Пенсильвании, Мичигане и Огайо. Особенно удачно это получилось с польской диаспорой: хотя в целом американцы польского происхождения голосовали за Х. Клинтон, в «колеблющихся штатах» Среднего Запада эта диаспора добавила Трампу до 500 тыс. голосов²³. Для этого республиканскому кандидату в президенты пришлось лично встречаться с представителями польской диаспоры и дать им обещание обеспечивать безопасность Польши. С другой стороны, Д. Трамп рассматривает борьбу Украины с «российской агрессией» скорее как препятствие серьёзному диалогу с Москвой по ближневосточным и другим

²⁰ Welcome to Ukrainian-Americans, the Latest Constituency Alienated By Trump [Электронный ресурс]. <http://m.huffpost.com/us/entry/11614454> (дата обращения: 10.09.2017).

²¹ Ukrainian-Americans, Long Fond of the G.O.P., Greet Donald Trump With Despair [Электронный ресурс]. <https://nytimes.com/2016/08/23/sports/ukrainian-americans-gop-donald-trump.html> (дата обращения: 10.09.2017).

²² McCain to Georgian President: «Today, We Are All Georgians» [Электронный ресурс]. URL: <http://voices.washingtonpost.com/44/2008/08/mccain-to-georgian-president-t.html> (дата обращения: 10.09.2017).

²³ Flaxman S. New Questions, New Answers? A Preliminary Micro-level Statistical Analysis of the 2016 US Presidential Election [Электронный ресурс]. URL: https://medium.com/@flaxter_85271/new-questions-new-answers-22a103ff2811#.e24mhcm2d (дата обращения: 10.09.2017).

проблемам. Кроме того, не сложились и личные отношения Трампа и президента Украины П. Порошенко, команда которого прикладывала усилия для предотвращения победы Трампа на выборах в США. Всё это снижает эффективность попыток диаспоры побудить Белый дом к оказанию Украине безграничного содействия.

С организационной точки зрения украинская диаспора в США сравнительно слаба, но она гораздо сильнее как обладатель символической власти, права называть и интерпретировать. Именно диаспоральная рамка интерпретации украинской истории стала основой для нациестроительства на Украине после распада СССР.

Наиболее существенным аспектом влияния украинской диаспоры на внешнюю политику США также является формирование рамки интерпретации – в данном случае интерпретации украинского вопроса в американской внешней политике. Связанные с диаспорой интеллектуалы претендуют на монополию в интерпретации проблем безопасности и нациестроительства в Восточной Европе, голода на Украине в 1930-х гг., деятельности ОУН и УПА, событий украинского кризиса и других связанных вопросов. В условиях снижения значимости восточноевропейского досье в американской внешней политике и в глазах общественности, значимость этой темы постоянно подчёркивается идеологически мотивированными и энергичными профессорами, публицистами и общественными деятелями²⁴. Ключевые аргументы этой группы просты: Украина всегда подвергалась российской агрессии, а великая Америка остаётся её последней надеждой. Этот упрощённый, но вполне искренний посыл использует библейскую метафору битвы Давида с Голиафом, он хорошо воспринимается американской публикой и политическими кругами в силу их общей уверенности в праведности политических целей США в Восточной Европе и симпатии по отношению к малым и притесняемым народам. На этом фоне обращённые к США российские аргументы в духе политического реализма о необходимости достижения баланса в европейской безопасности и недопущения региональной дестабилизации чаще всего не доходят до адресата, поскольку считаются циничными и идейно неполноценными. Основанные на исторических фактах российские аргументы о голоде в СССР или деятельности ОУН и УПА нередко дисквалифицируются как пропаганда.

В целом, украинская диаспора в США располагает разветвлённой сетью организаций. Благодаря возникновению выгодного информационного фона, украинская диаспора сумела донести свою позицию до ключевых членов обеих палат Конгресса (так Д. Дурбин – партийный организатор меньшинства в Сенате). Это стало возможным благодаря использованию потенциала бюрократов низшего и среднего уровня – выходцев из диаспоры и синергии усилий едино-

²⁴ Можно говорить о существовании «академического украинства» в США. В карьерах большинства международных пропагандистов «голодомора» отчётливо прослеживается влияние украинских профессоров-националистов. См. биографии Тимоти Снайдера, Роберта Конквеста, Энн Эпплбаум, Сергея Плохия и др.

мышленников в коалиции восточноевропейских диаспор. Участие в Коалиции позволило украинской диаспоре усилить эффект от так называемого «этнического голосования», а также привлечь внимание заинтересованных выборных лиц. Однако относительная малочисленность диаспоры и недостаток финансирования лоббистских мероприятий делает её успех сильно зависимым от международной конъюнктуры. Символическая власть остаётся наиболее весомым инструментом влияния украинской диаспоры на внешнюю политику США.

Список литературы

1. Каневский П.С., Шариков П.А. Трансформация института лоббизма в США в XXI веке и вызовы для России // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5 (569). С. 43–55.
2. Троицкий М.А. Конгресс и политика США в отношении Украины // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 3 (531). С. 75–84.
3. Горелов Д.М. Інституційна інтеграція української діаспори в громадянське суспільство у державах поселення // Стратегічні пріоритети. 2009. № 3 (12). С. 50–58.
4. Дьолог О.С. Українська діаспора: Історія формування та сучасність // Українознавчий альманах. 2013. №11. С. 30–33.
5. Макар Ю. Українська діаспора: походження, характер, сучасний стан // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. 2007. №9. С. 9–19.
6. Недошитко І.Р. Інформаційний простір українців у США // Гілея. 2012. № 58. С. 688–696.
7. Недошитко І.Р. Кількісний та якісний склад української діаспори в США наприкінці ХХ – поч. ХХІ ст. // Історичні записки. 2012. №33. С. 161–169.
8. Шпорлюк Р. Формування модерних націй: Україна–Росія–Польща. Пер. с англ. Г. Касьянова, М. Климчука, Я. Стріхи, Д. Матіяш, Х. Чушаак. К.: Дух і Літера, 2013. 552 с.
9. Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science. Princeton: Princeton University Press, 1998. 248 p.
10. Garrett S.A. Eastern European Ethnic Groups and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 1978. Vol. 93, №. pp. 301–323.
11. Holmes M. Culture without the State? Reinvigorating Ukrainian Culture with Diasporic Efforts // Review of Policy Research. 2007. Vol. 24, № 2. pp. 133–154.
12. McCormick J.M. Ethnic Interest Groups in American Foreign Policy // The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2012. pp. 67–87.
13. Michalikova N. New Eastern European Immigrants in the United States. New York, Palgrave Mcmillan, 2017. 235 p.
14. Satzewich V. The Ukrainian diaspora. London–New York: Routledge, 2002. 288 p.

Об авторах:

Иван Д. Лошкарёв – преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России. МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com.

Андрей А. Сушенцов – руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», 109012, Москва, Новая площадь, 6, Cabinet Lounge; программный директор Валдайского клуба, 115184, Российская Федерация, Москва, улица Большая Татарская, 42; доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76, Россия. E-mail: asushentsov@yandex.ru.

Даниил А. Пареньков – преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России. МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: dparenkov@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых учёных (дополнительный целевой конкурс по проблематике США).

THE INFLUENCE OF ETHNO-NATIONAL LOBBIES ON THE US FOREIGN POLICY: HISTORY OF THE UKRAINIAN DIASPORA

I.D. Loshkariov, A.A. Sushentsov, D.A. Parenkov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-165-184

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the political potential of the Ukrainian ethnic lobby in US foreign policy. Proceeding from the fact that ethnic lobbies in the US are able to overcome the institutional system of checks and balances, the authors try to establish the extent and limits of the influence of the Ukrainian lobby.

The given lobby is based on a small-numbered Ukrainian diaspora in the US, which was formed as a result of four waves of migration from the territory of modern Ukraine, due to various reasons. As a result, the Ukrainian diaspora in the United States has developed as a highly heterogeneous and multi-layered community.

The main organization of the Ukrainian diaspora is the Ukrainian Committee of the Congress of America, which is an umbrella structure for organizations of economic, cultural and political profile, as well as for associations of veterans, women and youth.

The Ukrainian diaspora in the US uses the following tools for political purposes. First, the diaspora organizations strive to encourage the activities of their low- and middle-ranking civil servants to form an optimal agenda. Diaspora immigrants from experts and media persons are connected to this process. Secondly, the Ukrainian diaspora has established cooperation with other Eastern European diasporas. The cooperation allows the Ukrainian Americans to use electoral potential in the states of the Northwest and Midwest of the United States and to take joint initiatives in communication with the Congress. Together, Eastern European diasporas have some influence on the American foreign policy process when it comes to the Congress, but the scope of influence should not be exaggerated. However, the demand for anti-Russian arguments is formed within the American establishment, that brings the agenda of the Ukrainian diaspora to the forefront of foreign policy debate. This allows us to conclude that the potential for political influence of the Ukrainian ethnic lobby in the United States is limited without a suitable international context.

Key words: the Ukrainian diaspora, ethnic lobby, USA, lobbying.

References

1. Kanevskii P.S., Sharikov P.A. Transformatsiia instituta lobbizma v SShA v XXI veke i vyzovy dlia Rossii [Transformation of lobbying in the USA in XXI century and challenges for Russia]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2017, no 5 (569), pp. 43–55. (In Russian).
2. Troitskii M.A. Kongress i politika SShA v otnoshenii Ukrainy [Congress and US politics towards Ukraine]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 2014, no. 3 (531), pp. 75–84. (In Russian).
3. Gorelov D.M. Institutsiina integratsiia ukrains'koï diaspori v gromadians'ke suspil'stvo u derzhavakh poselennia [Institutional integration of the Ukrainian diaspora into the civil society of a state of residence]. *Strategichni priorytety* [Strategic priorities]. 2009, no. 3 (12), pp. 50–58 (In Ukrainian).
4. D'olor O.S. Ukrains'ka diaspora: Istoriia formuvannia ta suchasnist' [The Ukrainian diaspora: the history of formation and current stage]. *Ukrainoznavchii al'manakh* [Almanac of the Ukrainian studies]. 2013, no 11, pp. 30–33 (In Ukrainian).
5. Makar Ju. Ukrainoznavchii al'manakh [The Ukrainian diaspora: genesis, character, current stage]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademiia»* [Scientific notes of National University of Ostrozhsk Academy. Historical studies]. 2007, no. 9, pp. 9–19 (In Ukrainian).
6. Nedoshytko I.R. Informatsiiniy prostir ukrainsiv u SShA [Informational space of the Ukrainians in the USA]. *Gileia*. 2012, no 58, pp. 688–696. (In Ukrainian).
7. Nedoshytko I.R. Kil'kistii ta iakisnii sklad ukrains'koï diaspori v SShA naprikintsi KhKh – poch. KhKhI st. [Qualitative and quantitative scope of the Ukrainian diaspora in the USA]. *Istoriczni zapiski* [Historical notes]. 2012. №33. pp. 161–169 (In Ukrainian).
8. Shporliuk R. *Formuvannia modernikh natsii: Ukraina–Rosii–Pol'shcha* [The formation of modern nations: Ukraine–Russia–Poland]. Kiev: Duh i Litera, 2013. 552 p. (In Ukrainian).
9. Baumgartner F.R., Leech B.L. *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press, 1998. 248 p.
10. Garrett S.A. Eastern European Ethnic Groups and American Foreign Policy. *Political Science Quarterly*. 1978, vol. 93, pp. 301–323.
11. Holmes M. Culture without the State? Reinvigorating Ukrainian Culture with Diasporic Efforts. *Review of Policy Research*. 2007, vol. 24, no. 2, pp. 133–154.
12. McCormick J.M. Ethnic Interest Groups in American Foreign Policy. *The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence*. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2012. Pp. 67–87.
13. Michalikova N. *New Eastern European Immigrants in the United States*. New York, Palgrave Mcmillan, 2017. 235 p.
14. Satzewich V. *The Ukrainian diaspora*. London-New York: Routledge, 2002. 288 p.

About the authors:

Ivan D. Loshkariov – Lecturer at the Department of Political Theory at the Moscow State Institute of International Relations. MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com.

Andrey A. Sushentsov – Head of the Analytical Agency «Foreign Policy», 109012, Moscow, Novaya Square, 6, Cabinet Lounge; Program Director of the Valdai Club, 115184, Russian Federation, Moscow, Bolshaya Tatarskaya Street, 42; Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, 119454, Moscow, Vernadski prospect, 76, Russia. E-mail: asushentsov@yandex.ru.

Daniil A. Parenkov – Lecturer at the Department of Political Theory at the Moscow State Institute of International Relations. MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76. E-mail: dparenkov@gmail.com.

The article was prepared within the framework of the grant of the Moscow State Institute of International Relations for the implementation of research by scientific groups under the leadership of young scientists (the additional tender on US-related issues).

СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Н. Данненберг, П.И. Касаткин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

В статье последовательно рассматриваются история и современность политического присутствия Святого Престола на территории Палестины и Израиля, а также позиция Ватикана по некоторым проблемным узлам в регионе через призму внешнеполитических приоритетов государства. Отдельное внимание уделено отношению Ватикана к действиям США по переносу посольства в Израиле в Иерусалим и влиянию данных событий на ватикано-американские и ватикано-израильские отношения. Актуальность работы обусловлена тем, что понимание вышеуказанных вопросов может быть полезным при поиске нестандартных и сетевых форм решения конфликтов. Более того, при анализе научного дискурса выявлено, что в его отечественной составляющей недостаточно внимания уделено изучению деятельности Святого Престола на международной арене, в частности, его политическому присутствию на Ближнем Востоке. Таким образом, статья призвана заполнить данную лакуну в научном дискурсе, представляя собой первый комплексный анализ присутствия Святого Престола в регионе. В XIX-XX вв. Святой Престол предпринял шаги по укреплению своей роли в качестве лидера всех католиков на Ближнем Востоке, а также консолидации позиций последних в Палестине. Авторы приходят к выводу о том, что понтифики всегда проводили сбалансированную и гибкую политику по отношению ко всем присутствующим политическим силам в регионе, опираясь на главные внешнеполитические приоритеты: защита христиан, нейтралитет и медиаторство. В статье также рассматривается отрицательное отношение Святого Престола к переносу посольства США в Иерусалим, разделяемое католическим духовенством и представителями других христианских церквей на Святой земле.

Ключевые слова: Святой Престол, Ватикан, Палестина, Израиль, папская дипломатия, Ближний Восток, католическая церковь, Папа Франциск

УДК 27, 322

Поступила в редакцию 01.02.2018 г.

Принята к публикации 13.04.2018 г.

Вопрос присутствия Святого Престола на Святой земле в определённой мере sporadически рассматривался в трудах ряда российских и зарубежных учёных. В частности, П. Занини [16] подробно прослеживает роль Святого Престола во внутривосточных вопросах на территории Британского мандата в Палестине (1920-1948 гг.), рассматривается связь внешней политики Ватикана и итальянского правительства. В статье Дж. Саймона [15] центральным вопросом изучения становятся исторические корни папства в ближневосточной политике, анализируются процессы раннего средневековья. Среди отечественных авторов стоит отметить работу А. Шумилина [10] «Проблема Иерусалима в ближневосточной политике США», в которой затрагивается значение Святого Престола в деле миротворчества в регионе, а также монографию Т. Зоной «Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы» [2], всецело повествующую об истоках, методах и инструментах внешней политики Святого Престола (включая её ближневосточный вектор). Однако вышеуказанные труды посвящены конкретным политическим аспектам ситуации, в то время как в данной статье автор поставил задачу комплексно рассмотреть проблему присутствия Святого Престола на Святой земле (исторические предпосылки, текущее положение дел, отдельные значимые события, возможные перспективы развития вопроса) и представить читателю целостную картину о политике Святого Престола в регионе. Таким образом, авторы рассчитывают заполнить имеющуюся лакуну в сфере научных статей о присутствии Святого Престола на Святой земле. В работе использована совокупность общих методов научного исторического исследования. Среди них нарративный метод, позволяющий представить целостное описание и теоретические выводы, а также сравнительный анализ. Из специальных методов научного исследования авторами активно используется детальный анализ текстов-источников.

Святая земля всегда занимала центральное место в христианском мышлении. С приходом XIX столетия культурные и политические изменения в обществе привели к повышению интереса европейских государств к ближневосточному региону. Увеличение потока паломников на Святую землю, связанное со смягчением позиции египетских властей (фактически контролировавших регион в период правления Мухаммада Али¹) по отношению к христианам, привело к необходимости формирования правового статуса святынь. На протяжении XIX в. европейские державы пытались установить своё влияние на территории Палестины: Британская империя поддерживала протестантские общины, а также симпатизировавшие сионистам радикальные христианские группы, Российская империя стояла на защите православного населения, Франция – католиков

¹ Мухаммад Али (1769-1849), паша Египта с 1805 г. Основатель династии, правившей до 1952 г. (юридически до 1953 г.). Создатель регулярной армии, модернизатор административного аппарата. Де-факто совершил отделение Египта от Османской Империи. Прим. автора на основании материалов энциклопедии: Всемирная история. М.: Эксмо: Большая Российская энциклопедия, 2003. 878 с.

восточного и латинского обрядов [8]. Именно в этот период Святой Престол предпринял шаги по укреплению своей роли в качестве лидера всех католиков на Ближнем Востоке, а также консолидации позиций последних в Палестине. Первым из них стало основание Римско-католического патриархата в Иерусалиме в 1847 г. [11], в противовес уже имевшемуся англикано-лютеранскому приходу на Святой земле, учреждённому англичанами и немцами. Однако это осложнило институциональные отношения между католическими общинами, уже плотно укрепившимися на Святой земле. Например, на консолидирующую католиков претендовал Орден францисканцев, основавший свою обитель ещё в XIII в.² Кроме того, в Палестине были сконцентрированы католические общины восточного обряда, Мелькитская греко-католическая церковь и марониты.

Однако до начала Первой мировой войны на Святой земле, разделённой на четыре административные единицы в подчинении Османской империи, не наблюдалось значительной политической активности. Именно поэтому Святой Престол не имел в Иерусалиме своего полномочного представителя. Латинский патриарх был не более, чем обычным архиепископом, а официальные контакты с Османской империей осуществлялись по линии апостольских делегатов в Стамбуле и Бейруте, в то время как лидер францисканцев Фреддиано Джаннини был назначен апостольским делегатом в Сирии [12].

Резкое изменение политической ситуации по итогам Первой мировой войны (возвращение Иерусалима христианам, установление британского мандата на территории Палестины, декларация Бальфура и последовавший за ней приток сионистов) [1] вызвало серьёзное беспокойство у Святого Престола. Поначалу Ватикан решил не изменять структуру своих представительств, ведя постоянный диалог со всеми религиозными объединениями, однако сложилась непростая политическая ситуация. Отношения с британскими властями были осложнены отчасти в результате бурной политической активности латинского патриарха Луиджи Барлассина, славившегося своими антиссионистскими взглядами и арабизацией местного католического духовенства [13], отчасти из-за общего неприятия католическими общинами Палестины идей иудаизма. Возникли противоречия внутри самой католической церкви. Конгрегация пропаганды веры настаивала на усилении роли Латинского патриархата во главе с Барлассиной, в то время как недавно выделившаяся из неё Конгрегация по делам восточных церквей выступала против активной латинизации. В сложившейся ситуации папа Пий XI направил в 1925 г. на Святую землю своего представителя, францисканца ирландского происхождения Паскаля Робинсона, задача которого состояла в урегулировании споров между конфликтовавшими институтами. По возвращении в Ватикан в 1928 г. Робинсон предложил папе учредить апостольское представительство, которое будет координировать все католические

² La presenza francescana in Terra Santa / Franciscan Printing Press Gerusalemme 2017. URL: <http://it.custodia.org/default.asp?id=1140> (дата обращения: 01.03.2018).

силы в регионе. В феврале 1929 г. в Египет прибыл папский делегат Монсиньор Валерио Валери, с функциями официального представителя Святого Престола в Палестине, Кипре и Трансиордании³. Он обосновался в Каире с тем, чтобы не подрывать авторитет Латинского патриарха, имевшего свою резиденцию в Иерусалиме, и главными его задачами стали духовное объединение конфликтующих общин и налаживание дипломатических отношений с британскими мандатными властями. В отличие от мелькитов и Барлассины Валери не разделял антисемитских взглядов, более того, он изучал еврейское национальное движение и налаживал отношения с наиболее умеренными его представителями, среди которых стоит упомянуть ректора Еврейского университета Иерусалима (1925–1948 гг.) Иехуду Магнеса.

С начала 1930-х гг. Святой Престол начал всё более отстраняться от арабских националистов, которые активно выступали против британского мандата, что позволило Ватикану заручиться серьёзной внешнеполитической поддержкой Итальянского государства. В то же время позиции Конгрегации доктрины веры, стоявшей на защите Латинского патриарха, существенно ослабились, и к 1938 г. все институты Римско-католической церкви на территории Палестины были переданы в ведение Конгрегации по делам Восточных Церквей, что упростило процесс управления.

С этого момента Святой Престол волновали два основополагающих вопроса. Палестинские католики боялись того, что с подъёмом арабского националистического движения христианские святыни могут оказаться в руках мусульман. Но не меньшую опасность для них представляла передача Иерусалима, Вифлеема и Назарета иудеям. На протяжении Второй мировой войны Святой Престол не проявлял политической активности в регионе, а его официальный представитель вернулся в Ватикан. После окончания военных действий было принято решение выжидать исхода политической борьбы. Несмотря на то, что Святой Престол открыто не выступал относительно плана ООН по разделу Палестины, это решение скорее отвечало его интересам. Разделение подмандатной территории на арабское и израильское государство не вызывало у Ватикана недовольства в связи с тем, что Иерусалим и его пригороды (включая Вифлеем) передавались международному управлению. Данное решение гарантировало католикам твердые позиции и определённую автономию в регионе.

Однако план мирного урегулирования не привёл к установлению консенсуса между арабами и евреями, а лишь к разразившейся войне между Лигой арабских государств и провозглашённым в 1948 г. государством Израиль. Последовавшее за этими событиями разделение Иерусалима между Израилем и Трансиорданией создавало трудности в интернационализации территории [1]. Святой Престол принял решение учредить полностью автономное представи-

³ Биография кардинала В. Валери [Электронный ресурс] // Католическая интернет-база «Catholic Hierarchy». URL: <http://www.catholic-hierarchy.org/bishop/bvaleri.html> (дата обращения: 01.03.2018).

тельство в Иерусалиме, цель которого заключалась в защите интересов католиков и «продвижении миротворчества и толерантности между двумя враждующими нациями, не принимая ни ту, ни другую стороны». Однако это не решало коренным образом проблему: Святой Престол не имел контроля над святынями, и более того, не мог предотвратить политические столкновения в городе, в результате которых понесли серьёзный ущерб некоторые католические институты. С 1948 по 1950 гг. Святой Престол был серьёзно обеспокоен интернационализацией Иерусалима. По всему миру папские нунции и священнослужители поднимали этот вопрос, подчёркивая его важность для всех христианских конфессий.

Значимым поворотом во внешнеполитической концепции Святого Престола стал Второй Ватиканский собор (1962-1965), одним из результатов которого стала декларация *Nostra Aetate* (об отношении церкви к нехристианским религиям). В п. 4 отмечается: «Хотя иудейские власти и их приверженцы настояли на смерти Христа, однако то, что было совершено во время Его страстей, не может быть огульно вменено в вину ни всем жившим тогда иудеям, ни иудеям современным»⁴. В 1960 г., ещё до принятия декларации, французский историк еврейского происхождения Жюль Исаак (выпустивший к этому моменту книгу «Иисус и Израиль») был приглашён в Ватикан и встретился с папой Иоанном XXIII. Затем последовали визиты папы Павла VI (январь 1964) и Иоанна Павла II (март 2000) на Святую землю. Именно в рамках этих поездок и усилий понтификов обсуждался статус Иерусалима: Ватикан настаивал на том, что город должен оставаться открытым для всех монотеистических религий, а его святыни – доступными для посещения. Израиль этому не препятствовал. Параллельно возник вопрос об установлении дипломатических отношений.

За всю историю Святого Престола, в ходе которой сменились 266 понтификов, лишь четыре из них совершали официальные визиты на Святую землю, и лишь в последние полвека папства. Первым среди них стал папа Павел VI. Когда 4 января 1964 г. понтифик отбывал из аэропорта г. Рима «Леонардо Да Винчи», его провожал президент Италии А. Сеньи, что свидетельствовало о большом внимании итальянского правительства к визиту. Обращаясь к А. Сеньи, Павел VI отметил: «Правильно сказано, что Последователь первого Апостола возвращается по прошествии 20 веков туда, откуда отправился нести благую весть Пётр. Это возвращение в колыбель христианства...»⁵. Кроме того, понтифик поблагодарил дипломатический корпус и итальянские власти, обеспечивавшие подготовку данного визита.

⁴ Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям *Nostra Aetate*. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека SCRIBD. 28.10.1965. URL: https://www.scribd.com/embeds/112291160/content?start_page=1&view_mode=scroll&access_key=key-1dr9lyf98jcdlltgn0ww (дата обращения: 01.03.2018).

⁵ *Saluto di Paolo VI al Presidente della Repubblica Italiana, S. E. L'on. Antonio Segni, alla partenza da Roma* [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Ватикана. URL: https://w2.vatican.va/content/paul-vi/it/speeches/1964/documents/hf_p-vi_spe_19640104_partenza-fiumicino.html (дата обращения: 01.03.2018).

Известно, что многие папы желали отправиться на Святую землю (Григорий VII, Урбан II и Пий II) однако их стремления так и остались нереализованными. Кроме того, некоторые папы посещали Святую землю, однако не взойдя к этому моменту на Престол Святого Петра. Среди них Урбан IV (Джакомо Панталеон, выбранный на конклаве 1261 г., на тот момент был Патриархом Иерусалима) и Григорий X (Тедальдо Вискони, который, находясь на Святой земле, 1 сентября 1271 г. получил новость о своём избрании папой Римским).

Иоанн Павел II совершил официальный визит в Израиль на двадцать втором году своего понтификата в 2000 г. Он отмечал: «Римские понтифики, в особенности в XX в., с большой озабоченностью и трепетом следили за печальными событиями, которые терзали Иерусалим на протяжении десятилетий, и уделяли особое внимание выступлениям международных институтов, заинтересованных в судьбе Святого города. Святой Престол неоднократно призывал найти адекватное решение для этого сложного и очень тонкого вопроса. Это объясняется беспокойством Святого Престола не только о мире среди народов, но и духовными, историческими, культурными и религиозными мотивами».

Пий XII (1939-1958) ни разу не был на Святой земле. Однако в течение своего понтификата он отслеживал изменения в политической и религиозной жизни на Ближнем Востоке. Стоит отдельно остановиться на его энцикликах. В документе *Auspicia quaedam*⁶ (от 1 мая 1948 г.) понтифик призывает к достижению мира между народами Палестины. В энциклике *In multiplicibus curis*⁷ (от 24 октября 1948 г.), которая вышла в самый разгар арабо-израильской войны, папа Пий выразил озабоченность разрушением христианских храмов и христианских святынь в Палестине, и в особенности, в Иерусалиме. Римский первоиерарх осудил любое обращение к насилию, подчеркнув, что мир может быть достигнут лишь на основе истины, справедливости и обоюдном уважении народных традиций. Таким образом, папа выразил официально нейтральную позицию Святого Престола в конфликте между Израилем и Палестиной, привлекая внимание общественности к проблеме Святых мест. Последняя энциклика *Redemptoris Nostri*⁸ (от 15 апреля 1949 г.) подытоживает предыдущие две: «Уже в предыдущих двух энцикликах прошлого года мы горячо призывали... к прекращению конфликта, который обагрил кровью Святую землю, и прийти

⁶ Lettera enciclica *Auspicia Quaedam* del Sommo Pontefice Pio XII ai venerabili fratelli patriarchi, primati, arcivescovi, vescovi e agli altri ordinari locali che hanno pace e comunione con la Sede Apostolica: preghiere nel mese di maggio per la concordia delle nazioni [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Ватикана. URL: https://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_01051948_auspicia-quaedam.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

⁷ PIUS PP. XII, Epist. enc. *In multiplicibus curis* qua publicae iterum indi cuntur supplicationes ad pacem in Palaestina conciliandam, [Ad venerabiles Fratres Patriarchas, Primates, Archiepiscopos, Episcopos aliosque locorum Ordinarios pacem et communionem cum Apostolica Sede habentes], 24 octobris 1948: AAS 40(1948), pp. 433-436. - Versione italiana: *La Civiltà cattolica* 99(1948), IV, pp. 225-228. Электронный ресурс. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_24101948_in-multiplicibus-curis.html (дата обращения: 01.03.2018).

⁸ Lettera enciclica *Redemptoris Nostri*. I luoghi santi della Palestina. 15.04.1949. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ватикана. URL: https://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_15041949_redemptoris-nostri-cruciatu.html (дата обращения: 01.03.2018).

к его справедливому разрешению, которое бы гарантировало полную свободу католикам, а также охрану святых мест». В документе также отмечается безотлагательная необходимость придания всем местам христианского поклонения в Иерусалиме и его пригородах международно-правового статуса, которые может стать единственным гарантом их сохранности.

Иоанн XXIII (1958-1963) участвовал в паломничестве на Святую землю в 1906 г., в возрасте 25 лет, будучи личным секретарем монсиньора Дж. Радини Тедески, епископа г. Бергамо. Эту поездку будущий понтифик подробно описал в дневнике, отмечая плачевные условия, в которых пребывали католики в Назарете. Поэтому не случайным является тот факт, что 53 года спустя папа Ронкалли утвердил проект строительства Базилики в Назарете.

Иоанн Павел I (1978) за короткий период своего понтификата, длившийся всего 33 дня, выразил желание посетить Святую землю. Его скоропостижная смерть от инфаркта в 65 лет не позволила этим планам осуществиться. Однако будучи Патриархом Венеции, он неоднократно встречался с главным раввином Венеции А. Пиателли, который отмечал, что кардинал Лучани «был большой знаток Ветхого Завета»⁹. Кроме того, понтифик был настроен на открытый диалог с иудеями, продолжая политику Второго Ватиканского собора и понимая важность католического присутствия в Израиле. По его мнению, «несмотря на различия в теологии, можно быть друзьями»¹⁰.

Павел VI. Первый визит понтифика на Святую землю был осложнён рядом организационных препятствий, во многом, вызванных недоработкой израильских властей. В частности, папа оказался в серьёзной опасности, когда проходил Виа Долороза¹¹: понтифика со всех сторон окружили народные массы, и ему едва удалось прорваться к входу Базилики Гроба Господня. При этом личный секретарь папы, дон Паскуале Макки, у которого в портфеле находились тексты первой приветственной речи Павла VI у Гроба Господня, остался в толпе. Благодаря личным знакомствам секретаря с окружающими его итальянскими журналистами дону П.Макки удалось связаться с соответствующими административными структурами и попасть в базилику. Этот факт демонстрирует низкую подготовку Израиля к визиту понтифика: погрязший во внутренних проблемах, Иерусалим не уделил должного внимания данному событию. Кроме того, он рассматривал его не как государственный, а исключительно религиозный визит. Однако данная поездка была осложнена не только организационными трудностями. Традиционалистские круги римской курии обвинили Павла VI в том, что его паломничество на Святую землю – это популистский шаг, чтобы укрепить экуменистские начала Второго Ватиканского собора. В действительности, одной из главных

⁹ La stella di Davide e la croce di Cristo, 1999. [Электронный ресурс] // 30giorni.it URL: http://www.30giorni.it/articoli_id_13250_11.htm (дата обращения: 01.03.2018).

¹⁰ La stella di Davide e la croce di Cristo, 1999. [Электронный ресурс] / 30giorni.it. URL: http://www.30giorni.it/articoli_id_13250_11.htm (дата обращения: 01.03.2018).

¹¹ Виа Долороза (лат. Via Dolorosa, букв. «Путь Скорби») — улица в Старом городе Иерусалима, по которой, согласно католической традиции, пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия.

задач понтифика было дать старт диалогу между католиками и православными (на земле, где интересы двух церквей тесно соприкасаются), в то время как Второй Ватиканский собор проходил своим чередом¹², вне зависимости от папского визита. Папа Монтини посетил два государства – Израиль и Иорданию – и четыре города: Иерусалим, Амман, Вифлеем и Назарет. В аэропорту Аммана его встречал король Хусейн ибн Талал, в израильском Мегиддо – президент Израиля Залман Шазар. Несмотря на то, что поездка носила в основном паломнический характер и не предусматривала политических консультаций, она имела серьёзное духовное значение. Именно в рамках данного визита 5 января 1963 г. состоялась историческая встреча понтифика со Вселенским Патриархом Афинагором, положившая начало официальным контактам Римско-католической церкви с православным миром спустя 900 лет после великой схизмы. «Вы все поняли, что мой визит – не только единичный факт из духовной жизни: он стал тем событием, которое может иметь серьёзное значение в истории, отправной точкой для новых великих дел на благо Церкви и Человечества»¹³.

Отдельной темой, которая стояла перед Павлом VI, было обсуждение вопроса принадлежности христианских святынь. Понтифик смог лично убедиться в существовавшей проблеме: Патриарх Иерусалимский (Иерусалимская православная церковь) Венедикт не смог принять папу в Базилике Гроба Господня. Также Епископу Рима пришлось отказаться от прохождения центрального нефа Базилики Рождества Христова в Вифлееме. Вслед за этим понтифик провёл консультации с некатолическими патриархами Иерусалима и выразил острую необходимость преодолеть сложившуюся ситуацию. Кроме того, Павел VI выразил благодарность христианским первоиерархам за их усилия в деле восстановления Базилики Гроба Господня. Таким образом, визит имел серьёзный экуменический характер, по его итогам был создан Экуменический институт Тантур (в пригороде Иерусалима).

Тема межгосударственных отношений практически не обсуждалась понтификом – на тот момент они отсутствовали, государство Израиль не получило официального признания Святого Престола. В связи с этим израильские власти делали всё, чтобы придать визиту исключительно духовный характер. Но, несмотря на это, посещение понтификом Иерусалима было расценено многими как признание де-факто государства Израиль¹⁴. При этом Папа Римский уделил большое внимание духовному сближению с евреями – его выступления были пронизаны цитатами из Ветхого Завета.

Стоит отметить, что хоть визит и не стал переломным моментом во внешней политике Святого Престола на Святой земле, однако он заложил прочные

¹² Второй Ватиканский собор был открыт 11 октября 1962 г. папой Иоанном XXIII и завершился в понтификат Павла VI 8 декабря 1965 г.

¹³ Koltermann U. Paolo VI in Terra santa [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dehoniane.it:9080/komodo/trunk/webapp/web/files/riviste/archivio/02/200001064a.htm> (дата обращения: 01.03.2018).

¹⁴ Dubois M. L'exile et la demeure / Journal de bord d'un chrétien en Israël, Jerusalem 1984, 36.

основы для дальнейшей работы в этом направлении: в защите христианских святынь, развитии межгосударственных и межрелигиозных связей. Необходимо также учитывать, что папа Павел VI посетил Святую землю в самый разгар Второго Ватиканского собора, результатами которого стали три главных принципа, которым понтифик следовал в ходе своего визита: преобразование и обновление Церкви, её открытость другим религиям и желание способствовать миру во всем мире.

Визит папы Римского Франциска на Святую землю состоялся с 24 по 26 мая 2014 г. Понтифик посетил Иорданию, Палестину и Израиль, встретился в Базилике Гроба Господня со Вселенским Патриархом Варфоломеем. Главными темами стали вопрос мирного урегулирования ближневосточных проблем и экуменический диалог с православным миром. Уже через месяц после переговоров, которые провел Франциск с двумя противоборствующими сторонами (Израиль и Палестина), 6 июня 2014 г. в Ватикане в личной резиденции папы Санта-Марта состоялась совместная молитва президентов Израиля Ш. Переса и государства Палестина М. Аббаса. В богослужении участвовали представители трёх конфессий, каждый читал отрывки священных текстов на своем языке. Два лидера по инициативе папы Франциска совместно посадили оливковое дерево в знак мира между народами. Как отметил по итогам переговоров государственный секретарь Святого Престола кардинал П. Паролин, «папа Франциск обращается к “политике молитвы”, эффективность, которой необходимо полноценно использовать»¹⁵. Помимо духовного смысла этого высказывания, следует отметить его политический аспект – речь идёт об использовании Святым Престолом «мягкой силы», посредством которой Франциск решает внешнеполитические задачи. В данном случае: попытка сделать шаг на пути мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. Понтифик уже использовал данную схему посредничества по восстановлению дипломатических отношений США и Кубы [9], и не исключено, что именно Ватикан сыграет роль в урегулировании одной из наиболее острых ближневосточных дилемм.

В 1992 г. была учреждена совместная ватикано-израильская комиссия по заключению Фундаментального соглашения между Святым Престолом и Израилем, главными пунктами которого стали: признание обеими странами свободы вероисповедания, двусторонних межгосударственных отношений, присутствия католических общин и организаций в святых местах; правовой статус церковной недвижимости и система ее налогообложения. В договор также вошли позиции относительно сотрудничества в области противодействия антисемитизму, продвижения паломничества на Святую землю и культурных обменов. Препятствием для закрепления статуса Иерусалима в качестве свободного города служили страны арабского мира, которые стремились замедлить этот процесс.

¹⁵ Sartini S. Il cardinale Parolin: «La preghiera ha una grande forza politica»[Электронный ресурс] / Il Giornale. URL: <http://www.ilgiornale.it/news/esteri/preghiera-ha-grande-forza-politica-1022261.html> (дата обращения: 01.03.2018).

Однако Святой Престол, ведя интенсивные переговоры с этими государствами (в особенности, с такими умеренными мусульманскими странами, как Иордания), добился признания статус-кво для Иерусалима и в этом документе. Как и в период Османской империи, христианские святыни отдавались в ведение трёх конфессий: Армянской церкви, Православной церкви и Католической кустодии Святой земли. Соглашение между Святым Престолом и Израилем было подписано 30 декабря 1993 г.¹⁶

10 декабря 1997 г. было подписано следующее соглашение, определявшее правовой статус католических патриархов церковей восточного обряда (сирийские католики и марониты), Латинского Патриарха Иерусалима и их приходов на территории Израиля. Однако до сих пор не до конца остается решённым финансовый вопрос, касающийся налогообложения католических институтов на территории Израиля [14]. В соответствии с местным законодательством, они могут облагаться налогом, против чего Святой Престол категорически выступает. При этом, несмотря на отсутствие подписанного решения, налоги от Римско-католической церкви в бюджет Израиля пока не поступали.

Стоит отметить, что внешняя политика Святого Престола после заключения соглашения с Израилем не является однозначной. И главным проблемным узлом здесь является арабо-израильский конфликт [7], в котором Ватикан не намерен поддерживать ни одну из враждующих сторон, и более того, придерживается традиционного принципа своей политики: «внимание к народу, а не правительству». Само по себе существование государства Израиль, в то время как Палестина лишена официальной правосубъектности в международных делах, представляется католикам несправедливым. Это не означает, что папа выступает против суверенитета Израиля, и тем более не свидетельствует о поддержке террористических актов во имя независимости Палестины, которые Святой Престол осуждает по определению, как любые проявления насилия. Скорее это выражается в принципе, который сформулировал Иоанн Павел II на церемонии вручения верительных грамот посла Израиля в Ватикане Оеда Бен-Гура в июне 2003 г.: «отстаивание национальных прав должно всегда происходить с учётом тех целей и средств, которыми оно достигается – при обязательном соблюдении моральных и правовых норм»¹⁷. Кроме того, понтифик подчеркнул необходимость мирного сосуществования двух суверенных государств.

Концепция безопасности, к которой апеллирует Святой Престол, выражается в понимании коллективной безопасности, которая реализуется всеми её участниками и исключительно в рамках применения международного права.

¹⁶ Fundamental Agreement Between The Holy See and The State of Israel [Электронный ресурс] // Vatican Official Site, 30.12.1993. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/archivio/documents/rc_seg-st_19931230_santa-sede-israele_en.html (дата обращения: 01.03.2018).

¹⁷ Address of the Holy Father John Paul II to h.e. Mr. Oded ben-hur new Ambassador of Israel to the Holy See [Электронный ресурс] // Vatican Official Site 02.06.2003. URL: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/speeches/2003/june/documents/hf_jp-ii_spe_20030602_ambassador-israel.html (дата обращения: 01.03.2018).

При этом она основана на балансе сил, который является краеугольным камнем внешней политики Италии на Ближнем Востоке. В то же время Израиль видит в безопасности противодействие конкретным угрозам любыми возможными способами. Относительно норм международного права еврейское руководство в целом настроено довольно критично, особенно в части, хоть немного подрывающей стабильность существования израильского государства.

Такие же расхождения наблюдаются в отношении двух государств к концепции превентивных ударов, появившейся в стратегии национальной безопасности США после трагических событий 11 сентября 2001 г. Святой Престол считает наиболее эффективным предотвращение столкновений путём мирного диалога цивилизаций, открыто осуждает использование религии в политических целях и для разжигания национальной розни. Для Израиля применение концепции превентивного удара – ещё один способ проигнорировать нормы международного права с целью защиты национальных интересов. Ярким примером расхождений по данному вопросу стала позиция по отношению к войне в Ираке 2003 г. – Израиль открыто поддержал военную кампанию, Святой Престол выступил с откровенным осуждением.

Однако в отношении борьбы с международным терроризмом оба государства едины: терроризм не приемлем ни в какой форме и ни под каким предлогом – именно об этом заявил папа Иоанн Павел II 1 января 2002 г., вспоминая теракты, поразившие башни-близнецы в Нью-Йорке¹⁸.

По отношению к соседям Израиля в регионе Святой Престол имеет последовательную внешнюю политику: он заинтересован в укреплении суверенитета Ливана в арабском регионе с целью защиты христианского населения и тем самым не приветствует влияние, которое оказывают на Бейрут сирийские власти. В то же время Израиль вполне устраивает существующее положение дел.

Непростая ситуация складывается вокруг Ирана: Израиль считает Тегеран серьёзной угрозой национальной безопасности, стремящимся искоренить «сионистское влияние» в регионе. Однако Святой Престол весьма положительно настроен к взаимодействию с Тегераном, в особенности благодаря открытости к межконфессиональному диалогу со стороны президента страны (1997-2005) Мохаммада Хатами.

В целом, Святой Престол полагает возможным достижение стабильности на Ближнем Востоке усилиями США, ЕС и России [9], которые должны действовать в рамках ООН. Поэтому Ватикан не согласен с попытками Израиля играть доминирующую роль в регионе. Однако, несмотря на все вышеперечисленные противоречия, между двумя странами сформировались ровные отношения, которые даже позволяют Святому Престолу выступать в роли посредника в арабо-израильском конфликте.

¹⁸ Giovanni Paolo II. Angelus. 1° gennaio 2001 [Электронный ресурс] // Sito ufficiale del Vaticano. 01.01.2001. URL: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/it/angelus/2001/documents/hf_jp-ii_ang_20010101.html (дата обращения: 01.03.2018).

Приход к власти президента США Дональда Трампа в 2017 г. осложнил как американо-ватиканские, так и ватикано-израильские отношения. Радикальные и прагматичные взгляды миллиардера расходятся с гуманистическим подходом Франциска. Понтифик, редко выступающий с явной критикой в адрес политических деятелей, открыто осудил предвыборное предложение Трампа возвести стену на границе с Мексикой.

Решение Дональда Трампа официально признать Иерусалим столицей Израиля и перенести американское посольство не могло не остаться без реакции со стороны Святого Престола. «Сегодня я думаю об Иерусалиме. Не могу скрывать моего глубокого беспокойства по поводу ситуации, сложившейся в последние дни и, в то же время хочу с чувством сожаления обратиться с призывом соблюдать статус-кво города, определённый резолюциями ООН»¹⁹, – отметил Папа Франциск на общей аудиенции 6 декабря 2017 г.

В тот же день 13 представителей христианских церквей в Иерусалиме (в числе которых Патриарх Иерусалимский Феофил III, Патриарх Армянской Апостольской церкви Н.Манукян, Апостольский администратор Иерусалима П.Пиццабалла²⁰, кустод Святой земли²¹ Ф.Паттон, главы Коптской, Сирийской, Эфиопской православных церквей и других католических и протестантских общин) направили официальное письмо президенту США Д. Трампу, в котором выразили свою обеспокоенность изменением американской позиции в отношении статус-кво Иерусалима. Иерархи напомнили политику, что подобного рода обращение было направлено на Саммит в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. [5] и было принято во внимание. Сейчас авторы документа открыто обращаются к Вашингтону:

«Мы настоятельно призываем США не отказываться от признания сложившегося международного статуса Иерусалима. Любые непредвиденные действия могут нанести непоправимый вред... Святой город может стать городом мирного сосуществования и благоденствия тогда, когда политический процесс позволит освободить сердца всех людей, живущих в нем, от ненависти и конфликтности»²². Таким образом, нынешняя позиция Святого Престола идёт вразрез с мнением американской администрации, что прямым образом отражается не только на ватикано-израильских, но и ватикано-американских отношениях. В ходе визита в Святую землю папа привлёк внимание к страданиям палестинцев и призвал к диалогу трёх религий — ислама, христианства и иудаизма — заме-

¹⁹ L'Udienza Generale. [Электронный ресурс] // Sito ufficiale dell'Ufficio Stampa del Vaticano. 06.12.2017. URL: <http://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2017/12/06/0867/01856.html> (дата обращения: 01.03.2018).

²⁰ С 24 июня 2016 г. пост Латинского Патриарха Иерусалима вакантен в связи с отставкой по достижению 75-летнего возраста Патриарха Фуада Туаля.

²¹ Главный настоятель Ордена Францисканцев, хранящих христианские святыни в Палестине. Отвечает также за прием паломников, прибывающих на Святую землю. Прим. авт.

²² Официальное письмо глав поместных церквей в Иерусалиме президенту США Д.Трампу [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Латинского Патриархата Иерусалима. 06.12.2017. URL: <https://www.lpj.org/heads-local-churches-send-letter-to-president-donald-trump-regarding-status-of-jerusalem/> (дата обращения: 01.03.2018).

тив при этом, что «дверь к диалогу остаётся открытой, хотя пока она скрыта за дымовой завесой бомбардировок»²³.

Следует отметить, что с момента появления первых паломников на территории Палестины и до сегодняшних дней Святой Престол проводит сбалансированную и гибкую политику по отношению ко всем присутствующим политическим силам в регионе. Государство Святого Петра опирается на свои главные внешнеполитические приоритеты: защита христиан, нейтралитет и медиаторство в политической жизни. Благодаря этим постулатам стране удается сохранять влияние в регионе, несмотря на возникающие угрозы, с которыми приходится сталкиваться Римско-католической церкви.

Список литературы

1. Государство Палестина: право на будущее: монография / Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр ближневосточных исследований Ин-та междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 418 с.
2. Зонова Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М.: РОССПЭН, 2000. 200 с.
3. Касаткин П.И. Ценности и приоритеты деятельности Русской Православной церкви на международной арене // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 3. С. 68-72.
4. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. «Мягкая сила» во внешнеполитической стратегии России: от теории к практике // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 107-112.
5. Крылов А.В., Морозов В.М. Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б.Обамы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №4. С. 99-112.
6. Маслова Е.А., Шебалин Д.Д., Шебалина Е.О. Российско-ватиканский диалог на современном этапе: основные тенденции и динамика // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 70-75.
7. Морозов В.М. Палестино-израильские мирные переговоры 1995-2001 гг. // Востоковедный сборник. М.: Институт Востоковедения РАН, 2002. С. 76-87.
8. Петрунина Ж.В. Дипломатическая борьба европейских держав в связи с конфликтом в Османской империи в конце 40-х годов XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А.Есенина. 2007. №1. С. 55-62.
9. Шебалин Д.Д., Шебалина Е.О. Публичная дипломатия Святого Престола // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 217-238.
10. Шумилин А. Проблема Иерусалима в ближневосточной политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 12. Т. 61. С. 43-51.
11. Borromeo A. Le rétablissement du Patriarcat latin de Jérusalem et le réforme de l'Ordre équestre du Saint-Sépulcre, La France et la Terre Sainte (Collective Work of the Lieutenancy of France), Parole et silence, Ed. (Monts), 2012.
12. Italia-Libia. Storia di un dialogo mai interrotto / A cura di Rossi G., Bontempi M., Parente U., Scoppola Iacopini L. Istituto Studi Politici "San Pio V" Roma, Roma: Editrice APES, 2012. 324 p.
13. Kildani H. (Rev. Ph. D.) Modern Christianity in the Holy Land: Development of the Structure of Churches and the Growth of Christian Institutions in Jordan and Palestine / Hanna Kildani AuthorHouse, 2010, 719 p.
14. Palomino R. L'Accordo sulla personalità giuridica tra Israele e la Santa Sede (nota a documento n. 20) / Quaderni di diritto e politica ecclesiastica. Il Mulino. 1998. No. 2. Pp. 419-428.
15. Simon J. The Papacy and the Establishment of the Kingdoms of Jerusalem, Sicily and Portugal: Twelfth-Century Papal Political Thought on

⁵ Зонова Т.В. Франциск – папа политик [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 30.09.2015. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsisk-papa-politik/> (дата обращения: 01.03.2018).

Incipient Kingship // Journal of Ecclesiastical History. 2017. Vol. 68. Iss. 2. Pp. 223-259.

16. Zanini P. The Holy See, Italian Catholics and

Palestine under the British Mandate: Two Turning Points // Journal of Ecclesiastical History. 2016. Vol. 67. No. 4. Pp. 799-818.

Об авторах:

Антон Николаевич Данненберг – д.филос.н, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественно-научных дисциплин факультет, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС. Проспект Вернадского 84, стр.6, Москва, 119606. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Пётр Игоревич Касаткин – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Проспект Вернадского 76, Москва, 119454. E-mail: pkas@mail.ru.

THE HOLY SEE IN THE HOLY LAND: HISTORY AND THE PRESENT

A.N.Dannenberg, P.I. Kasatkin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-185-200

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article represents a consistent study of historical and of current political presence of the Holy See in the territory of Palestine and Israel as well as of Vatican's position on some problematic issues in the region from the perspective of the state's foreign policy priorities. Special attention is paid to the Vatican's stance on the US actions regarding the relocation of the Embassy in Israel to Jerusalem and the impact of these events on the Vatican-American and Vatican-Israeli relations. The study is of relevance as the understanding of the above-mentioned issues can be useful in finding non-standard and network formats of conflict resolution. Moreover, the analysis of the scientific discourse revealed that Russian researchers do not pay enough attention to activity of the Holy See on the international arena. Thus, the article is to fill the abovementioned gap in the scientific discourse, being the first comprehensive study of the Holy See's presence in the region. The authors conclude that Vatican's interest in the Holy Land intensified after the First World War. At the same time most activities were suspended during the Second World War. The policy of the Holy See towards the region has undergone changes since the Second Vatican Council. The article states that the Vatican conducts gradual, but ambiguous policy towards the countries in the Middle East, focusing on the protection of the Christian population. The article also examines the reaction of the Holy See to US relocating the Embassy to Jerusalem, stating negative attitude of the Holy See towards the United States.

Key words: Holy See, Vatican, Palestine, Israel, papal diplomacy, Middle East, Catholic church, Pope Francis.

References

1. *Gosudarstvo Palestina: pravo na budushchee* [The State of Palestine: the right to the future] / Fedorchenko A.V., Krylov A.V., Morozov V.M. Moscow, MGIMO-

- Universitet Publ., 2018. 418 p. (In Russian).
2. Zonova T.V. *Diplomatiiia Vatikana v kontekste evoliutsii evropeiskoi politicheskoi sistemy* [Diplomacy of the Vatican in the context of the evolution of the European political system]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 200 p. (In Russian).
 3. Kasatkin P.I. Tsennosti i prioritety deiatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi tserkvi na mezhdunarodnoi arene [Values and priorities of the Russian Orthodox Church in the international arena]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 2012, no. 3, pp. 68-72. (In Russian).
 4. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. "Miagkaia sila" vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii: ot teorii k praktike ["Soft power" in Russia's foreign policy strategy: from theory to practice]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2015, no. 2 (35), pp. 107-112. (In Russian).
 5. Krylov A.V., Morozov V.M. Palestino-izraill'skii trek: proval blizhnevostochnoi politiki administratsii B.Obamy [Palestinian-Israeli track: the failure of the Middle East policy of the administration of B.Obama]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 4, pp. 99-112. (In Russian).
 6. Maslova E.A., Shebalin D.D., Shebalina E.O. Rossiisko-vatianskii dialog na sovremennom etape: osnovnye tendentsii i dinamika [Russian-Vatican dialogue at the present stage: the main trends and dynamics]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3, pp. 70-75. (In Russian).
 7. Morozov V.M. Palestino-izraill'skie mirnye peregovory 1995-2001 gg. [Palestinian-Israeli Peace Talks 1995-2001]. *Vostokovednyi sbornik*. Moscow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, 2002. Pp. 76-87. (In Russian).
 8. Petrunina Zh.V. Diplomaticheskaia bor'ba evropeiskikh derzhav v sviazi s konfliktom v Osmanskoi imperii v kontse 40-kh godov XIX veka [Diplomatic struggle of European powers in connection with the conflict in the Ottoman Empire in the late 40-ies of the XIX century]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A.Esenina*, 2007, no. 1, pp. 55-62. (In Russian).
 9. Shebalin D.D., Shebalina E.O. Publichnaia diplomatiiia Sviatogo Prestola [Public Diplomacy of the Holy See]. *Publichnaia diplomatiiia: Teoriia i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Ed. by M. M. Lebedeva. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. Pp. 217-238. (In Russian).
 10. Shumilin A. Problema Ierusalima v blizhnevostochnoi politike SshA [The problem of Jerusalem in the Middle East policy of the USA]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, no. 12, vol. 61, pp. 43-51. (In Russian).
 11. Borromeo A. *Le rétablissement du Patriarcat latin de Jérusalem et le réforme de l'Ordre équestre du Saint-Sépulcre, La France et la Terre Sainte* (Collective Work of the Lieutenancy of France), Parole et silence, Ed. (Monts), 2012.
 12. Italia-Libia. *Storia di un dialogo mai interrotto / A cura di Rossi G., Bontempi M., Parente U., Scoppola Iacopini L.* Istituto Studi Politici "San Pio V" Roma, Editrice APES, 2012. 324 pp.
 13. Kildani H. (Rev. Ph. D.) *Modern Christianity in the Holy Land: Development of the Structure of Churches and the Growth of Christian Institutions in Jordan and Palestine / Hanna Kildani* AuthorHouse, 2010, 719 p.
 14. Palomino R. L'Accordo sulla personalità giuridica tra Israele e la Santa Sede (nota a documento n. 20). *Quaderni di diritto e politica ecclesiastica*. Il Mulino, 1998, no. 2, pp. 419-428.
 15. Simon J. The Papacy and the Establishment of the Kingdoms of Jerusalem, Sicily and Portugal: Twelfth-Century Papal Political Thought on Incipient Kingship. *Journal of Ecclesiastical History*, 2017, vol. 68, iss. 2, pp. 223-259.
 16. Zanini P. The Holy See, Italian Catholics and Palestine under the British Mandate: Two Turning Points. *Journal of Ecclesiastical History*, 2016, vol. 67, no. 4, pp. 799-818.

About the authors:

Anton N. Dannenberg – Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Prospect Vernadskogo 84, b. 6, Moscow, 119606. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Petr I. Kasatkin - Ph.D of political science, associate professor of the Department of World Political Processes, MGIMO-MFA of Russia. Prospect Vernadskogo 76, Moscow, 119454. E-mail: pkas@mail.ru.

РАСКРЫВАЯ СЕКРЕТЫ: О ПРОТИВОБОРСТВЕ ГЕРМАНИИ И США В МЕКСИКЕ В 1914-1918 ГГ.

И.А. Соков

Волгоградский государственный университет

Рецензия на: Mills, W.B. Treacherous passage: Germany's secret plot against the United States in Mexico during World War I. Lincoln: Potomac Books, 2017. 226 p.

Рецензируемая книга представляет собой исследование историка У.Б. Миллса из Университета Небраски-Линкольна, посвящённое изучению до сих пор малоизученного вопроса международных отношений периода Первой мировой войны. Благодаря ныне доступным архивным источникам в странах Европы и Америки автор восстановил историю противоборства секретных служб Германии и США в Мексике, направленного на получение военного перевеса в европейской войне.

Основной сюжет состоит в описании двух эпизодов времен войны, связанных с мексиканскими судами, за обладание которыми боролись дипломатические и торговые представители, а также спецслужбы Германии, чтобы использовать их в качестве заправщиков топливом немецких подводных лодок, занимающихся морским рейдерством в Тихом океане и Карибском бассейне. Кроме этого, автор знакомит читателя с деятельностью немцев по организации баз для своих подводных лодок у побережья Мексики, подготовке на её территории в лагерях немецких наемников и планировании для совместного с мексиканцами вторжения на территорию США.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, США, Мексика, рейдерство

УДК 94(430)(73)"1914/1918"

Поступила в редакцию 06.01.2018 г.

Принята к публикации 17.04.2018 г.

Несмотря на прошедшие сто лет со времени Первой мировой войны, до сих пор отечественными и зарубежными исследователями в её летописи открываются неизвестные страницы. Поэтому исследование американского историка Уильяма Билла Миллса имеет научную актуальность.

Монография основана на документах Национального архива США, архивов Калифорнийского университета и военно-морского флота, на материалах слушаний комитета по международным отношениям Сената США, Секретариата Национальной обороны Мексики и Секретариата мексиканского морского флота. В работе также используются вторичные источники европейских стран (р. 219-220).

Структура работы состоит из пролога, девяти глав и двадцати пяти редких архивных фотографий персонажей книги и морских судов, участвовавших в противоборстве трёх стран рассматриваемого периода.

Пролог знакомит читателя с мексиканским военным флотом, на начало 1914 г. состоявшим из трёх канонерских лодок и патрулирующих западное и восточное побережье страны: «Герреро» (*Guerrero*) водоизмещением 1850 т., «Морелос» (*Morelos*) – 1260 т. и «Тэмпико» (*Tampico*) – 980 т.

Так уж сложилось, что в результате противоборства мексиканских конвенционалистов, считавшихся на тот момент законной властью, и конституционалистов «Тэмпико» перешёл на сторону последних и был разбит в неравном бою канонерской лодкой «Герреро», почти эсминцем, а севшая на мель «Морелос», была сожжена восставшими солдатами.

Из последующих глав становится известно, что через три с половиной года, в августе 1917 г., гордость мексиканского флота, канонерская лодка «Морелос» была продана с аукциона в частные руки для её восстановления – Корнелиусу Адольфу Хейнцу (*Cornelius Adolph Heintz*), 28-летнему американскому гражданину немецкого происхождения из Лос-Анджелеса, связанному с торговым домом «Мельхерс Саксорис» (*Melchers Sucesores*). Менеджер–распорядитель торгового дома Фридрих Генрих Унгер (*Friedrich Heinrich Unger*) с 1914 г. одновременно был «почётным немецким консулом портового города Масатлана и официальным представителем немецкого правительства в этом городе» (р. 23).

Смысл покупки затонувшего судна, как пишет автор, заключался в том, чтобы «немецкая судоходная компания Ллойда, организатор немецких операций по саботажу в Америке, разработала схему покупки "Морелос" у мексиканского правительства и оснастило судно вооружением для наступательных операций» (р. 27).

Вторым судном, к которому проявила интерес немецкая консульская служба в Мексике, стало этнографическое судно «Александр Агассис» (*Alexander Agassiz*) Калифорнийского университета, проданное в частные руки американке женщине-предпринимателю Мод М. Локрэйн (*Maude M. Lochrane*). Организуя свой бизнес в мексиканских прибрежных водах, она попала в сложное финансовое положение в силу ограничений, наложенных американским прави-

тельством и связанных со вступлением США в Первую мировую войну. Немцы предложили Локрэйну партнёрство и выгодный бизнес по вылову тюленей в Южных морях. На что ничего не подозревавшая об истинных целях немецкой команды американка согласилась.

Сюжет монографии довольно-таки сложный. Кроме противоборства разведывательных служб Германии и США на территории Мексики, а также часто сменяемых революционных мексиканских правительств вокруг вышеназванных судов, автором описываются непростые дипломатические и военные отношения между Мексикой и США. В работе подробно описываются операции немецких спецслужб по осуществлению саботажа на американских промышленных предприятиях, проведению диверсий по отравлению скота, предназначенного для отправки союзникам, организации баз для немецких подводных лодок у мексиканского побережья, подготовке немецких наёмников в мексиканских военных лагерях и планирование совместного мексикано-немецкого вторжения на территорию США в случае победы Германии над американскими союзниками в Европе в 1918 г.

Безусловным достоинством работы У.Б. Миллса является его подробное исследование характеров «бойцов невидимого фронта» и мотивации их поступков, а также принятие официальных решений правительствами США, Мексики и Германии во время Первой мировой войны по революционной ситуации в Мексике в свою пользу.

В заключение следует отметить, что данная книга является первым, важным и серьёзным исследованием о противостоянии воюющих стран в период Первой мировой войны на территории Мексики и, несомненно, это исследование вносит вклад в изучение истории международных отношений.

Об авторе:

Илья Анатольевич Соков – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета. 400062 г. Волгоград, проспект Университетский, 100. E-mail: sokov@volsu.ru.

OPENING THE SECRETS: ABOUT THE CONFRONTATION BETWEEN GERMANY AND THE UNITED STATES IN MEXICO IN 1914-1918

I.A. Sokov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-201-204

Volgograd State University

Book review: Mills, W.B. Treacherous passage: Germany's secret plot against the United States in Mexico during World War I Lincoln: Potomac Books, 2017. 226 p.

The reviewed book is the study by the historian of W.B. Mills from the University of Nebraska Lincoln, who devoted to the study of the still little-studied question of the international relations during the Great War. Thanks to the present available archival sources in Europe and America, the author of the book restored the history of the confrontation between the secret services of Germany and the United States in Mexico, aimed at obtaining a military advantage in the European war.

The main story is the description of two wartime episodes involving Mexican ships, which were fought for by diplomatic and trade representatives, as well as by German intelligence agencies, to use them as fuel tankers of German submarines engaged in Sea raiding in the Pacific Ocean and the Caribbean Sea. Besides, the author introduces the reader about the activities of the Germans to organize bases for their submarines near the coast of Mexico, training in its territory in the camps of German mercenaries and planning for a joint invasion with Mexicans into the United States.

Key words: The Great War, Germany, the United States, Mexico, Raider

About the author:

Sokov Ilya Anatol'evich – PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher, Volgograd State University, Department of International Relations, Political Science and Area Studies. 100, pr. Universitetskii, Volgograd, 400062, Russia. E-mail: sokov@volsu.ru.

СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА НАСЛЕДИЯ ГАМАЛЯ АБДЕЛЬ НАСЕРА

А.В. Федорченко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на монографию А.Г. Бакланова «Пирамида Насера. Президент и его время»: монография /А.Г. Бакланов; - М.: Издательство МБА, 2017. 196, [1] с.

ISBN978-5-9500530-0-9

Ключевые слова: Ближний Восток, Египет, Гамаль Абдель Насер, насеризм, советско-египетские отношения.

На фоне всё возрастающего интереса к истории и современным проблемам Ближнего Востока большой интерес представляет монография российского дипломата, учёного и писателя А.Г. Бакланова «Пирамида Насера. Президент и его время». В январе 2018 г. отмечалось столетие со дня рождения египетского президента Гамалья Абдель Насера – государственного деятеля мирового масштаба, который оказал огромное воздействие на судьбу не только египетского, но и многих других народов арабского мира, африканского континента, других стран.

Начальный период после Второй мировой войны – 1950-е – 1960-е гг., на который пришлось правление Насера, было эпохой напряжённого поиска новых моделей политического, социально-экономического развития, серьёзных

УДК 327

Поступила в редакцию 05.02.2018 г.

Принята к публикации 13.04.2018 г.

сдвигов в системе международных отношений. В «третьем мире» тщательно изучалась советская модель плановой экономики, при этом особое внимание было обращено на её жизнеспособность в военные годы и впечатляющие результаты индустриализации в СССР. В первый послевоенный период во многих странах мира, в первую очередь в освободившихся от колониальной зависимости (Индия, Китай, Алжир, Египет и др.) шёл поиск оптимального сочетания государственного и рыночного регулирования в экономике, новых форм хозяйствования. Демонстрационный эффект хозяйственного строительства в СССР был весьма силен.

Сегодня, на новом витке развития ближневосточного региона разработка альтернативных вариантов развития продолжается, хотя уже совсем в других условиях. Политическая ситуация в Египте очень непростая. В принципе, так и должно было произойти, потому что мы наблюдаем здесь смену общественно-политического уклада. На Ближнем Востоке подобные процессы всегда протекают очень болезненно, конфликтно. После полувекового периода становления новых обществ, после антиколониальных, антимонархических революций возникла необходимость смены этих укладов. Часто это сравнивают с поисками нового технологического уклада в сфере экономики. Египет может здесь служить хорошим полем для исследования социальных и экономических изменений, поскольку эта страна считается своего рода центром арабского мира. В арабском языке применительно к Египту употребляется даже выражение «умм-аль-Арабия», то есть «мать арабского мира», и во многих арабских странах я часто слышал от арабов слова уважения по отношению к Египту и египтянам – представителям, как многие считают, центра сообщества арабских стран. В результате трансформационных процессов в этой стране произошло то, что произошло: к власти в Египте (и в ряде других арабских стран) пришли исламисты, и перед ними встали очень сложные задачи [2]. Затем у руля государственного управления утвердились военные, наметилась тенденция к «новому авторитаризму».

Нынешняя обстановка в регионе предопределяет необходимость появления новых программ и новых лидеров, способных вернуть людям надежду и дать им ориентир. В это непростое время возникает необходимость в оценке как позитивного опыта, так и ошибок прежних лидеров Египта, в ряду которых президент Гамаль Абдель Насер занимает особое место. Насер остаётся культовой фигурой в арабском мире, он почитается, в частности, за стремление к социальной справедливости, арабскому единству, за политику антиимпериализма и социально-экономической модернизации. Не случайно в начале «арабской весны», в ходе народных выступлений в Египте в 2011 г. многие демонстранты несли в руках портреты Насера. Сторонники идеологии насеризма как панарабского движения остались не только на Ближнем Востоке.

Значение книги основано на богатом опыте научной и дипломатической работы А.Г. Бакланова. Находясь на дипломатической службе в Египте, автор имел

возможность провести исследования изучаемых проблем. Он трижды работал в Египте в посольстве нашей страны, в том числе, в годы президентства Насера. В результате значительная часть этой публикации представляет собой информацию, образно говоря, «из первых рук».

Помимо актуальности и научной новизны рецензируемой работы хотелось бы отметить солидный фактологический фундамент, на котором базируется книга. Автору удалось привлечь большой объём исходных данных, степень достоверности которых у меня не вызывает никакого сомнения. Были использованы документы российских и зарубежных архивов, как опубликованные, так и пока не опубликованные, изученные автором: государственного архива Великобритании Public Records, документы Архива Внешней политики РФ, в том числе, касавшиеся отношений Москвы с Каиром («Ближневосточный конфликт. Документы, в двух томах. Ответственный редактор В.В. Наумкин. Москва. 2003). Автором были использованы прекрасно выполненные переводы ряда выступлений Гамалья Абдель Насера, включенные в сборник документов «Г.А. Насер. Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952-1970 гг.», (Москва. Международные отношения. 1979), сборники Центрального агентства общественной мобилизации и статистики Египта, ежегодники Федерации промышленников Египта, публикации Института планирования Египта. Были привлечены материалы печати Египта, в том числе, журналов «Роз эль-Юсеф», «Ат-Талиа», «Аль-Иктисадий», «Ас-Сийаса ад-Дуалийя».

Структурно работа состоит из пяти глав. Первая посвящена анализу «Насеровской» модели ускоренного экономического развития. Весьма важным представляется вывод автора о том, что «Насер стал первым лидером афроазиатских стран, который понял, что достижение политической независимости и обретение страной суверенитета мало что принесёт населению страны, если эти предпосылки не будут использованы в целях ускоренного экономического развития и поднятия уровня жизни людей». Отдельные элементы опыта насеровских реформ вполне могут быть использованы сегодня – конечно, с учётом современных хозяйственных реалий. Так, традиции экономического этатизма восточного типа, которые в полной мере использовал Насер, скорее всего, будут дополнены фундаментальной переоценкой роли государства в экономике, существенным изменением баланса сил в сторону усиления частного предпринимательства.

Хозяйственные преобразования начались с системной реформы в аграрной сфере, в которой концентрировалась основная часть занятых египтян. Под руководством Насера была осуществлена первая в арабском мире реформа, ликвидировавшая пережитки феодализма. По закону от 9 сентября 1952 г. прошла конфискация королевских земель, изъяты за выкуп помещичьи земли, превышающие установленный максимум в 300 федданов. Была понижена арендная плата, упорядочена заработная плата сельскохозяйственных рабочих, созданы сельские кооперативы. В ответ на западные политические и экономические

санкции началась «египтизация» национальной экономики: национализирован Суэцкий канал, одновременно подверглась секвестру вся собственность и капиталы, принадлежавшие английским и французским гражданам, компании других стран были национализированы в течение пяти лет. Затем развернулось наступление государства на крупный египетский частный капитал в промышленности, финансовых услугах, на транспорте и в торговле. В результате образовался мощный государственный сектор, который соответствовал нарождающейся модели динамичного экстенсивного хозяйственного роста на плановой основе.

Итоги хозяйственных преобразований нельзя назвать однозначными. С одной стороны, они обеспечили ускоренное развитие экономики, её существенную диверсификацию, подорвали позиции традиционных господствующих классов – крупной буржуазии и латифундистов. С другой стороны, к середине 1960-х гг. негативно влияние на экономический рост стали оказывать неизбежные «спутники» подобной модели развития – гипертрофия бюрократического аппарата, снижение эффективности производственных ресурсов, направляемых в государственные компании. В итоге придание экономике административно-регулируемого характера дало лишь временный положительный эффект и в конечном итоге завело её в тупик подобно тому, как это произошло в СССР и других социалистических странах.

В то же время, если попытаться спроцировать положительный потенциал насеровских хозяйственных преобразований на сегодняшний Египет и другие развивающиеся экономики со сходной структурой, то можно выделить как минимум два момента. Во-первых, решению основных социально-экономических проблем будет способствовать изменение стратегии развития в направлении от фокусировки на экономическом росте к ориентации на достижение триединой цели – экономический рост, направленный на более равномерное распределение национального дохода, кардинальный сдвиг в решении проблемы занятости, преодоление бедности. Такая увязка экономических и социальных ориентиров не только будет способствовать демократизации и понижению уровня конфликтности в обществе, но и ускорит хозяйственное развитие региона [1, с. 57]. Во-вторых, при Насере началась трансформация социальной структуры общества в направлении усиления средних слоев, средней и мелкой буржуазии, современно рабочего класса. А ведь именно неразвитость среднего класса так сильно тормозит позитивные социально-экономические и политические сдвиги в развивающемся мире.

Вторая глава посвящена как раз социальным реформам, а также созданию новой политической системы страны. Реформы Насера, курс на построение социализма «с египетским лицом» оказались претворением в жизнь идей конвергенции, взаимопроникновения и взаимодополнения социалистической и капиталистической моделей хозяйствования и организации жизни. Своеобразие новой египетской экономики состояло и в применении в ней отдельных

постулатов исламской хозяйственной модели. На основе конкретных примеров автор убедительно показал, что в результате реформ улучшение условий жизни наёмных работников было для Египта поистине революционным: вводился восьмичасовой рабочий день, начали внедряться принципы рабочей демократии, произошло самое крупное в новейшей истории страны снижение уровня безработицы и т.д.

В следующей главе детально исследован внешнеполитический курс Насера, который привёл страну к «подлинной независимости от бывшей метрополии – Великобритании и Запада в целом, создав этим важнейший прецедент для арабских и африканских стран». Насер активно участвовал в формировании движения неприсоединения.

Особого внимания заслуживает вывод о том, что историческая роль египетского лидера в формировании современного миропорядка недооценена. Это, прежде всего, относится к вопросу о военно-политических объединениях в регионе Ближнего Востока. В данном разделе также сделан акцент на рассмотрении роли Советского Союза во внешней политике Египта, подробно рассмотрены шаги советского руководства по прекращению тройственной агрессии против Египта в 1956 г.

Особо следует выделить рассмотренные в монографии теоретические и практические аспекты насеровской идеи панарабизма и участие египетского президента в становлении движения неприсоединения.

Как отмечает А.Г. Бакланов в своей книге, Насер сыграл историческую роль в создании нового формата взаимодействия стран «третьего мира». Он был одним из главных действующих лиц в ходе подготовки и проведения первой конференции стран Азии и Африки, состоявшейся в индонезийском городе Бандунге в апреле 1955 г. Это было своего рода ответом на активизацию Запада в направлении создания на этих континентах подконтрольных ему военно-политических союзов. Принципы разработанного в Бандунге итогового Коммюнике не утратили актуальности и в начале XXI в.: уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав и от интервенции и вмешательства во внутренние дела других стран, урегулирование всех международных споров мирным путем. Позднее, в середине 1970-х гг., концепция движения неприсоединения повлияла на выдвижение идеи о «новом международном экономическом порядке».

К концу 1950-х гг. панарабизм стал главенствующей идеологией в арабском мире. Насер использовал арабское националистическое движение для распространения своих панарабских взглядов в ближневосточном регионе. В качестве первого шага к полному арабскому единству в феврале 1958 г. было провозглашено создание Объединённой Арабской Республики (ОАР) – федеративного союза Египта и Сирии. Арабский национализм Насера в силу конкретных ре-

гиональных обстоятельств видоизменялся. Первоначально Насер руководствовался идеей не формального объединения арабских стран, а объединения во имя обеспечения интересов широких народных масс, преодоления отставания наименее развитых арабских государств. Не вдаваясь в детали данной идеологии, отмечу лишь такие её императивы как проведение социальных революций в отсталых странах, главенствующая роль Египта в объединительном процессе и исключение из него «реакционных сил». На втором этапе «выяснилось, что в большинстве арабских стран отсутствуют реальные возможности для прихода к власти сил, близких по духу к Насеру». Он пришёл к выводу о необходимости объединения на более широкой основе. Распад ОАР существенно подорвал объединительную идею.

И всё же в наше время националистическая идеология в арабском мире не утратила своего значения, несмотря на стремительное распространение политического исламизма. «Ведь именно арабский национализм, – как отмечает академик В.В. Наумкин, – а вовсе не сладкая парочка – Сайкс-Пико, породил ту систему государств, которая до сих пор существовала на Ближнем Востоке, но недавно дала постоянно расширяющуюся трещину, не выдержав испытания глобализацией. Национализм не только не сгинул, но готовится к возрождению, хотя и может принять новые формы»¹.

Анализируя тернистый путь Египта к независимости, автор детально исследует политику этой страны по противодействию усилиям ведущих стран Запада, направленным на сохранение своих позиций в этой ключевой арабской стране. После поражения Англии и Франции в драматичной военной акции против Египта в 1956 г. США выдвинули «доктрину Эйзенхауэра», направленную на заполнение Соединёнными Штатами образовавшегося вакуума силы. Эта политика была решительно отвергнута Египтом, а также солидарными с ним Сирией, Тунисом, Суданом, Йеменом, Афганистаном.

Сегодня большой интерес представляет подход Насера к роли религии в обществе. Рассматривая Египет как важную часть мусульманской уммы, Насер отмечал, что «религию пытаются использовать для своих сомнительных целей реакционные элементы в арабских странах и поддерживающие их внешние силы. ...Насер одним из первых среди руководителей афро-азиатских стран, государств арабского мира осознал большую опасность, которую таит в себе использование религии в политических целях».

Четвёртая глава посвящена «дням испытаний» – войне 1967 г. Опираясь на широкий круг архивных материалов, А.Г. Бакланов глубоко проанализировал столь драматичный для Египта период накануне, в ходе и после Шестидневной войны, эволюцию позиций Насера в этот период по внешнеполитическим (включая БВУ) и внутриегипетским проблемам.

¹ Наумкин В.В. «Ящик Пандоры» федерализации на Ближнем Востоке. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yashchik-pandory-federalizatsii/>

Заключительный раздел посвящён столь актуальным для России вопросам советско–египетских отношений. Давние тесные связи между двумя странами до сих пор живы в воспоминаниях египетского народа, а их символы – такие, как Асуанская плотина или Хелуанский промышленный комплекс – продолжают хранить память о той помощи, которую в своё время оказывал Советский Союз Арабской Республике Египет. Большой интерес представляет содержащийся в работе анализ, как правило, невидимых стороннему наблюдателю важных деталей процесса постепенного сближения СССР и Египта во времена Насера.

В настоящее время у нашей страны есть возможность занять свою нишу в формирующемся новом египетском государстве, а значит, и усилить влияние через ключевую страну региона на процессы, происходящие на Ближнем Востоке и Северной Африке. Получилось так, что наиболее прагматичной оказалась политика нейтралитета в отношении египетских событий последних лет, которую проводила Россия. Очевидно, что надеяться на восстановление былого влияния в Египте в современных реалиях нам не приходится, и во времена Насера и Хрущёва уже не вернуться, по крайней мере, в среднесрочном плане. Внешняя политика обеих стран стала многовекторной и более сбалансированной. Но возможность выстраивания Россией своей системы рычагов воздействия на египетский истеблишмент, развития многосторонних отношений с Египтом абсолютно реальна.

В настоящее время, как это ни парадоксально на первый взгляд, на Ближнем Востоке возникают благоприятные возможности для использования иностранной «мягкой силы». Руководители стран, где произошла смена режимов, сопротивляясь навязыванию им зарубежных моделей демократии, с оптимизмом воспринимают инициативы Запада, России, Китая по экономическому возрождению региона.

Россия напрямую заинтересована в успехе экономических преобразований в Египте — одной из ведущих ближневосточных стран, с которой нас связывает многолетний опыт хозяйственного сотрудничества. Судя по всему, у обоих государств есть взаимный интерес к новому сближению. Ещё в качестве министра обороны Абдель Фаттах ас-Сиси продемонстрировал приверженность сбалансированному подходу во внешней политике своей страны. Свидетельство тому — визит в Египет в необычном формате руководителей МИД и Минобороны России 14 ноября 2013 г. и продолжение переговоров в таком формате уже в Москве 13 февраля 2014 г. Россия стала первым иностранным государством, которое посетил министр обороны и фактический руководитель Арабской Республики Египет ас-Сиси после устранения от власти президента М. Мурси². В ходе последующих переговоров были намечены перспективные проекты сотрудничества – российские поставки зерна, машин и оборудования, а также кооперация в

² Федорченко А.В. Египет после выборов: необходимость и возможность экономических реформ. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/253304/>

области добычи полезных ископаемых, строительство АЭС на площадке в Эль-Дабаа, создание в окрестностях Порт-Саида российской промышленной зоны.

Имеет смысл обратиться к тем весьма ценным в нынешней ситуации компонентам советско-египетских отношений, которые успешно использовались в эпоху Насера. Многообразие этого сотрудничества проявлялась в координации внешней политики двух государств на Ближнем Востоке (хотя это не всегда приводило к явному укреплению позиций СССР в регионе), сочетании военно-технического сотрудничества с советской весомой и многоплановой помощью в гражданском экономическом строительстве в Египте. Хозяйственное содействие включало не только льготные кредиты, но и столь необходимые Египту передачу технологий, участие в развитии национальной системы подготовки кадров для строящихся объектов. Египет стал одним из основных импортёров образовательных услуг нашей страны, что, помимо прочего, укрепляло позиции дружественно настроенных к СССР слоёв египетского общества на самых разных его уровнях.

Как отмечено в монографии, в период президентства Насера между нашими странами стало складываться взаимодействие по линии религиозных объединений, началась выработка общих подходов мусульманских общин двух стран, на регулярную основу был поставлен делегационный обмен по линии мусульманских организаций и специалистов-востоковедов. Развивать такие связи важно с точки зрения сегодняшнего совместного противостояния России и Египта международному терроризму и экстремизму.

Египет будет по-прежнему умело лавировать между интересами России, США, Евросоюза, Саудовской Аравии, Израиля и Турции, отдавая предпочтение, прежде всего, своей самостоятельности, экономической и политической выгоде. Но, как показывает история развития российско-египетских двусторонних отношений, такая позиция египетской стороны с наибольшей отдачей работала на благо совместного сотрудничества по многим направлениям.

Формат рецензии не позволяет перечислить и разобрать многие другие проблемы, которые рассматриваются на страницах работы А.Г. Бакланова. Книгу надо читать. Тема монографии настолько многоплановая, что есть, где развернуться не только историку, но и социологу, политологу, экономисту. Так оно и получилось, потому что автор вышел далеко за пределы чисто исторических сюжетов.

Для читателя, как правило, большое значение имеет манера изложения и оформление книги. В этом отношении рецензируемая монография явно выигрывает на фоне многих традиционных академических изданий. Она написана очень увлекательно и доходчиво, содержит большое количество интересных, ранее неизвестных фактов. Это, безусловно, привлечёт к ней внимание самого широкого круга читателей. Избранный автором жанр (на мой взгляд, нечто среднее между научной работой, эссе и очерками) снимает возможные замечания о необходимости постраничных сносок в тексте с указанием используемых источников и литературы. Работа будет полезной как для специалистов в области регионоведения и международных отношений, так и для исследователей,

занимающихся вопросами эволюции политических систем и государственного устройства стран Ближнего Востока.

На основании вышеизложенного правомерно сделать общий вывод – книга не только заслуживает пристального внимания российских читателей, но и может успешно выйти на книжные рынки других стран.

Список литературы

1. Федорченко А.В., Крылов А.В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов. М., МГИМО, М., 2012. 85 с.
2. Bellin E. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. // *Comparative Politics*, 2012, 44(2). Pp. 26-43.

Об авторе:

Андрей Васильевич Федорченко – д.э.н., профессор, директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru.

ASSESSING THE HERITAGE OF GAMAL ABDEL NASSER

A.V. Fedorchenko
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-205-213

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Book review: Andrey Baklanov, *The Pyramid of Nasser. President and his time*. Mjscow: MBA Publishing house, 2017. 196 p.

Key words: Middle East, Egypt, Gamal Abdel Nasser, nasserism, Soviet-Egyptian relations.

References

1. Fedorchenko A.V., Krylov A.V. Blizhniy Vostok: vozmozhnyye varianty transformatsionnykh protsessov [Middle East: possible variants of transformation processes] Moscow, MGIMO, 2012. 85 p. (In Russian)
2. Bellin E. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. *Comparative Politics*, 2012, 44(2), pp. 26-43.

About the author:

Andrey V. Fedorchenko – D. of Sc. (Economics), Professor, Director of Center for Middle Eastern Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.
E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru.